

УРАЛЬСКИЙ следопыт

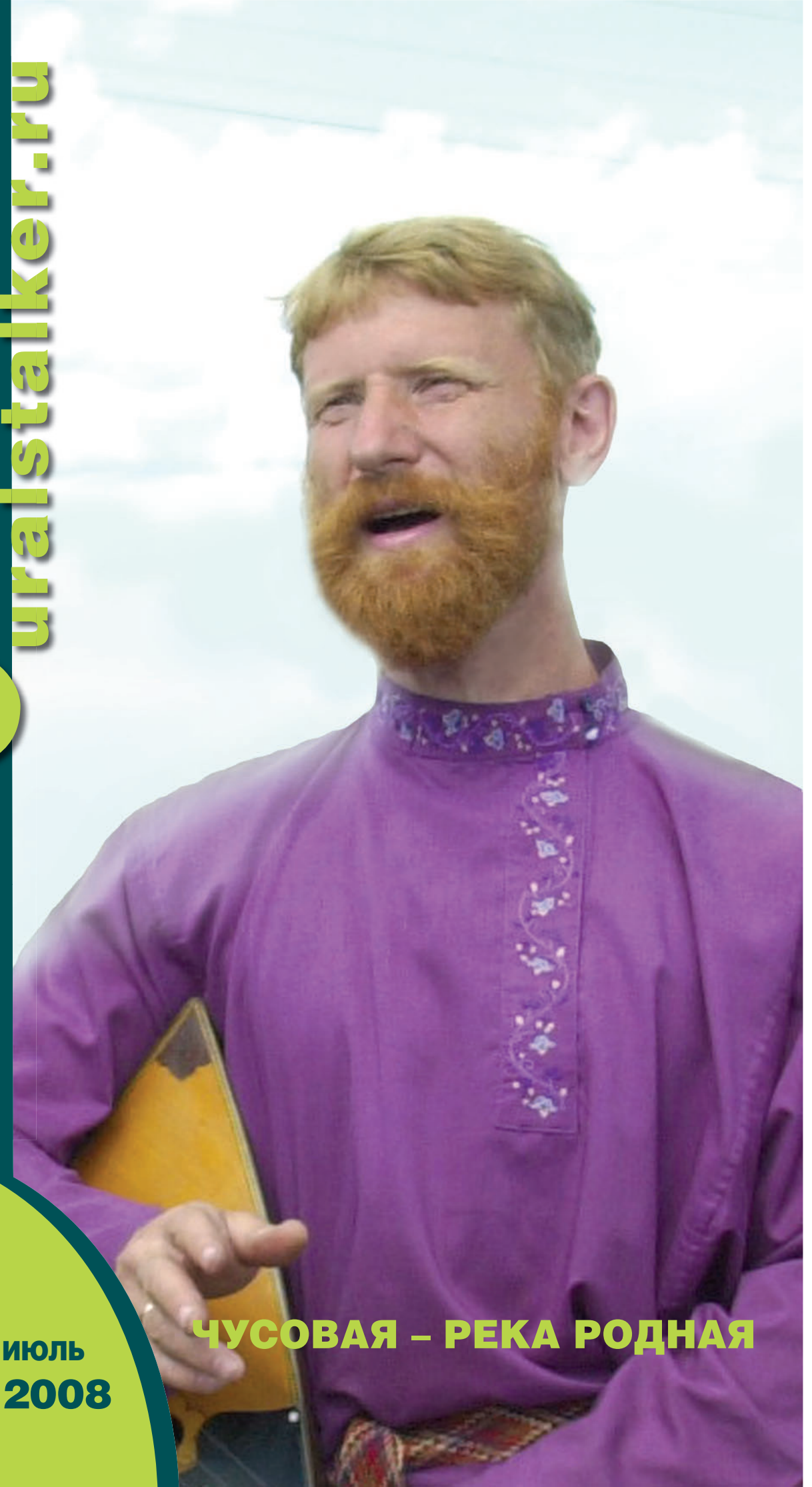
uralstalker.ru

Уральский следопыт, июль 2008

ИЮЛЬ
2008

ЧУСОВАЯ – РЕКА РОДНАЯ

Светлана НАДЬ
Фото: Вадим ОСИПОВ

50-летие журнала

«Уральский следопыт»

50-лет — много или мало? Все, конечно, познается в сравнении. Если проводить параллель со старейшими изданиями России, вроде бы не так и много, а вот если посмотреть на творческий путь, пройденный журналом за этот период времени, сразу станет понятно, какую огромную работу проделал его коллектив.

10 июня 2008 года в библиотеке Главы города прошел торжественный вечер, посвященный 50-летию юбилею российского журнала «Уральский следопыт».

С поздравлениями к присутствующим обратилась ведущий специалист Управления культуры Администрации г. Екатеринбурга Лариса Викторовна Петрова. Она отметила важность данного события, которое невозможно переоценить, так как не одно поколение являлось читателем журнала.

Кольцо «Морская звезда»

Кольцо «Незабудки»

РЕКА ВРЕМЕНИ

таций, на которых М. Казанцев с успехом демонстрирует свои изделия.

В 1999 году он с отличием защитил в УрГАХА дипломную работу «Дамский косметический гарнитур».

По окончании академии он поступил на работу ювелиром-модельером на Екате-

ринбургский завод ОЦМ, где на практике оттачивает полученные знания.

Сейчас Максим Казанцев трудится на Уральском ювелирном заводе «АДАМАС». По словам искусствоведа В.С. Булавина, сегодня он занимает ведущее место в развитии ювелирного искусства на Урале.

Бывая в ювелирных магазинах, тщетно пытаюсь отыскать на прилавках произведения Максима. К сожалению, кроме веса и пробы, на драгоценных изделиях ничего не значит. А так хотелось бы знать имена художников, ибо их дело — по словам К. Паустовского — «рождать радость»...

Гарнитур «Орбита»

Главный редактор Максим Юрьевич Фирсов рассказал присутствующим о проделанной работе и развитии журнала, затем представил руководителей отделов: Бориса Долинго – «Аэлита», Юния Горбунова – «Река времени», Светлану Надь – «Свеча горела», Елену Дуреко – «Встречный ветер».

Поговорить о перипетиях редакционной и культурной жизни вообще, удачах и промахах, о будущих перспективах собралась творческая элита города. Среди приглашенных – члены Екатеринбургского отделения Союза писателей России и Союза российских писателей, которые являются авторами журнала: Вадим Осипов, Владимир Блинов, Александр Кердан, Юрий Бриль, Юрий Конечный, Андрей Расторгуев, Евгения Изварина, Борис Телков. В числе гостей были также поэты Анатолий Гагарин, Любовь Новак; коллеги из другого уральского издания, журнала «Веси» – Юрий Владимирович Яценко и Татьяна Евгеньевна Богина.

Вспоминали о своих первых публикациях в «Уральском следопыте». Говорили о важности сохранения первоначальной концепции содержания журнала, о его воспитательной, познавательной и эстетической роли.

В рамках празднования юбилея была открыта выставка фотографий авторов журнала:

Евгений Савенко,
Ирина Пашнина,
Вадим Осипов,
Ирина Кузнецова.

Фотовыставка ярко и выразительно презентовала ту сторону, которая является неременной и неотъемлемой частью журнала — красочность и лиричность, событийность фотографий — все это наполняет и насыщает издание.

Гости пожелали журналу долгих лет жизни и процветания, а его коллективу — творческих успехов и хорошего настроения.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

июль 2008

**Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007**

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Возвращение из Леты</u> А. КОРЮКОВ	Быньговские чудики.....	35
<u>Далекое — близкое</u> А. ЛЕВЧЕНКО	Необычный военный совет.....	38
<u>Неостывшая история</u> Т. НЕМШАНОВА	«Враги народа» из деревни Манья.....	4
<u>По белу свету</u> И. ГЛАДКОВА	Колдовское озеро.....	6
<u>Тропой поиска</u> Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России.....	5
<u>Страна топонимия</u> В. МОИСЕЕВ	Как Евстюниха стала Усть-Унихой.....	56
<u>Литературное краеведение</u> В. ДЕРЯБИН	На вогульской тропе.....	66
<u>В мире прекрасного</u> Т. БОНДАРОВИЧ	Рождать радость.....	79

АЭЛИТА

<u>Законы Вселенной</u> М. КИТОВСКИЙ	Ошибка природы.....	3 0
А. ФЕДОТОВ	Орел или решка?.....	6 4
<u>Координаты чудес</u> В. БРУСКОВ	Дорога к дому.....	5 2
В. ВАРКУН	Ноктюрн цвета морской волны.....	7 6
<u>Повод для улыбки</u> М. ГЕЛПЕРИН	Парадокс.....	4 6

СВЕЧА ГОРЕЛА

<u>ПРОЗА</u> <u>Новые встречи</u> А. ИВУНИН	Что всего сильнее на свете?.....	5 0
<u>Время мастера</u> В. СОКОЛОВСКИЙ	Фенька и чужестранцы.....	1 4
<u>СТИХИ</u> <u>Время мастера</u> А. ШАЛОБАЕВ	.....	1 2
<u>Новые встречи</u> В. ДИТЯТЕВ	.....	4 0
<u>Молодые имена</u> Ю. ПАПАНОВА	.....	6 2

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>В объективе — Урал</u> Б. МАЙДАНИК	Лесная добыча.....	58
<u>Проекты «Уральского следопыта»</u> Б. ПЕТРОВ	Чусовая — река родная.....	2 6
М. ФИРСОВ	На Азов-гору.....	4 2
<u>Здравницы Урала</u>	«Изумрудный берег».....	44

Главный редактор — М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С.А. Наль.
Худ. редактор, верстка — Д.М. Портнова.
Художники — А. Митрофанова, Я. Ахметшина.
Ответственный секретарь — Е.Ю. Дурeko.
Набор — В.М. Кадочникова.
Корректор — С.И. Казанцев.
Фото 1-й полосы обложки — И. Ключева

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Издатель — ООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет

• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
• Семен Спектор, Заслуженный врач России;
• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

Все школы г. Березовского получают журнал «Уральский следопыт» благодаря администрации города и главе города В.П. Брозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.

Почтовый адрес: 620014,

г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком **pd** публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 269-22-34.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Розничная продажа в магазинах «Живое слово», по адресам:

ул. Гагарина, 1-В;
ул. Пехотинцев, 6;
ул. Волгоградская, 190;
ул. Родонитовая, 9;
ул. Блюхера, 12;
ул. Победы, 38;
пр. Космонавтов, 72;
ул. Крауля, 44;
ул. Кр. командиров, 23.

Кроме того, мы предлагаем Вам подписку через редакцию. Справки по тел. (343)269-22-34

«Уральский следопыт.uralstalker.ru», № 7 подписан к печати 15.06.2008 года.

Печать офсетная. Тираж: 4500. Отпечатано в ГУП СО типография «Монетный щебеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ №

Татьяна НЕМШАНОВА

«Враги народа» из деревни Манья

На топографических картах Березовского района можно обнаружить несколько рек с одноименным названием Манья. Топоним «Манья» с языка народа манси переводится как «маленькая река»: «мань» — маленькая, «я» — река. Но маленькая — это с точки зрения северянина, привыкшего к речным просторам. Вряд ли можно причислить Манью — правый приток реки Хулги — к мелким речушкам!

Да и горный нрав ее впечатляет! Успев покрыться льдом еще в первой половине октября, она, как необъезженная кобыла, вдруг сбрасывает ледовое одеяние, вздыбливает бирюзовые льдины, торосит. Зимняя поверхность реки в ее верховьях подчас больше похожа на поле арктических торосов-льдов Северного Ледовитого океана — чуть меньшего размаха, но не менее запоминающихся. Лишь к середине зимы река чуть успокоится, но ненадолго — еще до общего ледохода в низовьях она сорвет сковывающий ее свободу ледовый панцирь, очистится, зазвенит.

В верховьях Северной Сосьвы, выше поселка Няксимволь, есть еще одна Манья, но

та больше соответствует своему имени, да и характер у нее покладистее, хотя тоже — с норовом, как у всех горных рек севера.

На левом берегу Маньи — притока Хулги, на высоком яру, среди югорских урманов жила до середины двадцатого века вогульская (мансийская) деревушка — Манья, одноименная с этой рекой. Саранпаульские жители называют сейчас это место — «Старая Манья». Когда же поселились люди на берегах таежной реки, что так богата рыбой, дичью, ягодами, кедровыми орехами?

Скорее всего сотни, даже тысячелетия назад. Известно, что Манья уже существовала до появления Саранпауля, до переселения на берега Ляпина (Сыгвы) коми-зырян. Почти двести лет назад на берегах Маньи уже проживали вогулы-манси. В девятые годы XIX века (более ста лет назад) по Манье путешествовал Константин Дмитриевич Носилов — географ, этнограф, писатель. В своих очерках он описывал жизнь таежных аборигенов. В ту пору вогулы вели размеренный традиционный образ жизни — занимались рыболовством, охотой.

Сталинские репрессии 1937-1938 годов не обошли стороной крохотную мирную деревушку. После Казымского восстания хантов при повальных плановых

арестах и расстрелах мужского населения по Ляпину, Северной Сосьве и их притокам кровавая диктатура уничтожила значительную часть деятельного активного населения, в корне покончив с любым проявлением недовольства новой властью — новой жизнью. Лишив малочисленные народы лучшей части мужского генофонда, тоталитарная сталинская власть устранила народных лидеров: шаманов — хранителей и носителей угорской культуры, отцов многодетных семей, зажиточных — то есть трудолюбивых и влиятельных в народной среде людей, обрекла угров на ассимиляцию — утрату самобытной культуры и на деградацию.

В декабре 1937 года в Манье, где проживало всего несколько вогульских семей, были арестованы и уже в январе 1938 года расстреляны в Ханты-Мансийске (в течение месяца после ареста) И.С. Анандеев, Иван Иванович Сайнахов (57 лет), Николай Филиппович Тихонов (48 лет), Никита Филиппович Тихонов (71 год), Иван Григорьевич Тихонов (66 лет). Все они — рыбаки-охотники, кормильцы больших семейств (это лишь те, чьи имена удалось установить). Все они реабилитированы посмертно в 1959 году.

В годы Великой Отечественной войны все взрослое

мужское население Маньи призвали на фронт. В деревне оставались лишь женщины с детьми. В 1942-1943 году (дата точно не установлена) разразилась эпидемия дифтерии. Внезапная беспощадная болезнь отнимала детей. За неделю деревушка обезлюдела. За сутки в многодетных семьях умирало по несколько человек. В те времена дети спали все вместе, на одних полотах. Утром живые просыпались рядом с умершими ночью братьями и сестрами в одной постели, рассказывали очевидцы. Погибших детей женщины не успевали хоронить. Тайга наполнилась безутешным горем и материнскими слезами отчаяния. Оставшиеся в живых женщины, лишившиеся и мужей, и детей, переселились со стариками в Ясунт и Саранпауль, навсегда покинув Манью. С той поры там никто не живет.

Такова трагическая история навсегда исчезнувшего старинного селения нашего района.

Когда на лодке проезжаешь мимо высокого яра, снизу — с реки — просматривается пустошь на месте бывшей деревушки. Лес, спустя почти семьдесят лет, не спешит поглотить освободившееся пространство, словно не хочет стереть с лица земли память о тех, кого уже не вернешь.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(материалы
для библиографического словаря)

Г

Г..., поэтесса.

Печаталась в екатеринбургской гимназич. газ. «Общими силами» (1915).

Голдин.

Г. Лидия, переводчица

Пер. с франц. ст. «Взгляд Вольтера на Восточную церковь в сравнении ее с Римскою и о гонениях за веру в Польше (опыт историко-критический)» // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1864. № 12, июнь.

Слов. рус. писательниц.

Г – А А., переводчица

Пер. с франц. арабские сказки Шахерезады «Тысяча и одна ночь», переведенные с персидского Голландом. Тт. 1-2. М., 1866.

Слов. рус. писательниц.

Г – ВА А., поэтесса

Печаталась в екатеринбургской газ. «Зауральский край» (1915).

Голдин.

Г – ВА Екатерина Семеновна

Сотр. журн. «Русская хозяйка». В этом журн. напеч. ее статьи: «Мазь для заживления ран у деревьев», «Очищение ламп», «Желудочный эликсир», «Сбережение малосольной икры», «Домашние лекарства от кашля», «Правила для варки спаржи» (1861. № 11).

Слов. рус. писательниц.

Г – ВА К.Ф.

Опубл. стихотв. «Веет запах кинамона» (с еврейского) // Отч. зап. 1856. № 8.

Слов. рус. писательниц.

ГИ – ОВА Т., поэтесса

Печаталась в екатеринбургском «Гноме» (1907).

Голдин.

Г – КЕ П., переводчица

Пер. с нем. «Разговоры о религии, относительно Бога и Его свойств». СПб., 1840 — рец. «Отч. зап.». 1840. № 11. Отд. VI.

Слов. рус. писательниц.

Г – Я А.

«Поздравительные стихи, посвященные моим милым ученицам». Изд. книгопрод. Леухина. М., 1866.

Слов. рус. писательниц.

(Начало в № 1 2005 г.

Продолжение на стр. 39)

Колдовское озеро

Кто-то остроумно подметил, что турист за границей, особенно любознательный из России — явление совсем не изученное. Ему предлагают недельное турне по чужой стране, а он с минимумом знаний языка глухонемых старается увидеть и изучить то, что абориген не успеваает сделать за всю свою жизнь.

И вот вы решили посетить знаковые места Баварии. Коли уж приехали знакомиться с красотами этой земли, то не доехать до замка Нойшванштайн (в буквальном переводе «новый лебединый камень») — значит не увидеть чуда. Удивителен даже окрестный горный ландшафт: утопающие в ярких красках осени отроги Альпийской гряды, где, будто к одной из гор, прилепился этот белоснежный, со стрельчатыми башнями дворец. А когда на горы падает туман, маковки дворца в нем не тонут: чудится, что из этой белизны вдруг выплывает огромная гордая птица.

Но в ясную погоду за этой панорамой четко проступает

Петр Ильич Чайковский

большое зеркало воды. К нему, как и к замку, нельзя подъехать механическим транспортом, только на своих двоих и почти

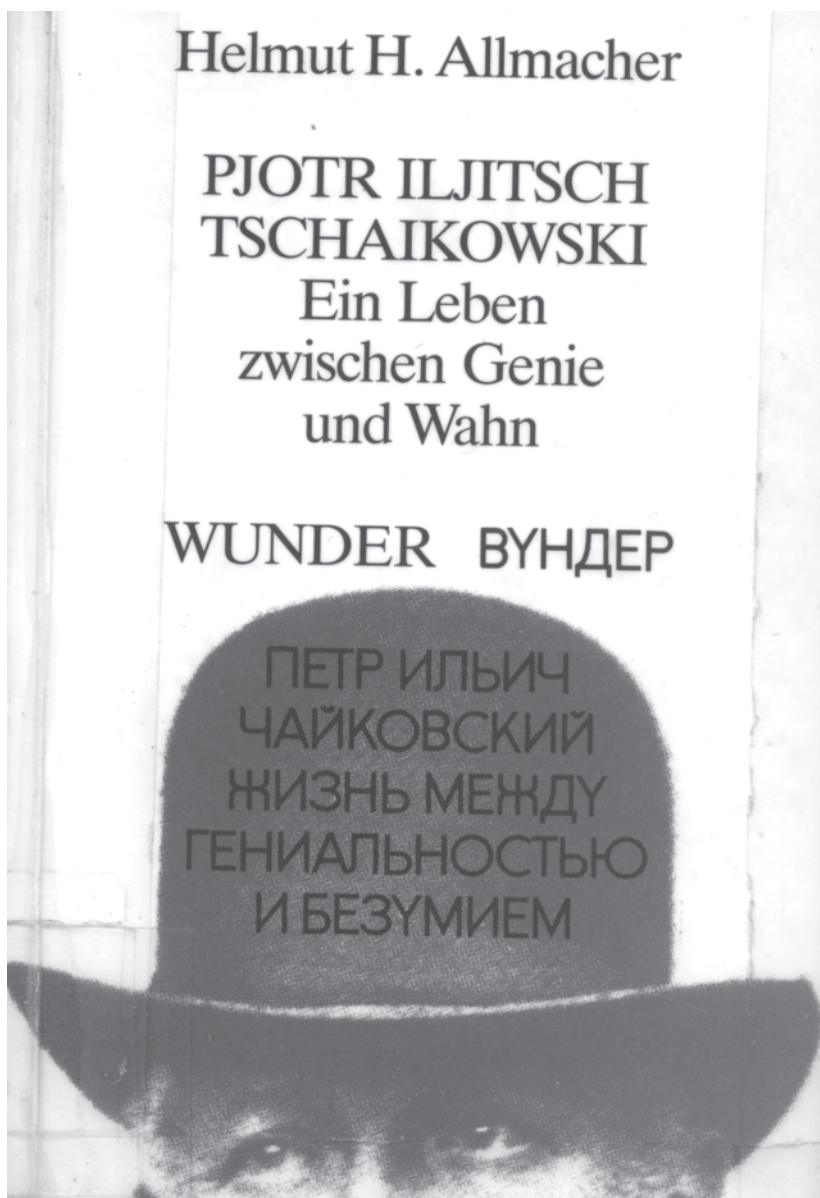
по отвесной тропе. Представим, что вместе с группой дотошных пешеходов и по очень крутому склону, изрядно попотев, вы все-таки поднялись вверх метров так на четыреста. Озеро напоминает жерло потухшего вулкана. Выходите на висячий над пропастью мост. И тут даже местные жители, которые привыкли к храбрости здешних нестреляных птиц, берущих корм прямо из рук, застывают в изумлении: впечатление такое, что на воду выпал ослепительно белый, «живой» снег.

Откуда здесь столько лебедей, этих царственных

Главная тема из «Лебединого озера»

Обложка книги Альмахера

созданий природы?

В королевских владениях их особо охраняют, как, к примеру, священных воронов Тауэра. Но здесь природа вас просто ошарашивает. Вы наблюдаете загадочный мираж. Слуха касается все усиливающаяся мелодия, и гордые птицы в своих балетных пачках начинают грациозный танец. Это как бы невозможно, но под небесным куполом талантливый сценограф создал картину до боли известного балетасказки. Это музыка, услышав которую однажды, перепутать ни с чем нельзя. Но почему здесь, на немецкой земле, звучит не

местный классик? Конечно же, должен быть Рихард Вагнер! В его операх птицы-лебеди носят героя. А слышите вы почему-то

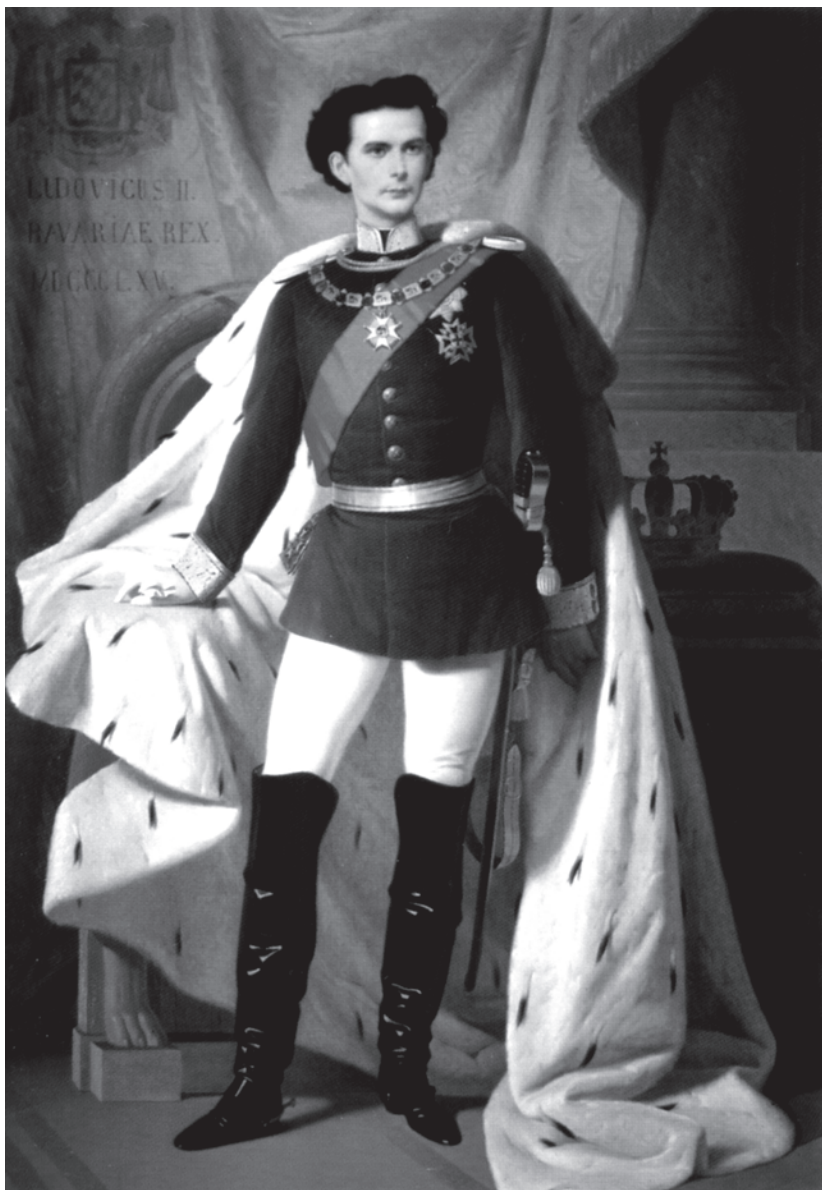
поражающую трагической красотой увертюру к балету «Лебединое озеро» великого русского Петра Чайковского.

«А разве не здесь он писал свой балет? Ну, конечно, здесь! Что-то и в проспекте об этом написано...» Одна начитанная туристка из Москвы изрекла это громко, и стало ясно: вы присутствуете при рождении любопытного мифа! Впрочем, нет ли здесь действительно чего-нибудь скрытого толщей времени? Спроста ли эта музыка? Вообще-то с этим балетом связано, как показалось, много любопытных совпадений. Вашему немецкому гиду в такие дебри истории, причем музыкальной, влезать некогда.

Много времени ушло на подъемы по крутым винтовым лестницам. Лифтов здесь и сегодня нет, а каково было в XIX веке знатным дамам в нарядах со шлейфами и кринолинами? Час с небольшим вы наслаждались красотами интерьеров, росписями стен и потолков, мельком успев оценить гобелены тончайшей работы, лепные украшения, роскошную мебель. Заметили даже весьма дорогой подарок: иконостас, выполненный из слоновой кости, богато инкрустированный самоцветами. Как оказалось, его преподнес ба-

Лебединое озеро

Король Баварии Людвиг II (1845-1886)

варскому королю российский император Александр II — в каком-то колене его родственник.

Есть большой зал со сценой, которая предназначалась для показа оперных спектаклей. Венценосный хозяин обожал музыку, особенно Вагнера, и мыслилось, что здесь будут звучать его оперы на сюжеты древнегерманского эпоса. Даже свою опочивальню повелел расписать сюжетами на тему одной из популярных опер — «Лоэнгрин».

Когда воздвигался замок Нойшванштайн, где все «дышало» музыкой Вагнера, композитор тоже был сильно занят, тоже

занимался строительством: в небольшом баварском городке Байрейте, что в долине Красного Майна, возводил себе шикарный дом, перед которым поставил статую своего благодетеля. Кроме того, стареющий Вагнер задумал воплотить гигантский замысел — поставить на сцене цикл своих новых опер о нибелунговом перстне. Это четыре произведения на очень сложную германо-скандинавскую легенду: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов». Король Людвиг II, покровитель национального искусства, оказывал ему нравственную и

очень существенную материальную поддержку.

Строительство театра в 48 метров высотой и вместительностью около двух тысяч зрителей, задуманного специально для музыкального праздника, осуществлялось на высоком холме близ Байрейта. Места для сидения устроили в подражание древним амфитеатрам. Ряды постепенно возвышались до галереи, предназначенной для царственных особ. Оркестр, что тогда было в новинку, поместили в углубление перед сценой.

Но этот театр, построенный по плану известного архитектора Брюквальда, с жесткими коррективами Рихарда Вагнера, скорее напоминал огромный балаган, будто наскоро созданный для какой-нибудь промышленной выставки, чем для людей, пришедших искать художественных наслаждений. Тем не менее в августе 1876 года сюда на премьеру съехались представители музыкального мира Европы и Америки, много богатой знати. Стояло очень жаркое лето. Представления шли пять дней, каждое по шесть часов (Вагнер короче опер и не писал!). Эти и много других любопытных подробностей фестиваля вы узнаете также из рецензий по-сегодняшнему — «специального корреспондента», коим от газеты «Московские новости» был представлен не кто иной, как наш гениальный маэстро, широко образованный человек — Петр Ильич Чайковский.

Языковых барьеров для него не существовало: напомним, в дворянских семьях французский был вторым родным языком, а в доме Чайковских — и итальянский тоже. Известно, что его родители в Воткинске и в Алапаевске (отец в Алапаевске был управляющим

Михаэлькирхе. Саркофаг Людвига II

горными заводами) часто устраивали концерты, где исполнялись вокальные и фортепианные произведения русской и зарубежной классики. Матушка, нежную память о которой Петр сохранил на всю жизнь, прекрасно пела, играла на фортепиано. В архивах Алапаевского дома-музея хранится удивительный документ — программка одного из таких домашних, но по сложности исполнения подстать профессиональным артистам, музыкальных вечеров. Детей в семье Чайковских серьезно обучали и немецкому языку.

А теперь представьте: праздник в Байрейте уже закончился, торжества остались позади. Автор публичкой обласкан. Только баварского короля при этом не было. Триумф любимого композитора он решил отметить по-своему: послал к нему гонца, само собой, тайно — в связи с дворцовыми интригами. А карета, посланная за маэстро Вагнером (почему бы и нет?), прибыла в Нойшванштайн не только с ним одним... Этот «бодрый, маленький старичок с орлиным носиком и тонкими насмешливыми губами» позволил на радостях вольность, которую монарх

милостиво ему простил: представил своему благодетелю талантливого российского гостя — господина Чайковского, о музыке которого уже заговорили в Германии.

Не будем гадать, какие дозволенные речи гости вели в покоях могущественного монарха, одно несомненно: в этот день (или дни) в замке звучало много музыки, играли оба маэстро. В частности, Петр Ильич,

сев за рояль, исполнил главные фрагменты своего первого балета «Лебединое озеро». Будьте уверены, что его музыка была принята здесь с царской благосклонностью.

В поисках истины обратимся к материалам Мюнхенской государственной библиотеки. Там о русском гении много монографий, сведений о его триумфальных концертах в городах Германии, Чехии, Франции... Немцы и сегодня безмерно обожают музыку нашего соотечественника. А вот что касается факта его личной встречи с королем, то одни исследователи напрочь ее исключают, другие либо прямо, а чаще косвенно факт такой встречи подтверждают. Примем вторую, хотя и спорную, версию. По ней выходит, что сто тридцать лет назад Петр Ильич, как и вы сегодня, действительно любовался сказочным дворцом, стоял на висящем над

Петр Ильич Чайковский

пропастью мосту, пораженный необычным пейзажем.

Только музыку к этому балету он писал все-таки не здесь, а на родине. Это точно! Партитура «Лебединого озера» к 1876 году, году проведения «Вагнеровского оперного фестиваля» близ Байрейта, уже была готова. А свою прекрасную царевну-лебедь он «увидел» давно. Она пришла к нему из его детских грез и тех сказок, которые часто читал племянникам. Но вот оказалось, что перед ним не вымышленный, а реальный чудо-замок, таинственное, с гордыми птицами озеро. И красавец хозяин — статный, метра под два ростом, с обликом вымышленного им принца.

Только думается, что мысли композитора в ту пору были тяжкими, потому что постановка «Лебединого озера» в Москве на сцене Императорского Большого театра провалилась, хотя к показу разрешен был всего первый акт. Спектакль давали в весенние пасхальные дни. Финал для автора вообще был на сердечном срыве. Едва приехал домой, просил свечей не зажигать, разве только одну. Она засветилась в горнице рядом с зеркалом. И легкие тени побежали по стенам, высветив согбенную фигуру за роялем.

Почему сегодня так зябко, одиноко? Пальцы чувствовали холод клавиш. В голове какофония звуков. Трудно дышать, давит грудь. И когда часы пробили полночь, человек вздрогнул, будто его лица коснулось крыло большой птицы. А может, это волна воздуха, сомкнувшая тяжелый театральный занавес? Вежливые хлопки публики... Иначе не могло и быть: постановка осуществлялась в спешке,

Нимфенбургский дворец

декорации маловыразительны, оркестр составлен из артистов второстепенных и притом донельзя угнетенных службой в театре, дирижер не знал партитуры, в результате танцоры и танцорки, даже отлично исполнявшие свои номера, путались в ритмах. И бенефис известной балерины Карпаковой, выбравшей пьесу Чайковского, где по его замыслу необходимо было исполнять две роли — нежной Одетты и дерзкой Одиллии, — должного впечатления на публику не произвел.

Но это только одна сторона большого провала. Главное же — сюжет. Он не вписывался в существовавшие тогда балетные традиции: публика хотела видеть на сцене только набор веселых танцевальных номеров. А Чайковский ломал традиции. Считал музыку ведущим компонентом балетной драматургии. В основу заложил сложную философскую драму о любви и верности. И хотя в финале злой колдун повержен и все лебеди превращаются в прекрасных девушек, но принцесса гибнет — ее предал любимый (к слову, своего детища с таким финалом автор так никогда и не увидел).

Газеты писали, что произведение господина Чайковского слишком революционное, что оно с нетрадиционной несчастливой историей. Кроме того, балет слишком длинный, из него следует выбросить ряд танцевальных номеров. И хотя исполнение нельзя было назвать образцовым, всю вину за провал постановки списали на автора. Чтобы как-то успокоиться, он и отправился в тот год в путешествие за границу — на Вагнеровский фестиваль. Только как и где оставить прошлое? Ему 37-й год. Тревожная дата! Слава его не всегда жаловала. Первые оперы — «Орлеанская дева», «Опричник», «Чародейка» — критика не приветствовала. В высшем свете о нем ходили грязные слухи: о непонятной и недолгой женитьбе, о якобы странном покровительстве богатой дамы...

Заколдованное озеро растревожило Петра Ильича, хотелось, как в детстве, зарыдать. А тут еще произошло странное: вмиг померкло солнце, из соседнего ущелья налетел смерч. Водную гладь накрыла тень огромной хищной птицы. И раздирающий душу крик, мольба о помощи раненого существа эхом отозвались

Эскиз декорации к первой постановке «Лебединого озера»

в горах. Что это — мираж вспаленного мозга? Но плакала не птица. Чайковский подался вперед, в стремнину. Но его удержала хрупкая женская рука. Он схватил ее, открыл глаза, в ладони лежало перо белой птицы. «Знак свыше: значит надо жить, хотя счастье приходит только в сказках!».

Потом с радостным финалом сказок он напишет две — «Спящую красавицу» по мотивам произведений Шарля Перро и рождественское представление «Щелкунчик» с мистическими героями Эрнста Амадея Гофмана. А работает он так, словно хочет теперь вступить в единоборство со временем. Оперу «Пиковая дама» написал всего за 44 дня. «Двух жизней мало, чтобы все исполнить, что хотелось. Жизнь наша возмутительно коротка!» — пожалуется он своей старой гувернантке Фанни Дюрбах, которую за год до своей смерти посетит во Франции. А та про себя отметит, что у Петеньки утомленное лицо, что он кажется гораздо старше своих лет: вот цена мировой славы!

Но нам пора вспомнить о баварском короле. 13 июня 1886 года в Штернбергском озере нашли его тело. Эта громкая весть облетела всю Европу. Как напишут по следам трагических

событий газеты, в этот вечер с приставленным к нему врачом-надзирателем он отправился на прогулку. От телохранителей врач отказался. Когда отсутствие «безумного короля» стало уж очень заметным и начались поиски, тела обоих обнаружили в озере, буквально в двух шагах от берега. Оба утопленника были одеты в сюртуки и шляпы, так что ни о каком купании и речи не было. Чего бы им в таком виде идти в воду? Наконец, прекрасный пловец, Людвиг II просто физически не мог утонуть на мелководье. Официальная версия настаивала на самоубийстве — это снимало подозрения с дворовой знати. Но оставляло тогда открытым вопрос о причине смерти врача...

Так что тайна кончины последнего короля-романтика скорых разгадок не дала и в будущем не обещает.

И в качестве эпилога. Три наших героя по-своему обогатили мир: Людвиг II оставил своей стране великолепные замки, мирового значения архитектурные памятники, которые выдержали варварские бессмысленные бомбардировки американской авиации в последние дни Вто-

рой мировой войны. Сегодня экспозиции, развернутые в дворцовых залах и галереях, показывают массу антикварного добра, картин, мебели, фарфора (Porzellan), холодного оружия, роскошных карет, на которых выезжали царственные особы, — все это доходная статья туристского бизнеса Баварии.

Рихард Вагнер (он умер на три года раньше своего покровителя) занял почетное место в числе талантливых и самобытных композиторов XIX века. «Летучий голландец», «Тристан и Изольда», «Лоэнгрин», комическая опера «Нюрнбергские мастерзингеры» и другие его произведения время от времени украшают репертуар театров мира, но «Перстень нибелунгов», очень сложное оперное произведение в трех частях с прологом, ставится редко даже в Германии.

И, наконец, какой мерой можно оценить творческое наследие нашего земляка-уральца Петра Ильича Чайковского? Ах! Если бы он, как принято сегодня, взял патент на свои творения! Ведь не проходит и дня, чтобы на планете не звучали его музыкальные шедевры: симфонии, концерты, оперы, балеты... Гений, на все времена прославивший Россию за рубежом, подарил всем частицу своего солнца. Он через свою музыку объяснился человечеству в вечной любви. И роздал он миру свою музыку совершенно бесплатно!

Вот такая картина из позапрошлого века нарисовалась недавно в моем воображении на берегу колдовской красоты озера близ замка под названием «Новый лебединый камень».

Мюнхен

Александр ШАЛОБАЕВ

* * *

Я увидел твой профиль на фреске остывшей
Помпеи...

В час вечернего солнца, когда оно склонно
к закату,
Облака над Везувием шли все темней и темнее,
Зависали над ним, а потом уносились куда-то.

Двадцать лет покорял я Британию, жаркие Ливы,
Я устал от сражений, а впрочем, при чем тут
сраженья,
Я вернулся сюда, к тихим водам родного залива,
И в зеркальном заливе свое не узнал отраженье.

До заката бродил я по городу, шарил глазами,
Но подошвы сандалий вздымали лишь пепел
и жалость.
И стемнело. Я вышел на площадь, и встал я,
и замер:
Ничего не осталось. Почти ничего не осталось.

Лишь в развалинах древнего храма, что прочих
стройнее,
Где вдоль трещин карабкался плющ напряженно
и зыбко,
Я увидел твой профиль на фреске остывшей
Помпеи
И узнал отрешенность непонятой мною улыбки.

Что мне делать теперь? А восток уже красками
залит.

Позади оставляя холмы или плоские крыши,
Позади оставляя дворцы или глыбы базальта,
Под роскошным рассветом я тихо из прошлого
вышел.

Лена-украинка

Приглашу под вечер,
Положу на спинку,
Обниму за плечи
Лену-украинку.

Поцелую груди,
Губы и колени,
Пусть приятно будет
Украинке Лене.

Александр Шалобаев родился в 1962 году в г. Каменске-Уральском. Участник афганской войны. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького СП СССР в 1991 году. Работает главным редактором Издательского дома «Калан» (Каменск-Уральский-Екатеринбург-Москва). Автор многих публикаций и изданий.

Пусть она краснеет,
Не видать во мраке,
Пусть всю ночь нас с нею
Достают собаки.

Повернувшись на бок,
Подниму заколку,
Что упала на пол,
Чтобы помнить долго:

Голубые ели,
Сероводородный
Запах, — был неделю
Наш роман курортный.

В сумке поместилась
Поцелуев горстка,
Тяжело везти мне
Их из Пятигорска.

Жесткая подушка
И с клеймом простынка,
Милая хохлушка,
Лена-украинка.

* * *

Программа «Время». Мыканье доярки,
Что, мол, страну удоем удивит.
Доярка, силос и навоз так ярки
В японской трубке моего Тиви!

А выгляну в окно — глазам не верю:
Домишек сумма, озера зеро.
Доярки серы, и коровы серют
Не ярко и контрастно, а серо.

Там, за границей растра рыжи рожи,
Террора зелень, красная жара...
Но серое отечество дороже,
Чем ОРТ цветная мишура.

Сидим, как пограничники в засаде,
И за экраном бдительно следим:
Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим!

* * *

По воздуху тянулись паутинки,
Прохожие брели туда-сюда...
Ты посмотрела на мои ботинки,
И я сгорел на месте от стыда.

Не потому, что пыльны и кургузы
Мои ботинки — это стыд пустой,

А потому, что был тобой не узнан,
Что пройден был, как школьный Лев Толстой.

Но прежний мир вокруг уже проснулся,
Из паутинок, солнца, невесом,
И встал вокруг меня, и обернулся
Я догоравшим от стыда лицом.

Я обернулся молодым и глупым,
Еще растущим, словно на дрожжах,
Набухли нецелованные губы,
Обвис навыворот купленный пиджак.

Ты уходила в осень, образуя
Движеньем ног, обутих в черный лак,
Зачеркивание первых поцелуев
И отрицание подъездных ласк.

И видно было: паутинки рвутся,
Как связи меж сегодня и тогда,
И понял я, тебе не обернуться,
Уже не обернуться никогда.

* * *

Наутро пал туман, такой густой, что легионы
Исчезли напрочь с берегов седого Рубикона.
Туман укрыл костры, солдат, долину, скалы,
И человека, что сидел на берегу, на камне.
«На Рим», — нашептывала мгла, «На Рим!» —
звенели струи.

Вдыхая запахи реки и пропотевшей сбруи,
Гай Юлий Цезарь, властелин
всех цизальпинских галлов,
Укутанный в дорожный плащ
(светает, плач шакалов),

Перехитривший меч и яд и переживший Красса,
В ряду жестоких галльских войн
не проиграв ни разу,
Проконсул, наводивший страх на брита и сармата,
Не распустив войска назло решению Сената,
Сидел один на берегу (костры, туман, не спится),
И взгляд его усталых глаз пересекал границу
С Италией. Он грел рукой залеченную рану.
Клубились в голове слова, подобные туману.
Еще никто не написал: «В начале было Слово»,
Осталось сорок девять лет

до Рождества Христова,
Но и тогда имели власть уже слова и строки,
И рвался клочьями туман. Выходила на востоке
Звезда. С небес стекал металл на поножи, кирасы,
И тем металлом отлилась в мозгу у Гая фраза.
В привычное вскочив седло

и вскинув меч из ножен,
Послушный раб красивых слов, он крикнул:
«Жребий брошен!»
...Прошли века, и те слова, в отвесах крови, меди,
На равных с Цезарем стоят
в статьях энциклопедий.

* * *

Привычно обходя растяжки,
Болтая жестами хвостов,

Три иностранные дворняжки
Спешат с обходами постов.

Открою им «Минтай в томате»,
Из банки вывалю на лед,
И лунный блик на автомате
По сердцу холодом лизнет.

Измазав шерстяные морды
В томатной пасте, как в крови,
Собаки преданно, но гордо
Посмотрят вдруг на шурави.

От окровавленных оскалов
По телу пробежит озноб.
Я буду слушать плач шакалов,
Мучительно борясь со сном,

Я буду наблюдать во мраке,
Упрятав огонек в горсти,
Как движется туман в овраге,
Пытаясь ближе подползти,

Я буду греть дыханьем руки
И ощущать до маеты,
Как то ли боги, то ли духи
Следят за мною с высоты.

Джаз

Звук из саксофона выпал,
Словно из гнезда птенец,
И попал тотчас в тенета
Двух проворных пауков,
Что сплетают паутину
В дебрях черно-белых гамм.
Старый негр заблудился
В среднерусской полосе,
Будто грел дыханьем руки,
Подышал в металл трубы.

Рис. Я. Ахметшиной

Фенька и чужестранцы

Словарик

Фенька — маленькая (рост — 5 см) девочка, самая главная обитательница страны Феньляндии. Ест гвоздики, стеклышки и другие подобные вещи, которые мы и в рот не берем.

Феньляндия (не путать с Финляндией, где живут финны) — волшебная страна, где живет Фенька.

Мэр — глава администрации города Фенинбурга, столицы Феньляндии.

Ганя — житель Феньляндии. Пилот единственного феньляндского вертолета.

Синеволия — страна-соседка Феньляндии. Раньше феньляндцы страдали от ужасных выбросов Синеи Вони, которые шли из-за забора, разделяющего две страны. Потом оказалось, что сами синевоныцы называют свою страну Страной Лазурного Благоухания.

Фенька высыпала в тарелочку мелкие кусочки стекла, залила их машинным маслом и тщательно перемешала. Налила в красивую чашечку керосина, добавила соли, перца, сахару и приготовилась вкусно позавтракать.

Тут за окном снова зашумели. Вообще на улице с утра был какой-то непонятный шум, крики, сначала Фенька думала, что мальчишки играют. Но шумели все громче, все противнее...

Она влезла на подоконник и выглянула наружу.

Внизу бурлила главная площадь города Фенинбурга — столицы Феньляндии. В центре толпы кричали, размахивали руками трое чужеземцев в диковинных одеждах. Один — в косоворотке, полосатых шароварах и сапогах. Второй — в сюртуке и ковбойской шляпе. Третий — в цветном халатике, широких штанах чуть ниже колен и в тапках с загнутыми носами.

— Я еще раз говорю: не быть по-твоему! — горячился господин в сюртуке. — Будет у этого города название — Фенькатаун! И он будет окном в Америку!

— Все бы тебе посягать на святыни! — отвечали ему полосатые шаровары. — Братья! Други! Оградим исконные территории от иноземных по-

сягательств! Быть городу — Фенькаградом! И пусть сидит в нем царь-батюшка, а не этот глупый Мэр!

— Га-а! — поддерживала его часть жителей.

Тут же надрывался, стараясь перекричать других, желтолицый в коротких штанах:

— Твоя моя не тронь! Тут тысяча лет назад моя предка поход ходил. Костер палил, мясо казан варил; кушал — шибко песня пел. Моя земля! Город моя! Феньгоу называйся!

И ему кое-кто из толпы выражал поддержку.

А рядом с местом, где творилось все это безобразие, лежал на траве человек со связанными руками. Фенька вгляделась и узнала Мэра. Ахнув, она скатилась с окошка и побежала на площадь.

Лавируя между ног орущих феньляндцев, она пробралась к нему. Вид у Мэра был измученный, под глазом — большой синяк.

— Ой! — вскрикнула Фенька. — Что это с вами? Что творится, вообще?!

— Меньше спать надо... — прохрипел Мэр. — Вот и проспали... Гляжу — будят, гляжу — тащат, чувствую — бьют...

— Да кто, кто?!

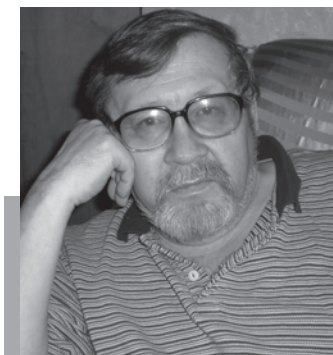
— Синевоныцы, кто же еще!

И он рассказал Феньке, что случилось.

Граница с Синеволией и всегда-то охранялась феньляндцами плохо. А в последнее время жители Феньляндии так обленились, что перестали даже подходить к забору, разделяющему две страны. Охранял границу только нанятый Мэром леший Чувачок. В уплату за службу ему отвели покос в приграничной зоне, чтобы хватило сена для козы Козявки.

Хорошо, плохо ли леший охранял границу — сказать трудно. Может быть, он спал там все время. А может быть, и наоборот — не смыкал глаз. Почему этого никто не знает? Потому что было тихо. Но стоило лишь Чувачку взять несколько отгулов для сенокоса — как тут же трое синевоныцев нагрянули с сопредельной стороны. Сами нарушители объясняли, что оказались в Феньляндии случайно: возвращались с митинга и так увлеклись спорами и дракой, что совсем забыли, куда их несут ноги. В самой-то Синеволии давно уже никто не занимается делом: все митингуют да дерутся между собой. Забредя на тихую уютную площадь Фенинбурга, пришельцы были страшно возмущены: как это люди смеют спать, нежиться в постелях, когда надо бороться! Первым из постели был вытащен Мэр и объявлен предателем народных интересов. Это делали втроем, все вместе. А потом разделились: каждый писал свои плакаты, мастерил свои флаги, выкрикивал свои лозунги.

Соколовский Владимир Григорьевич родился 5 мая 1945 года в г. Добрянка Пермской области. В 1966 году поступил на юридический факультет Пермского государственного университета. После окончания вуза четыре года работал следователем. В 1975 г. поступил в аспирантуру — и вот там-то начал писать. Член Союза писателей с 1980 г. Автор многих публикаций и изданий.

- Фенькатаун!
- Фенькаград!
- Феньгоу!

На площади стоял страшный шум и слышались звуки ударов.

– Что же, что же делать? – тоскливо сказала Фенька. – Я сейчас зареву.

- Ну, пореви... Дело девичье – все легче станет.
- У-у-ы-ы... Ы-ы-ы...

– Надо теперь лешего искать, – хрипло молвил Мэр. – Заварил кашу – пускай расхлебывает. Нашел, когда сено косить. Давай, действуй, Феничка – на тебя вся надежда. Беги, поднимай Ганю-вертолетчика!

Во дворе своего домика Ганя качался в гамаке и читал книжку. Гул с площади не доносился сюда. Выслушав Феньку, он мигом собрался и побежал к машине.

- Так к лешему? – спросил он уже в воздухе.
- Больше некуда! – ответила Фенька.

Чувачок сосредоточенно, качаясь из стороны в сторону и поскрипывая, косил траву. Угрюмая Чувачиха разгребала ее для просушки. Чуваченки носились туда-сюда, катались на козе. Все двигалось и мельтешило.

Выслушав Феньку, леший почесал затылок.

– Н-да-а... Кто бы подумал... Теперь надо Бабу-Ягу искать. Мы ведь тут, в Феньляндии, тоже не всегда мирно жили. Но порядок был такой: как только начнет затеваться смута – так начинают варить особый напиток и тем напитком беспокойных угощать. Через полчаса – водой врагов не разольешь!

– Да ну, так не бывает! – усомнился вертолетчик.

– Козявкой клянусь! Так всех потихоньку и усмирили. И напитка по той причине тысячу лет уж не готовили. А может, две тысячи... И секрет его забыли.

– Уж лучше бы вы тогда, дяденька, о нем и не вспоминали, – грустно сказала Фенька. – Только расстраиваться...

– Ты обожди! – строго глянул на нее леший. – Я ведь недаром про Бабу-Ягу вспомнил. Она, старая барахольщица, ничего не выбрасывает, все тряпочки, все бумажки собирает. Может, у нее где-нибудь и рецепт заваялся. Если жуки не источили. Давай, лети к ней, Ганя! Растолкуй ей все да привет от меня передай...

– А где ее искать-то?

– Это уж ты не спрашивай! Она ведь по всему белу свету носится. Авось где-нибудь и достигнешь.

Ганя сел в вертолет и полетел куда глаза глядят. Над полями, над лесами, над высокими горами... Час летел, другой, третий... А на исходе этого третьего часа увидел внизу: сидит на лесной полянке седая старушка и тужит возле какого-то поваленного пенька.

– Здорово, бабушка! – крикнул Ганя, приземлившись. – Не ты ли Баба-Яга будешь?

– Вот съем сейчас – тогда узнаешь, – пробормотала старушка. – Нашел тоже бабушку! Никогда я твоей бабушкой не бывала. Убирайся прочь! Налетел, нашумел, навонял бензином...

Пенек, около которого она тосковала, оказался старой, развалившейся на две половинки ступой.

– Это не твоя ли, бабуля?

– Она, проклятая... Столько лет без ремонту – вот и сносились до невозможности. Прямо в небе стала разваливаться. Еле успела на полянку сесть, а то бы совсем каюк.

– Разрушение конструкции в воздухе, – тоном знатока сказал Ганя, – всегда чревато серьезными последствиями. Но отмечу сразу: большой опыт пилотирования данного аппарата позволил вам выйти победительницей из этой серьезной ситуации. Слава старым пилотам! Ваше имя золотыми буквами впишется в историю авиации!

– Н-но... – размякшим голосом сказала бабка. – Конечно... не лыком шита. Не первую тыщу лет разменяла. Кое-што еще умеем... молодым-то нос утрем...

– Бросьте вы ее здесь, эту ступу! – заливал вертолетчик. – Новую выпишите! Я вас на своей машине до дому подброшу.

– Э, нет! Никуда я на твоей тарыхтелке не полечу. Чинить стану. Лыка я уже надрала, сушить развесила. Как высохнет – я ее обвяжу, скреплю, – да и взмою. Хитрый какой – новую выпиши! Сто лет будешь ждать, пока придет! Нет уж – я ее, родную, не брошу...

– Тогда лучше вот как сделать...

Ганя сходил к вертолету и принес моток крепкой проволоки. Обвязал ею ступу, скрутил плоскогубцами...

– Принимайте технику, коллега!

Бабка обстукала ступу, попинала ее ногой и сказала радостно:

– Благодарствую, добрый молодец! Сказывай: какую тебе за это плату надобно? Мечкладенец? Девку-богатырку? Тянитолкая?

– Да у нас вот какая беда стряслась...

Когда Ганя рассказал все, бабка с сомнением покачала головой.

– Больно давние то были дела... Уж и я их забыть успела. Что-то хранилось... только цело ли? Поди, тля изъела. Ну, полетим, глянем... Только ты свою железяку здесь оставь, а то у меня избушка больно пугливая. Забежит в чащобу – майся потом с ней!

Вертолетчик вскарабкался в ступу, примостился за бабкиным загорбком и крикнул:

– Ноль девятому борту взлет разрешаю! Полоса свободная, ветер встречный, три с половиной метра!

– Молчи, озорной! – бабка ткнула его локтем. Ступа взвилась в воздух и понеслась над густым лесом.

Долго ли, далеко ли летели — но вдруг начали снижаться. Еще не посадив ступу на большую поляну, бабка начала так ругаться и топтать ногами, что Ганя испугался: как бы аппарат снова не развалился. И правда, через несколько мгновений ступа рассыпалась на кусочки.

— Все! Разобьемся сейчас! — бабка зажмурилась и присела.

Они крепко плюхнулись об землю. Бабка сразу вскочила и бросилась к новой избушке, которая тужилась и кричала у самой кромки леса. Увидав хозяйку, она оставила свое занятие и бодро побежала на своих куриных ногах, спасаясь от Бабы-Яги.

— Ах ты, бездельница! Ах ты, окаянная! Оморок тебя зашиби! Ну-у, пакостница! — приговаривала Баба-Яга, настигая избушку и махая клюкой.

Учужав, наконец, что бабка выбилась из сил, избушка как ни в чем не бывало остановилась в середине поляны и распахнула дверь. Старуха села на крылечко, шумно отдуваясь.

— Что это тут у вас? — спросил Ганя, подойдя. — Разминки, пробежки, тренировки?

— Да шток тебя! — огрызнулась бабка. — Неуж не видишь: яйцо она хочет снести! Вот и бегает: то туда, то сюда пристроится... А я сказала: не дам! Ишь, разбаловалась! Нечего делать! Ну, да ладно болтать-то, пора за работу приниматься...

Она полезла на чердак. Оттуда повалила черная пыль, и Ганя слышал, как Баба-яга кашляла, страшно ругалась и чихала. Наконец, спустилась вниз, держа сверток старой, темной бересты.

— Держи, вьюнош! Считаю, что повезло...

— Я, бабушка, и тебе этого напитка привезу.

— Не смей! — прикрикнула старуха. — Даже не думай! Если я добрая сделаюсь — какая я тогда буду Баба-Яга? Никого ведь не съешь. С голоду помирать, что ли? Ладно, давай опять ступу ремонтировать, да отвезу я тебя к твоей тарактелке...

А Фенька в это время сидела перед вождем лесного народа гдаков. К гдакам ее привел Чувачок, а по дороге рассказал о них все, что знал.

Они жили в Феньляндии с незапамятных времен. Гдакам-то и заказывали древние жители все волшебные отвары, целительные напитки и зелья, которыми пользовался народ. Однако нашлись умники, которые убедили остальных, что от гдаков нет никакого толку, а вместо их отваров вполне можно пить обыкновенную воду с вареньем. Гдаки, обидевшись на людей, перестали с ними общаться. И вот теперь, узнав от Феньки, что их мастерство по части изготовления чудесных напитков снова может пригодиться феньляндцам, они страшно обрадовались. Однако и встревожились:

— А если не удастся достать состав? Что тогда будет? Тогда будет беда. Люди глупые — но все-таки нельзя, чтобы они погибли!

Гдаки ходили, раскачиваясь, между чанами,

где варились разные отвары (они питались только ими), и громко вздыхали. Толстенные, пушистые, с маленькими добрыми глазками и мягкими босыми ногами, они поглядывали в ожидании то на Феньку, то на небо. Но вот послышался шум мотора. Вертолет снизился и опустился на поляну. Из вертолета вылез Ганя и протянул Феньке берестяной сверток. Через мгновение он уже лежал перед главным вождем гдаков.

— Так... Шесть золотников и семь долей двухнедельного шиповника, собранного в последней четверти полнолуния под вой трех волков... Три доли сушеной змеи феньтяги, смешанной со слюной самки бурундука, собранной во время ее родов... Двадцать три золотника меду бортового, собирать же его на первой росе аккуратно в то утро, когда утопла дочь чужеземного купца, и в тот мед влить два золотника воды с места ее утопления...

— Как тут всего много! — сказала Фенька.

— Чем больше в напитке всего намешано — тем интереснее его готовить. А самая главная наша цель — чтобы все, что мы готовим, получалось вкусным.

— А... а скажите: торт из гвоздичков вы могли бы сделать?

Вождь подумал и покачал головой:

— Это, пожалуй... нет, не получится. Поддува не хватит. Все есть, а вот поддува — не хватит! Разве что если пирожное...

А гдаки уже несли к котлам все необходимое для напитка. Отмеряли в крошечных горшочках, взвешивали на весах — от огромных до самых маленьких — и сыпали. Другие сновали у печей, регулируя поддув. Со всех сторон в лагерь въезжали обитатели лесной стороны и подвозили все необходимое для изготовления волшебного напитка. Кто вез свой груз в бочках, кто в сундуках, кто в сумках, кто в коробочках... Вместо лошадей гдаки использовали кукурузы: большие, в разноцветных перьях, с длинными мозолистыми ногами, они по-

ходили бы на огромных петухов, если бы не голые верблюжьих головы.

Как разводили огонь, как варили заветную воду — этого Фенька уже не видела: она крепко спала. Еще бы не устать с таких переживаний!

А страсти на площади все разгорались. С утра следующего дня все три стороны принялись вооружаться: кто прихватил доску из собственного палисадника, кто просто поднял на дороге какую-нибудь палку... Бедного Мэра сперва облили клеем, потом обсыпали пухом из распоротой подушки и оставили лежать на прежнем месте. И все грозили ему:

— У-у-у! Угнетатель!

— Вы подумайте: нас, дворников, заставлял улицы мести! Нет, ты теперь сам помети-ка!

— Вон его! Выгнать тумакнами из славного Фенькаграда!

— Не Фенькаграда, а Фенькатауна!

— Твоя моя неправда! Феньгоу эта голода есть!

И опять слышались удары.

Вдруг нарастающий рокот покрыл крики на площади. Люди подняли головы — и увидели в синем-синем небе маленький вертолетик, тянущий за собою огромный плакат:

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ «ФЕНЬКА-КОЛУ!»

Вертолет заложил над городом один крюк, другой... Потом откуда-то возник разноцветный воздушный шар. Из его корзины смеялась маленькая растрепанная девчонка и бросала вниз цветы. Большими буквами на шаре было написано:

ПЕЙТЕ ГАЗИРОВКУ «ФЕНЬКА»! ОНА ВКУСНАЯ И ПОЛЕЗНАЯ!

Тут на площадь вышла целая колонна. Впереди, на козе Козявке, гордо ехал леший Чувачок. Следом за Чувачком нескончаемым потоком тянулись гдаки на своих кукрах: каждое животное везло по две бочки «Феньки»: по одной сбоку. Самой последней шагала Избушка-на-курьих-ножках. По крыльцу ее бегала маленькая новенькая избушечка. Тут же сидела Баба-Яга и сюсюкала:

— Ох ты, умница! Ох ты, причудница! Ох ты, красавица ненаглядная! Ну-ко бежи сюда, бабушка сопельки вытрет!

Увидав галдящую площадь, избушечка испугалась и сделала лужицу.

— Ох ты, дитятко! — умилилась бабка. — Да кто тут тебя посмеет забижать? Все косточки по ямкам разнесу!..

Передние кукры уже въехали в толпу. Гдаки наливали напиток в большие ковши и раздавали жаждущим. А пить хотелось всем: до того люди долго кричали, что рты словно обсыпало сухим горячим песком.

Первыми выпили трое пришельцев: они-то галдели больше всех! — и попросили еще. А потом принялся утолять жажду остальной народ. И чем больше он ее утолял — тем тише становился шум и ропот. И люди, только что собравшиеся тузить друг друга, вдруг начинали совсем другой разговор:

— Здравствуй, сват!

— Ой, здравствуй, сват!

— Что это ты, сват, тут делаешь? Да еще с дубинкой?

— А я и сам не знаю, сват! Наверно, поднял по дороге, когда гулял, — хотел в хозяйстве приспособить... А у тебя, сват, почему нож в руке?

— Где?! Ой, верно... Видать, хлеб дома резал, да и забыл обратно положить. Забывчив я ныне стал, сват!

— Ай, хороша водичка! Не выпить ли нам, сват, еще по ковшичку?

Троица пришельцев теснилась возле освобожденного от пут Мэра, счищала с него пух и просила выдать хотя бы один бочоночек «Фенька-колы», чтобы увезти в свою Синевонию.

— Да берите, берите! — отбивался Мэр.

И вот они пошли с площади туда, где находилась их страна. Впереди строго шагал тот, что был в сюртуке и цилиндре. Сзади отплясывал молodeц в косоворотке.

Ах ты, Феня, моя Феня,

Феня славная моя!

Феня малая, удалая,

Ушастенькая!..

Желтолицый в коротких штанах шел задом наперед. Он все кланялся и кричал:

— В моя дом есть много цветы! Я буду вырастить еще один: самый большой, самый красивый. Назову его: феньхоа!

Народ пел, плясал и веселился. Не осталось и следа прежней вражды. Фенька нащупала в кармане пирожное из гвоздиков, подаренное ей гдаками, и решила идти домой. Ведь там у нее в тарелочке так и остались несъеденными стеклышки на машинном масле. Еще чашечка керосина с сахаром, солью и перцем.

С пирожным — как это будет вкусно!

Фенька, призрак и старый пират

— Пр-раво на бор-рт!! — орал попугай. — Рруки вверх! Поворот оверркиль!!

— Я кому сказала: замолчи! — Фенька топнула ногой. — Ведь надоел!

— Левым табань, правое суши! — захлопотала птица. — Я кррутой, кррутой!

— Ну, гляди. Я ведь тоже крутая. Вот как схвачу сейчас, да как откушу башку — будешь тогда знать.

Пернатое существо замолкло, перевернулось кверху хвостом и устало на Феньку лиловый выпуклый глаз.

— Столько в тебе глупости, — сказала девочка. — Это невозможно даже представить, сколько глупости. Попка дурак!

— Уморщил, уморщил! — снова раздался гнусный крик. — Призрак, призрак!.. Бедный Джованни, бедный Сильвер, бедный капитан Флинт! Беда, беда! Пиастры, пиастры!..

И он вылетел в раскрытую форточку — тем же путем, каким и прилетел. Тотчас где-то под окном послышались его хрипение и болботание; оторвавшись от тарелочки с тушеными гвоздиками, Фенька подошла к окну, распахнула створки, глянула вниз.

На полянке перед домом стоял, склонясь в учтивом поклоне, благообразный старичок с длинными седыми кудрями. Довольно старомодный костюм, белая рубашка, галстук с большим узлом. На одной ноге — башмак, на другой — деревяшка-протез. Еще Феньке показалось, что от него исходит чуть заметное голубоватое свечение.

— Здравствуйте! — сказала она. — Ну, пойдите на чердак! Ведь вы старьевщик?

— Почему вы так решили, юная леди?! — сипло и горестно воскликнул старик.

— Я же вызывала! Понимаете, в чем дело: мне несут и несут продукты, со всех сторон: гвоздики, стекло, бумагу, разные черепки. Но я же не могу же все сразу съесть! Вот и копится на чердаке, пока не иссохнет, не разобьется и не изржавеет. Тогда старьевщик придет — и почистит. Еще и спасибо скажет. Я думала, вы тоже...

— Осмелюсь доложить, почтенная юная леди, — с достоинством произнес седовласый, — что действительно... огромную часть существования я провел именно на чердаках... однако отнюдь не назову это время лучшей порой своей жизни.

— А... — Фенька выпучила глаза и полезла пузичком на подоконник. — А кто вы тогда?

— Я — старый пират, долговязый Джон Сильвер, по прозвищу Окорок. Увы, годы согнули меня... А когда-то, детка, обо мне ходили легенды и большие писатели писали книги!.. Не кто иной как сам Роберт Стивенсон поведал людям о том, как мы ходили к острову Сокровищ!..

— Ой, я читала! И смотрела по телевизору. И это вы так долго живете?

— Увы!.. — старик вздохнул. — Перед вами всего лишь смиренный призрак...

— Призрак, призрак! — завопил сидящий на его плече попугай. — На аборродаж! Бе-едный Джованни!

Через мгновение Фенька была уже на лужайке и тащила призрак старого пирата к скамеечке, изнывая от любопытства. Тот сел, вытянув деревянную ногу, поскреб щетину на подбородке.

— Так выслушайте, почтенная юная леди (Сильвер уже забыл, что минуту назад называл Феньку деткой), историю моей загробной жизни...

Рассказ старого пирата

Итак, я — Джон Сильвер Окорок, один из самых отпетых джентльменов удачи. Вся жизнь моя прошла в злодействах, пьянстве и сквернословии. «Разрази меня гром! Клянусь дьяволом! Тысяча чертей!» — это еще далеко не самые сильные выражения, какие я себе позволял. В наказание за грехи небеса не приняли мою душу после смерти, и я стал призраком.

Много лет скитался я по чердакам разных замков, завывая ночами и наводя леденящий ужас на жильцов и окрестности. Но шли годы, я старел; холодный британский климат стал губительно сказываться на здоровье: я дрожал в своем ветхом камзоле и думал уже не о том, как напугать людей, а как погреться где-нибудь у остывающего камина. И вот, пробравшись однажды ночью на причал, я залез в грязный трюм какого-то корабля, отплывающего во Францию. Еще со времен своего корсарства я помнил эту жаркую страну и решил погреть под ее солнцем свои иззябшие кости.

Затея моя увенчалась успехом: скоро я высадился на французском берегу и той же ночью уже праздновал свое новоселье в одном старом замке. Но там дул холодный ветер с моря, напоминая об Англии, — и я, покинув свое убежище, двинулся дальше на юг. С тех пор мне не было покоя: тоска по родине съедала меня, и я мерз везде, даже в знойном Провансе.

Двенадцать лет назад я пересек границу Италии, — и здесь счастье впервые улыбнулось мне...

Хозяин первого же итальянского замка оказался колдуном и чернокнижником. Его звали Джованни. Когда я вздумал погугать его своим мерзким воем, он немедленно произнес заклинание — и я предстал пред его глазами. В них сверкала радость: наконец-то у него есть собственный призрак! С тех пор мы не расставались...

— Уважаемый господин Джон, — учтиво сказала Фенька. — Я насчет попугая... Он что — тоже призрак?

— Да будет известно досточтимой леди, — вскричал Окорок, — к сожалению, не имею чести знать вашего имени...

— Меня зовут Фенька... Леди Фенька... — она зарделась.

— Знай же, досточтимая крошка: попугаи, в отличие от людей, живут бесконечно долго. Это — знаменитый Капитан Флинт, старый друг еще со времени моего пиратства. В романе «Остров сокровищ» ему отведено немало места. Знаешь, как я там говорил о нем?

Он взмахнул суковатой палкой, и глаза его затуманились воспоминаниями.

— «Разве только дьявол повидал на своем веку столько зла, сколько мой попугай. Он плавал с Инглендом, с прославленным пиратом капитаном Инглендом. Он побывал на Мадагаскаре, на Мала-

баре, в Суринаме, на Провиденсе, в Порто-Белло. Он видел, как вылавливают груз с затонувших галеонов (галеоны, детка, — это испанские корабли, на которых перевозили золото). Вот тогда он научился кричать «пиастры». И нечему тут удивляться: тогда выловили триста пятьдесят тысяч пиастров. Этот попугай присутствовал при нападении на вице-короля Индии недалеке от Гоа...».

— Повор-рачивай на ддругой га-алс! — вдруг встрепенулся попугай.

— Мое пернатое дитя, — Джон погладил птичий хвост. — Еще я говорил о нем так: «Эта бедная, старая, невинная птица ругается, как тысяча чертей, но она не понимает, что говорит. Она ругалась бы и перед Господом Богом».

— Тысяча черртей тебе в глотку! — хрипло гаркнуло «пернатое дитя». — Рразрази меня грром! Вздеррну на ррею!..

— Ни дать, ни взять — я в молодости, — умильно сказал старый пират, смахивая слезу. — Однако, достопочтенная леди Фенька, эту птицу не сгубила, в отличие от меня, страсть к злодейству и сквернословию. Перед тобою отнюдь никакой не призрак, а тот самый Капитан Флинт, живой и невредимый! А сколько ему теперь лет — не мог определить даже колдун Джованни: то ли пятьсот, то ли семьсот... Это — верный друг, он не захотел покинуть меня даже после смерти и терпеливо скитался со мною по чердакам всех замков, где я имел пристанище.

Продолжение рассказа старого пирата

Так вот, детка, колдун Джованни встретил нас, как родных, и приютил у себя. Замок его стоял на горе, а гора — на берегу прекраснейшего из морей, легкий теплый ветер дул с него и грел мои кости. Мы с Флинтом глядели на плывущие вдали корабли и пели песни морских бродяг. Вечерами мы собирались в зале, уставленном колдовскими книгами и разными удивительными вещами, с помощью которых хозяин общался с нечистой силой. Джованни бормотал заклинания, то здесь, то там вспыхивал огонь, загробные пришельцы возникали среди начертанных на полу знаков; я мирно попивал ром у камина, а попугай привычно сквернословил, сидя на жердочке. Это была отличная жизнь! Лучшие годы!

Но... Лишь горести и страдания могут длиться бесконечно; всему же хорошему рано или поздно приходит конец. Так случилось и с нами.

Дело в том, крошка, что наш хозяин Джованни был по своей профессии коммерсантом. Он ездил по всему миру и продавал всяческие товары. Прибегал ли он для этого к колдовству — точно сказать не могу. Скажу только, что ему приходилось часто уезжать из замка, и мы с Капитаном Флинтом крепко скучали.

И еще одна тоска стала крепко посещать

меня: часто глядя на море, на корабли, я стал вспоминать времена, когда я был отважным моряком, флибустьером, разведчиком дальних земель. Мне хотелось путешествовать, дышать ветром дальних стран. Конечно, мореплаватель из меня уже никудышный, да и призрак на корабле — вещь довольно отвратная, по себе знаю. Как же быть?

О своем желании попутешествовать я рассказал Джованни. «Почему бы нет? — молвил колдун. — Пока высшие силы зла сопутствуют нам — все в наших руках».

И мы стали путешествовать вместе. Делалось это так: перед отъездом Джованни посредством заклинаний уменьшал нас с Флинтом в несколько сот раз и засовывал в маленький пластмассовый черный гробик, который использовал как брелок для ключей. Прибыв в другую страну, он при каждом удобном моменте выкрикивал в определенном порядке несколько богохульств и сквернословий. Они и служили заклинаниями: гроб немедленно открывался, и оттуда выскакивали мы — я и Флинт, в свою натуральную величину. Хозяин купил мне костюм вместо старого камзола, и мы с попугаем уходили порою из гостиниц и отелей, чтобы побродить по какому-нибудь городу. В притонах мы пили ром, от пиратского сквернословия дрожали стены и падали в обморок самые отпетые бродяги. Слабый, детка, пошел народ...

Такая веселая жизнь продолжалась до тех пор, пока мы не приехали по делам бизнеса в соседнюю с вашей страну, называемую Синевонией. Не далее как вчера вечером наш хозяин, завершив деловые переговоры и помахивая брелком с черным гробиком, мчался в некий загородный ресторан, где намечался легкий банкет для участников сделки. Внезапно дорогу перегородили две машины. Из них выскочили крепкие молодые люди, вытащили беднягу Джованни на асфальт и стали избивать. Свой брелок он сразу выронил на землю, — я слышал из гробика крики, стоны, звуки ударов. Неожиданно голова моя закружилась, перед глазами вспыхнуло... и я ощутил себя сидящим в одиночестве посреди загородной лесной дороги. Ни машин, ни людей: валяется поодаль раскрытый гробик-брелок, да сидящий на ветке поодаль Капитан Флинт дерет глотку: «Рразбой, рразбой! Бей в торрец!!».

Что же произошло? Видно, бандитский налет вызвал в Джованни столь дикий приступ ярости, что он в короткое время смог изрыгнуть из себя все возможные богохульства и сквернословия во всех возможных их сочетаниях, отнюдь не думая, какие последствия они могут вызвать. И среди них оказалось заклинание, возвращающее нас на белый свет!

Так пропал, исчез наш хозяин, и мы с верным пернатым другом оказались в чужой стране, далеко от солнечного берега, без денег, без документов...

Поверьте мне, юная леди Фенька: я не робкого десятка, но те, кто похитил Джованни, показались мне столь страшными и жестокими, что я бежал всю ночь, сквозь темноту, пересекая леса, поля, речки, на своей деревянной ноге; верная птица летела впереди, выкрикивая проклятья дерзким бандитам. И вот утром, уже в свете солнца, я увидел вдали крыши вашего города. Добравшись до его окраины, я забылся коротким тревожным сном... Затем побрел к главной площади. Там я стал обращаться к прохожим с вопросом: есть ли в этом городе кто-нибудь, способный помочь бедному призраку, попавшему в роковые обстоятельства? Мне указали дорогу к этому дому и назвали ваше имя, которое я, к сожалению, тут же забыл. Склероз, крошка!.. «У этой девчонки, — сказали люди, — много друзей, они вечно кого-нибудь выручают и что-нибудь придумывают. Сам Мэр советуется с нею, а это совсем не шутка!» Так помогите же мне, юная леди! Протяни руку старому бродяге Окорoku и его пернатому другу Флинту!

— Маррш на полубак, Билли Бонс! — закричал попугай, услышав свое имя. — Я кррутой! Поднять трриселя!!

— Что же с вами сделать? — вздохнула Фенька. — Так сразу и не придумаешь. Я бы, конечно, пустила вас пожить на моем чердаке, — только вы, наверно, выть там по ночам будете?

Сильвер смущенно потупился.

— К сожалению, это так, — признался он. — Ведь мы, призраки, не умеем жить по-другому.

— Вот видите... Куда вас ни определи — вы никому покоя не дадите. Просто беда... Постойте! — вдруг воскликнула она. — Вы с домовыми не дружите?

— Поддерживаем отношения, — уклончиво оказал Окорок.

— Отвезу-ка я вас в лес! — молвила юная леди. — У меня есть там кое-какие друзья. Мне кажется, вы не будете чужими в этой компании.

Скоро горожане маленькой феньляндской столицы могли наблюдать удивительную процессию: впереди, выпятив пузичко, шагала сама Фенька, а сзади ковылял, пыхтя и бормоча ругательства, опираясь на толстый суковатый костыль, седой красноносый господин в старомодном костюме, от которого исходило голубоватое свечение. А наверху суетилась и что-то кричала человеческим голосом невиданная птица.

Путь их лежал к дому вертолетчика Гани. Тот, как всегда, спал в своем гамаке, натянутом посреди двора. Разбуженный, он спросонья ничего не мог понять и тупо глядел на незнакомого старика.

— Это кто? — спросил он.

— Это, Ганечка, призрак, — объяснила Фенька.

— Не может быть. Призраков не бывает. Доказано наукой.

— Не угодно ли будет достопочтенному юному джентльмену объяснить значение своих слов?! — мгновенно закипел Окорок. — Джентльмен хочет сказать, что это кто-то другой, а не я, отважный Джон Сильвер, гроза портовых призраков, стоит перед ним? Так дозволю же, детка, доказать сему отроку, что он глубоко заблуждается?!..

И он начал поднимать свою дубинку. Фенька подбежала, вцепилась в нее и завизжала:

— Перестань! Кому сказала! Выгоню из города, старый таракан!

Старик опомнился, но все же простонал умоляюще:

— Дай хоть повою!

— Повыйть можно. Только не драться!

Призрак закинул голову и издал такой мерзкий оглушительный вой, что добродушный Ганин песик тут же лишился чувств и упал, задрвав лапки; все окрестные коты порскнули по темным углам и злобно замаявили, а Фенька с вертолетчиком обрели такой вид, будто старый пират и вправду дал каждому разок по голове суковатой дубинкой.

Тем не менее через полчаса они уже неслись на вертолете над бескрайним зеленым лесом. Вот показалась знакомая избушка с дочкой-избушечкой. Избушечка бегала по полянке, играя с зайцами. Заслышав шум, на крыльцо выбежала Баба-Яга, глянула на небо и впрыгнула в ступу. Поравнявшись с машиной, она повернулась к сидящим в ней и закивала, прижимая руки к груди.

— У, коллега! — Ганя оторвался от управления и поднял сжатую в кулак руку. — Пламенный привет отважной покорительнице пятого океана!

Бабка умильно хихикала, летя рядом. Джон Сильвер вдруг крикнул и послал ей воздушный поцелуй. Баба-Яга так смутилась, что перекувырнулась вместе со ступой и вошла в штопор. Уже возле земли она выровнялась и приземлилась — видно, чтобы очухаться.

— Села на вынужденную! — определил Ганя.

— Поясните мне, достопочтенная леди Фенька, — сказал Окорок, неожиданно обретший прежнюю галантность, — кто была эта достойнейшая из дам?

— А... э... как бы объяснить... ну, она в лесу живет, и это...

— То есть я хотел бы узнать, к какому миру она имеет удовольствие принадлежать: к вашему или к нашему?

— А я сама не знаю, — ответила Фенька. — Тут у нас не разберешься...

В усадьбе лешего Чувачка царили, как всегда, великие труд и хаос. Сам леший сосредоточенно косил траву возле огорода, не обращая внимания на происходящие вокруг события. Лешачиха вицей загоняла во двор упрямую корову. Из лешачонков двое упоенно дрались, оглашая окрестности ревом, трое пытались оседлать козу, еще двое

бросали сверху шишками в беснующуюся вокруг дерева собаку, кто-то изучал только что пойманного в речке рака, кто-то с банкой золы гонялся за гусем, чтобы покрасить его в черный цвет... Гвалт стоял неопиcуемый. Когда вертолет приземлился, лешачата сразу же с гиком бросились к нему, облепили, как саранча, и стали стучать, откручивать, дергать, пробовать на прочность... Попугай Капитан Флинт чувствовал тут себя в своей стихии: суетливо метался туда-сюда и хрипло кричал: «Лупи в пр-равый боррт! Готовь кррючья! На аборрдаж!!» Геня выстрелил вверх из ракетницы, — лишь тогда лешачата сиганули от вертолета и вернулись к прежним делам. Чувачок с лешачихой подошли к гостям, степенно поклонились. Их невозможно было чем-нибудь удивить. Фенька и Ганя поздоровались, а Сильвер отвесил церемонный поклон.

— Как погода, как покос? — вежливо сказала Фенька, чтобы начать разговор.

— Покос што... покос ничего... — Чувачок швыркнул носом. Он не признавал тонкостей. — А это што за шпынь?

— Я не шпынь! — с достоинством ответил призрак и, натужась, издал оглушительный вой. Лешачки восхищенно завизжали, а Чувачок с сурругой глянули на гостя с великим уважением.

— А пожалуйте-ка в избу, гостеньки дорогие!

— Чем тебя нонче и угостить-то, матушка? — спросила у Феньки Чувачиха.

— Мне бы киселек из еловых иголок, гуляш из сосновых шишек и пироженку из свежей бересты.

— О чем разговор! Сготовлю живехонько.

Хорошенько перекусив, Фенька решила отдохнуть. Легла и крепко уснула на приготовленной хозяйкой постельке.

Проснулась она, когда уже было темно. Везде в избе — на полу, на полотах, на печке, — храпели и пукали лешачонки. А со стороны огорода доносилась песня.

Фенька прислушалась.

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Она встала и пошла в огород. Песня доносилась из бани. Фенька вошла в предбанник и открыла дверь.

Там вокруг большой чурки сидели на лавке, на перевернутых бадьях Чувачок с женой, Сильвер, вертолетчик Ганя и играли в карты. По полу шлепали жабы, бегали какие-то мохнатые существа. Песня сотрясала стены.

Все семьдесят пять не вернулись домой.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Они потонули в пучине морско-ой.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Джон Окорок умудрялся при этом не только кидать карты, но и дирижировать своей суковатой палкой. Горящий фитиль из площадки отражал причудливые тени. Когда Сильвера изобличали в жульничестве, он принимался мерзко выть и кривляться, чтобы показать партнерам, какой он страшный призрак. Ганя зажмурился и затыкал уши, а Чувачок с лешачихой оставались совершенно равнодушны: они за свою жизнь в этих лесах столько всякого перевидали и переслышали, что их было уже ничем ни удивить, ни испугать.

Посидев немного на порожке бани, Фенька, так никем и не замеченная, встала и пошла в избу, досыпать.

Проснулась она от страшного рева. Подняла голову от подушки и увидела сидящего за столом Джона Окорока. Перед призраком стояла большая бутылка. Время от времени он наливал из нее в кружку какую-то жидкость, выпивал и снова начинал что-то причитать.

«Что это такое?! — завертелось в Фенькиной голове. — Неужели это ром — страшный пиратский спиртной напиток? Но где он его раздобыл? У Чувачка его сроду не водилось... может быть, он привез бутылку в кармане своей одежды?..».

— О-о, — вдруг застонал Сильвер. — Лишь теперь я понял, какое мерзкое пойло вливал я в свою глотку в течение всей жизни! Тысяча чертей! Если бы меня в детстве поили этим волшебным напитком, дающим человеку счастье, доброту, любовь к ближнему, — разве скатился бы я на гадкий путь злодейства?

Тут Фенька увидела, что перед ним стоит бутылка некогда подаренной лесным народом газировки «Фенька». Видно, у Чувачка оставались еще запасы и он поделился с гостем.

— Разве такую могла быть моя жизнь? — продолжал горевать старый бродяга. — Усердный труд, добрая жена, послушные дети, крепкий богатый дом... Все это могло быть. А кто я теперь? Одинокий, вдали от дома, никому не нужный... — он вновь зарыдал.

— Да ништо-о! — утешал его возникший рядом Чувачок. — Ты живи у нас! Мы тебя не обидим!

Они вышли на крыльцо.

— Гляньте-ка, — сказал леший, — кто пожаловал.

Из леса к Чувачкову дому бодро шагала Избушка-на-курьих-ножках. Сзади бежала, прыгивая, маленькая избушечка. Из окошка лыбились, кивала, махала рукою Баба-Яга. При виде ее одноногий Джон Сильвер приосанился, закрутил бакенбарды.

Вот избушка остановилась; Баба-Яга скатилась на землю и принялась бить поклоны.

— Привет всей честной компании! — кричала

она. — Вот... попроведать надумала.

— А не соблаговолит ли достойнейшая леди, — прокашлявшись, засипел Сильвер, — ответить: не она ли — та почтеннейшая дама, что сопровождала нас вчера в воздушном путешествии?

— Я, я самая, — потупилась Баба-Яга. — Вы мне еще вчера поцелуй послали...

Она зарделась. Окорок подумал немного — и, буравя деревяшкой землю, решительно направился к ней. Нос его пылал, кудри вокруг лысины стояли дыбом. Он сбоку, по-петушиному, подскочил к бабке и чмокнул ее костлявую кисть.

— Клянусь дьяволом — я много встречал красавиц! А однажды даже — признаюсь честно — был по-настоящему женат. Она была, если мне не изменяет память, негритянской. А может быть, индианкой... Проклятый склероз! Но разве можно ее красоту сравнить с вашей, досточтимая леди! Вы пленили мое сердце, и оно отныне принадлежит вам.

Баба-Яга закрыла глаза, тая от блаженства.

— Да што уж я... — слабо сказала она. — Вы такой кавалер... чужеземец... наговорите мне тут разных слов, а потом и свалите... в чужедальну сторонушку...

— Я?! — вскричал Джон, ударяя себя в грудь. — Я моряк, сударыня! Старый пират! Даю слово призрака!

— Бей, бей! — заметался в ветвях дерева попугай. — Руби! Женщина на коррабле! Мррак, мрра-ак!

Призрак запустил в него костылем. И, вынув из кармана какую-то вещь, вложил ее в руку своей избранницы. Баба-Яга глянула — это был небольшой брелок в виде черного гробика. Она охнула от восхищения и закрыла лицо.

Тут зашумел Чувачок, снова показывая на лес. Оттуда выскочил и побежал по лугу оборванный человек с седой шевелюрой. Сильвер сразу узнал его.

— Это же мой друг Джованни. Эй, Джованни! Ловите его, — обратился он к лешачатам, — и ведите сюда. А то он, так и не заметив нас, пробежит мимо.

И верно — колдун бежал во все лопатки, спотыкаясь и не оглядываясь по сторонам. Но резвые лешачата быстро настигли его и потащили к избе. От страха он был весь белый, вскрикивал и дергался.

— У меня больше ничего нет! Отпустите, почтенные синьоры! Клянусь духами ада!

— Успокойся, добрый товарищ, — Окорок склонился к Джованни. — Ведь это я, Сильвер.

— А! — итальянец опомнился, вскочил на ноги, подпернул остатки брюк. — Это ты, Джон! Извини, мне некогда. Скорей бежать, бежать отсюда. В Италию, в Италию! Где мой брелок, о мой друг и соратник? Давай его сюда! Я заточу вас с попугаем обратно и увезу опять в свой замок, где мы были так счастливы. Ну, давай же!

— Увы! — вздохнул призрак. — Я только что подарил его прекраснейшей из дам. А джентльмены не требуют обратно своих подарков. Особенно от женщин, — почему-то добавил он.

— Тогда я побегу, — сказал Джованни. — Согласись, не могу же я взять тебя в твоём теперешнем виде — ты будешь обузой в дороге. Прощай, друг!

Он зарыдал, бросился Окороку на грудь, быстро обнял — и скоро топот его босых пяток затих за кромкою леса.

Призрак погрустнел было, — но Баба-Яга ловко подхватила его под руку, заглянула в глаза, — и он снова воспрял духом.

— Что ж, Капитан Флинт, — обратился он к птице. — Видно, здесь, в этих лесах, и затеряемся мы, вечные скитальцы. Мне нравится здесь, клянусь Черной меткой, — но что готовит нам грядущая зима? Что скажут тогда мои старые кости?

— Баньку натоплю-у! — загудела Баба-Яга. — А из баньки-то — на печку, на горячи кирпичики! Тремя шубами сверху укурю. Чаю дам с медом! И рому достану!..

Окорок аж зачмокал, предвкушая такое удовольствие. И они направились к Избушке-на-курьих-ножках.

— А выть можно будет?

— Да сколь хошь, родимой! Вместе всласть повоем.

— Што ж... без хозяина и изба не изба! — крикнул Чувачок.

А вертолетчик Ганя уже заводил мотор.

Здравствуй, Фенька, Новый год!

Фенька сидела на скамейке и жевала сухую щепочку. И заметила, что к ней приближается непонятное существо. Оно все время менялось видом: то, смотришь, один глаз у него на лице, а через секунду — уже два. То же самое с носами. Ушей — то двое, и оба на месте; глядь — появилось еще одно ухо на затылке, на лбу или на подбородке. Рук — то одна, то две, то три. Пока вглядываешься — опять одна. Катится по дороге безногим кулем, — тут же встанет и зашагает по-человечьи. Или запрыгает, словно инвалид, на одной ноге. И все время шумит, лопочет, разговаривает.

Подкултыхав к Фенькиной скамейке, существо сказало гнусаво:

— Здравствуйте. Я — Глокая Куздра. Охрана зеленых пространств.

Тут же подбежал ее спутник. Этот имел вид более чем конкретный: низкий, плотный, на круглой голове — большая плоская фуражка. Старая телогрейка, мятые штаны, десантные ботинки. В руках — наколоченная на палку фанера с надписью:

ВСЕ ШАГОМ МАРШ НА ПРЕКРАСНЫЕ ДЕЛА!!!

— Бокр, — отрекомендовался он, кланяясь. — Здравствуйте. То есть доброго здоровья. То есть я хотел сказать...

— Может быть, вы кушать хотите? — спросила Фенька. И протянула им щепочку: — Вот... пожалуйста...

— Нам некогда заниматься пустяками! — забурлила Глокая Куздра. — Когда мир на волоске! Он может погибнуть буквально через минуту! Или завтра! Или послезавтра! Или через неделю! Или через год! Или через сто лет!..

— Да вы кто такие?

— Представители движения защиты природы. Он, — Куздра указала на Бокра, — защищает флору, а я — фауну.

— А что это такое?

— Флора — это живые существа: рыбы, птицы, звери, букашки... А фауна — растения: деревья, кусты, травинки... Наше движение очень большое, в нем участвуют многие народы. Недавно сам великий африканский нгопо, Мбумбу Околеле, прислал нам веревочное письмо!

— Ну, хорошо. Мы рады видеть вас в Феньляндии. Вы в гости или по делу?

Глокая Куздра засновала, заперекатывалась возле скамейки, — видно, в большом волнении.

— Как же! Как же! Ведь скоро здешние жители начнут встречать Новый год. Будут рубить елочки! Наносить урон природе.

— Да и не только деревьям! — замахал плакатом Бокр. — Ведь в песне-то как поется: «Трусишка зайка серенький под елочкой скакал...» А срубят елочку — куда ему тогда, бедному, будет деваться? Побегит по лесу, один-одинешенек... — Бокр захныкал. — А на ту пору — Волк... Прыгнет... цап... уя-а-а!! — безутешно рыдал представитель движения.

— Мне тоже жалко зайку, — сказала Фенька. — И елочку жалко... Наверно, надо идти к Мэру. Вдруг он чем-нибудь поможет?

Мэр сидел и скучал в своем кабинете. На необычный вид посетителей он не обратил особого внимания: в этих стенах приходилось видеть кое-что и похлеще.

Выслушав их, он развел руками.

— Ну что же делать! Елки всегда рубят. Ведь дерево не может расти вечно, когда-нибудь да приходит его срок. И волки всегда едят зайцев. Это — законы природы, и отменять их своим приказом я просто не в силах.

— А разве нельзя развешать по избе или квартире разные палочки, жердочки, сухие веточки? — убеждала Глокая Куздра. — Украсить их всяко. Когда-то ведь и они елками были. И — води вокруг них на здоровье разные хороводы. А вообще Новый год — никакой не праздник. Что это за праздник? Вот через неделю после него Рождество отмечается — это праздник, это я понимаю. Это Божий праздник.

— Бога нет! — вдруг сказал Бокр, каменя лицом.

— Что-о-о?!.. — завизжала Глокая Куздра. У нее сразу выросло шесть ног, и она со страшной силой затопала ими по полу. — Закурдючу-у-у! Зафурычу-у-у!..

Бокр еле успел выскочить за дверь; видно было, как они несутся по улице. Фенька снова принялась за щепочку. Мэр озадаченно качал головой. Вдруг тихо проник еще один посетитель и остановился на пороге. Это был леший Чувачок.

— Гражданин в фуражке отсель выбежал? — осведомился он. И, получив утвердительный ответ, сказал твердым голосом: — Прошу немедленно отправить его в тюрьму. Он вор моей козы.

— Любое воровство подлежит наказанию, — рассудил Мэр. — А ну, поведай-ка нам, любезный, сию историю!

Волк и семеро козлят

— Коза моя, именем Козьявка, живет в отдельной избушке, рядом с моей. Ведь мы, лесной народ, свою домашнюю скотину очень уважаем. Куда без нее, с великим-то семейством! И вот, неделю назад, повел я ее к себе остригать. Варезки, носки лешачонкам надо вязать — горит ведь все на них! А козья шерсть теплая, мягкая. Заперли мы с ней избушку и козлятам строго наказали: никому не открывать! Не то волк живо слопают. Он ведь у нас до того хитер — чистый Штирлиц! И вот как он тут нас обманул: достал где-то магнитофон на батарейках, записал на него Козьявкин голос, подошел к избушке, да и включил его: открывайте, мол, ребята, это я, ваша мамка! Они открыли, а он их в мешок, да и наутек. Один только успел в печку спрятаться. Он все и рассказал. А на днях вон тот господин, — Чувачок показал на двор, где Глокая Куздра с пронзительными воплями лупила Бокра, — и остатнего козленка увел. Вместе с матерью. Зашел ко мне вечером: пустите, мол, погреться. Я его еще чаем напоил... Утром гляжу — его следы у Козьявкиной избушки. О чем уж он с ней толковал — не знаю, а только исчезла моя животная вместе с козленочком. И следы замело: как раз метель ночью была. Ох-хо-хо-о, вот ведь беда-то какая!.. — леший вытер слезы полою старого зипуна.

— Жа-алко козляточек! — заревела следом Фенька. — Съел их проклятый Волк!

— Пока еще не должен! — сказал Чувачок. — Он, когда их в мешок пихал, все приговаривал: «Ох, и будет же мне лакомство на Новый год! По козленочку в день — аж до Рождества хватит!».

— Пока они живы — надо постараться их спасти! — Мэр поднял палец. — А с вами, гражданин, будем разбираться со всей серьезностью!

Это относилось к Бокру — Глокая Куздра втащила его, помятого, в кабинет и поставила в угол. Он шмыгал острым носом и тихо скулил.

— Почему вы украли козу у жителя феньляндских лесных пространств?

— Потому что он враг живой природы! — голос у Бокра сделался твердым и скрипучим. — Он не имеет права владеть живым существом, если не может сохранить его от хищника. Наше общество не может с этим мириться. И мы боремся!..

— Отдавай, вор, козу! — грозно сказал Чувачок. — Где она?

— Не скажу! — уперся защитник фауны. — И ни за что не найдете!

— С этим господином мы еще разберемся, — молвил Мэр. — А теперь наша главная задача — спасти козлят, захваченных Волком. Как нам на него выйти?

Леший почесал затылок.

— Разве что через Бабу-Ягу. Лучше ее лес никто не знает. Наш вертолетчик к ней дорогу найдет, он ведь там бывал, помнится?..

Вскоре вся честная компания неслась уже над лесом — к избушке Бабы-Яги. Ганя, зная, что старуха не любит шума, посадил машину на дальней опушке, — оттуда, увязая в снегу, потащились к поляне, где скрипела озябшими ногами бабкина изба.

Баба-Яга, увидав в окошко непрошенных гостей, выбежала на крыльцо, уперла руки в боки и приготовилась ругаться, — но тут бравый Ганя крикнул ей:

— Привет покорителям воздушного океана! — и бабка сразу растрогалась:

— Это ты, дитяток? Ну-ко бежи сюда скорее!

И уже вежливо здоровалась с остальными, и звала в избу. Там на печке зычно храпел призрак старого пирата Джона Сильвера, по прозвищу Окорок, источая запах крепчайшего рома. Попугай Флинт заорал с полатей:

— Мясо, мясо пришло! В печку, в печку! Наливай, Гор-рыныч! Поднять триселя!..

По полу бегала маленькая избушечка, играла бабушкиными клубками. При виде Феньки она радостно завизжала, закружилась вокруг нее, потом остановилась, присела и распахнула маленькую дверочку. Фенька вошла внутрь.

Старуха тем временем разливала чай и спрашивала гостей, зачем пожаловали. Растрепала угрюмого толстого кота и велела бежать за Волком.

Маленькая избушечка заморожено притихла и только время от времени попискивала от восторга: до того ей нравилась такая игра. А Фенька уже всюду прибиралась внутри. Наконец-то у избушки появилась такая же маленькая хозяйка, которая свободно там ходит, домовничает, расстилает лоскуточки-половики, — и, может быть, даже затопит печечку...

Остальные коротали время за чаем и разговором. Особенно разглагольствовала Глокая Куздра: они с Бабой-Ягой сразу понравились друг другу.

Наконец вернулся кот: что-то мрачно мяукнул бабке, сразу свалился на свою подстилку и отключился — лапы кверху.

Волк, нагло развалясь, сидел на пеньке посреди поляны.

— Здорово, Серый! — крикнула ему Баба-Яга. — Как живешь-здравствуешь?

— Да так себе... Ведь скажи, экая притча ко мне прицепилась: хвост стал облезать! Так шерсть клочьями и летит. Прямо беда. Надо мной и товарищи теперь смеются: ты, дескать, хуже шелудивой собаки. Дожил, понимаешь!.. А это что за компания к тебе, старая, явилась? Меня-то зачем кликнули?

— Отдавай моих козлят, злодей! — крикнул Чувачок. — Не смей малюток бездолить!

— Ну, вот еще! — фыркнул Волк. — Чего захотели. Это — моя добыча, и я имею на нее полное право. Ступайте прочь.

— Отда-ай козлят! — закричали все.

— Я сказал — нет. И точка. Должен ведь и я как-то праздники отмечать. Старый год проводить, Новый встретить... Моя добыча!

Он встал и пошел с опушки, ворча:

— Зря ты меня, старая, беспокоила...

— Не отдаст... Нет, не отдаст, — вздохнул Мэр. Фенька трясла за подол Бабу-Ягу.

— Ну попроси его! Попроси! Он тебя давно знает! Вы в соседях живете!

— Нет, девонька. У нас, лесных жителей, в чужие дела мешаться не положено. Разве вот что попробовать... У вас вода-то, которой народ для замирения поили, осталась? Та, что доброту дает?

— Это «Фенька»-то? Да ее у нас полные подвалы! — ответил Мэр.

— Тогда ладно... Эй, Серый! Хвост-то, говоришь, сильно лезет?

— Да спасу нет! — Волк остановился и заскулил. — И мозжит, и чешется, и лезет... товарищи дразнят... вя-а-у-у-у...

— Я тебе травку pošлю. Очень от шелудивости помогает. И водички туесок. Ты травку только той водичкой запивай, а то не поможет. Понял, Серый?

— Благодарствую-у-у-у!.. — взвыл Волк и скрылся за деревьями.

Наступившую тишину нарушала лишь Глокая Куздра: она волочилась по снегу и глухо бубнила. Снег мерцал под луною острыми звездочками.

— Глядите! — воскликнула вдруг Фенька и показала на небо. Оттуда пологим разворотом спускались сани, запряженные в тройку белых коней. — Кто это?!

— Дед Мороз с дочкой, — ответила Баба-Яга. — Они ко мне заглядывают. За всем зимним царством догляд ведут. Дед — он все на свете знает, у него что хошь узнать можно. А Снегурочка — она добрая, ласковая...

Сани опустились на поляну, пробежали немного — и кони замерли, словно вкопанные. Могучий старик с белой бородой, в белой шапке и белом тулупе, с белым посохом в руке крикнул раскатисто:

— Здр-равствуй, р-родная! И вы, люди добрые!..

Стоящая рядом с ним юная красавица в шубке и шапочке, усеянных золотыми звездами, поклонилась и махнула рукой, улыбаясь.

— Ур-ра-а!.. — хрипло завопил Чувачок. А Куздра махом подметнулась к полозьям и быстро забормотала, перекатываясь туда-сюда:

— Наше движение... беспощадная защита природы... веревочное письмо Околеле... заявляем решительный протест... президиум... правление... И просим поддержать решение пленума: встречать Новый год и Рождество не свежесрубленными елками, представляющими собой живую природу, а украшенными сухими елочками, ветками и жердочками!..

— Эт-то еще зачем?! — захохотал Дед Мороз. — Что за Новый год — возле сухой палочки? Новый год — так с елкой, как уж положено. Не надо бояться, у Бога всего много. Если для человеческого блага, радости, праздника — берите на здоровье! А если уж для злого дела или пустой потехи — этого Он не забудет. С праздником, милая!

И Глокая Куздра откатилась с обиженным ропотом.

На ее место рвался Бокр, тыча в небо обшарпанным плакатом.

— От имени фауны... подвергаем гневному осуждению!.. Что такое?! Люди едят животных... люди едят зверей... люди едят птиц... рыб... звери едят зверей... домашних животных... Птицы едят червей, жучков, гусениц... Рыбы едят рыб... чукчи едят тюленей... Пора кончать с таким произволом!..

— А как это сделать? — спросил его Дед Мороз.

— Надо просто запретить живым существам поедать друг друга!

— Но тогда половина видов сразу же вымрет!

— Зато другая-то половина останется! — захохотал Бокр над глупым стариком. Дед Мороз поглядел на него, покачал головой и ничего не сказал; хлопнул в ладоши.

— Ну, садитесь-ка ко мне в сани! Прокачу с ветерком! — он стал брать седоков со снега и укладывать в сани, укрывая по грудь мягким теплым пологом. Дернул вожжи, гикнул — восходящим витком кони понеслись в вечернее небо. Земля стала маленькой, выпуклой. Роем кружились звезды, некоторые из них опали и ложились на голубой снег сверкающими золотыми крестиками. Кони скакали по невидимому насту, а сзади саней жужжал и переливался в лунном свете разноцветный Ганин вертолетик. Сбоку летела, распугивая уха́нем лесных сов, Баба-Яга в верной своей ступе. Вообще мир вокруг сделался так прекрасен и необычен, что даже Куздра притихла.

Сани приземлились на главной площади Фенинбурга. Все вылезли из саней и замерли, глядя снизу вверх на Деда Мороза. Должен же он что-то сделать на прощанье! А старик полез в кар-

ман, вынул оттуда маленькую елочку и поставил на ладонь. Махнул рукой — дерево стало расти. Дед Мороз осторожно опустил его на середину площади. Фенька и ее спутники ахнули: огромная мохнатая елка вознеслась ввысь, качая лапами. Кони тронулись; Снегурочка взяла из мешка кучу блестящих штучек и бросила на елку, та укуталась игрушками, засверкала. Что-то кинул из мешка Дед Мороз — это оказались конфеты и леденцы, миглом усыпавшие площадь. Фенька взяла один леденец, попробовала.

— Как раз мой любимый, — сказала она. — С углеродиком.

И каждый поднимал именно то, что было ему больше всего по вкусу.

От подвалов, гремя ключами, шел Мэр, отпускаящий Бабе-Яге волшебный напиток «Фенька». Он тоже подобрал конфетку, откусил.

— Ну что же, — сказал он. — Надо готовиться к празднику.

А через несколько дней на площади веселился и плясал вокруг елки разный народ: феньляндцы встречали Новый год. Ребята с криками бегали по площади, собирая конфеты: их не становилось меньше. Обертки, фольга от шоколада валялись здесь и там. Вот будет работы дворникам!

На каждом углу торговали газировкой «Фенька» — любимым напитком здешних жителей. У тех, кто его пил, исчезали усталость, зло на других, — все становились сердечными, участливыми, все хотели помочь друг другу, выказать свою дружбу и добрые чувства.

Через площадь леший Чувачок вел свою козу Козявку, вырванную из Бокрова плена. За нею весело бежали, мекая и припрыгивая, семеро ее козлят. А следом тащился, проливая слезы умиления и любви к козьему роду, Волк. Не один туесочек «Феньки» пришлось ему выпить, прежде чем стать таким! Время от времени он совал себе в пасть пучок соломы и пытался ее жевать. Но почти сразу же с отвращением выплевывал.

Лишь Глокая Куздра с Бокром ходили мрачные, не принимая участия в веселье, — они наотрез отказались принимать «Феньку», чтобы не потерять боевого духа.

— Ну вот, Новый год, — бурчала Куздра. — А через неделю опять праздник. Рождество. Но это другое дело. Это Божий праздник. Другое дело.

— С Новым годом! С новым счастье-ем! — неслось отовсюду.

— А Бога нет, — вдруг сказал Бокр.

— А-а! — завизжала Куздра. — Опя-ать?! Ну, урою! Ну, уморшу-у!..

И, причудливо переливаясь из одного состояния в другое, она кинулась за Бокром. Так они бежали, оглашая местность громкими криками, пока не скрылись за дальними домами.

Фольклорный ансамбль

Въезд в деревню

Фото Проскурина-Горского, 1912 г.

Б. ПЕТРОВ
Фото автора

Чусовая - река родная

Вплетем в венок уральской
дали
Лесов бескрайность,
синь озер,
Чтобы для всех заметны
стали
И жесткий блеск
уральской стали,
И седина Уральских гор.

Фестиваль рыбалки на Чусовой

Уральский слепопыт, июль 2008

Сохранившаяся стена канала Старо-Шайтанского завода.

В 1703 году состоялся первый сплав каравана судов по реке Чусовой с продукцией горных уральских заводов. На два века река превратилась в главный и единственный горный и торговый путь из Азии в Европу. За этот период усилиями казны и заводовладельцев на реке Чусовой было построено 17 пристаней. Каждый горный округ (Ревдинский, Каменский, Сысертский, Верх-Исетский, Режевской, Невьянский, Нижне-Тагильский, Гороблагодатский) был «приписан» к своей пристани.

Сплав по единственному пути из Азии в Европу — по реке Чусовой — это дух, кураж большого, смертельно рискованного, лихого дела проводки огромных для реки судов по весеннему полноводью, да еще налитому согласованным сбросом воды из пристанских прудов, заводит, заворачивает, открывает для нас другую — жи-

вую сторону жизни промышленного Урала того времени.

Эту сторону жизни горного Урала убедительно показал талантливый пермский писатель Алексей Иванов в своих знаменитых книгах «Золото бунта» и «Massage — Река Чусовая».

Наполняет естественной гордостью за наших предков-уральцев, несущих мимо страшных скал-бойцов на огромной скорости, управляемой только веслами-потесями, свои жизни, барку и 200-300 тонн металла под палубой.

Основной маршрут от Ревды до Перми караван проходил за 5-6 дней, пополняясь в пути новыми мини-караванами от каждой из 17-ти чусовских пристаней.

До 600 барок с продукцией металлургических заводов и купеческими товарами с Ирбитской ярмарки уходило по реке

Чусовой до пермских городков на реке Каме. Там их путь заканчивался, продукция перегружалась на большие баржи для дальнейшего следования в Петербург, Москву, Нижний Новгород.

Особая наполненная жизнь была и у пристаней, на которых строились, грузились и отправлялись в опасный путь барки. Это

Документ

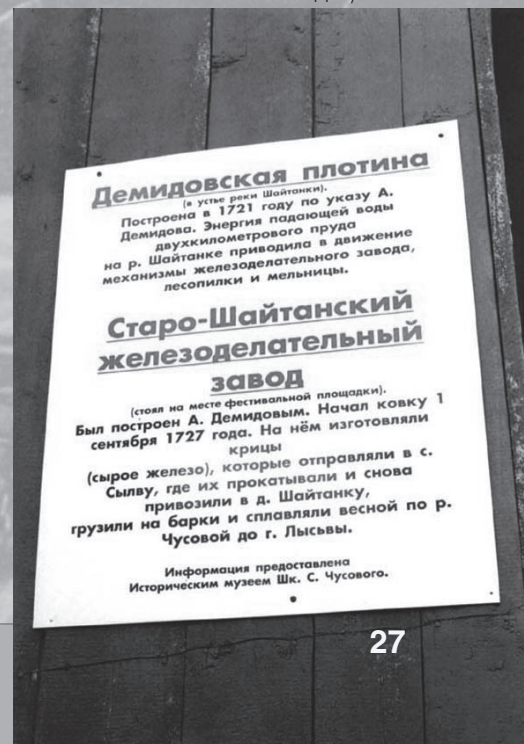

Фото Проскурина-Горского

огромное хозяйство — пруд, плотбище, где, собственно, строились барки, лесопильные мельницы, кузнечный и скобяной двory, гавани, каналы, шлюзы... Руководила всем этим пристанская контора.

Согласованно в один из весенних дней по выстрелу сигнальных пушек от своих пристаней стартовали караваны огромных барок. Под своими флагами, по своим обрядам, со своими приметам и причудами,

провожаемые руководством заводов и округов, всем населением пристаней, каждый караван пристани пристраивался в хвост общего чусовского каравана.

Это был главный день всего горнозаводского Урала, отправлявшего в опасный путь свою продукцию — чугун, стальные листы, пушки и ядра, медь. Этот день был праздником «со слезами на глазах» для жен и детей, провожавших в опасный

путь своих мужей и отцов. На сплаве зарабатывали приличные деньги, но эта работа была сопряжена с огромным риском.

В наше время риска, конечно, меньше. Река Чусовая — не самый сложный туристский маршрут. Но осталось главное — красавица река — путь, к которому по-прежнему манит. Путь, который заставляет снова возвращаться на следующий год в его начало и повторять опять,

Фото Проскурина-Горского

пусть как бы «понарошку», почти виртуально опасный путь наших предков.

Нужно помнить о них.

Нужно вдохнуть в привычный туристический маршрут по Чусовой новые, скрытые пока от взгляда современного сплавщика, смыслы.

Добавить к восхищению волшебной красотой Евразийской реки – гордость за величие, мощь и красоту русского, уральского промышленного ренессанса XVIII века.

Уральский фестиваль сплава «Чусовая – река родная» пройдет 25-27 июля 2008 года в селе Чусовом, где почти два века работал железоделательный завод и мощная демидовская пристань.

Фестиваль включает в себя спортивно-туристическую программу, основанную на командных состязаниях туристов и неразрывной связи духа сплавщиков горного Урала всех времен.

План основных мероприятий Уральского фестиваля «Чусовая – река родная»

№ пп	Наименование мероприятия	Срок проведения
Мероприятия 25 июля		
1	Проведение семинаров участников туристского рынка Урала	С 9-00
2	Регистрация и размещение участников и гостей фестиваля	с 15-00 25.07.08 по 10-00 26.07.08
3	Открытие выставок полиграфической продукции, фотографий, видеофильмов, картин, посвященных реке Чусовой и речному туризму	По индивидуальным планам
Мероприятия 26 июля		
4	Проведение рыбацких состязаний	6-00 – 9-00
5	Открытие фестиваля	10-00
6	Туристское многоборье	11-00 – 15-00
7	Презентации фирм и проектов	11-00 – 17-00
8	Открытие ярмарки товаров народных умельцев и изготовителей сувениров	9-00
9	Конкурс туристской песни. Прослушивание.	11-00 – 16-00
10	Конкурс туристской песни. Финал.	19-00 – 22-00
11	Выступление творческих коллективов и исполнителей, дискотека, фейерверк, костер, официальное закрытие фестиваля	22-00 – 4-00 26.07.08
12	Завершающие мероприятия. Отчаливание туристских караванов.	С 11-00 26.07.08

Зарыбление пруда в 2002 году

Ошибка природы

На руинах Инкубаториума водились привидения.

Правда, всерьез в них никто не верил. Ни ребята с завода, ни старики, приговоренные к смерти, ни седые ученые (те вообще к любому звуку относились скептически). Даже дети в привидений не верили. Не верил в них и Рой.

— Эй, Рой Ройсон, долголетний ты долгожитель! — с издевкой крикнул Пит, толстый семнадцатилетний оболтус, которого почему-то назначили главным в их отряде. — Долго ты будешь копать в этой горе помоев? Там ничего нет!

Холм был чуть выше человеческого роста. Местами он порос травой, местами на его обрывистых склонах виднелся щебень, который то и дело осыпался, поднимая в воздух внушительные облака белой пыли. И тут, и там из холма торчали различные железяки, проржавевшие от времени и дождей. Иногда можно было найти осколки мутного стекла или какие-нибудь необычные предметы.

— Никакой я не долгожитель, — Рой с сердитым видом подошел к краю обрыва. — Я буду жить ровно столько, сколько мне положено, и ни секундой дольше, — пообещал он Питу, глядя на него сверху вниз.

— Я лично позабочусь, чтоб тебе штрафные минуты добавили, — сплюнул тот. — Давай, слезай, там все равно ничего путного нет.

— А по-моему, раньше здесь была колба. Здесь, внутри холма, — Рой обернулся и посмотрел себе под ноги, пиная ботинком землю. — Скорее всего, основная масса там, внизу, но, думаю, часть ноэлия мы сможем откопать и сегодня.

Пит усмехнулся и хотел было ответить что-нибудь язвительное, но сзади подошел чернокожий Джордж. В их компании Джордж был самым старшим — на днях ему исполнилось двадцать пять лет. В министерстве уже давно хотели перевести его на какую-нибудь другую работу, но детей в последние годы стало меньше, а Джордж был одним из опытейших собирателей.

— Оставь, пусть пороется, — сухо сказал Джордж, встав рядом с Питом. — Похоже, этот холм действительно был колбой.

— Ах уж этот Рой, — еще раз сплюнул Пит, наблюдая, как Рой исчезает за бугром холма. — И все это ему известно! Да ему сто лет надо дать в довесок! Ты бы видел, как он работает. Да он даже

копать толком-то не умеет, и вообще, он задохлик какой-то! Представляешь, однажды...

— Просто у него чутье на ноэлий, — меланхолично возразил Джордж, что-то жуя. — Видит, под какими холмами колбы, а под какими — простой хлам.

Холмов в округе было множество. Некоторые стояли обособленно, другие же сбились в кучи, словно опасаясь собирателей ноэлия. Инкубаториум занимал обширное пространство в несколько сот гектаров — часть уже поросла лесом, часть превратилась в болото, а оставшийся кусок покрылся толстым слоем почвы и порос травой. Первоначально Инкубаториум был создан для клонирования и выращивания людей. В Первую Ядерную Войну погибло почти все население Земли. Но та часть, которая выжила, не только сохранила знания мировой науки, но и сумела вновь заселить планету. По самым приблизительным данным (точных, увы, не сохранилось), через Инкубаториум прошло около трех миллиардов человек. Впрочем, клонировали не только людей, но и животных — от вымерших львов и жирафов до зоопланктона и бабочек.

А потом началась Вторая Ядерная Война. Инкубаториум был разрушен, а человечество вновь погрузилось в темную эру. И, возможно, оно исчезло бы навсегда, если бы не одно обстоятельство.

Из соседних миров — или, может быть, из космоса — прибыли Учителя. Они подобрали всех, кто выжил в катастрофе. Именно они построили первый (и пока единственный) город нового времени.

А еще эти необычные пришельцы поведали людям страшную тайну о жизни и смерти. Они создали новую религию, вдохновившую человечество. Именно поэтому их и прозвали Учителями.

Рой был на грани отчаяния. Поковыряв ногой осыпи в разных частях холма, он жутко разочаровался. Скорее всего, колбы внутри не было. Похоже, Пит оказался прав. Не желая признавать поражение и возвращаться к друзьям с пустыми руками (они тем временем тоже искали, но только у соседних холмов), Рой побрел дальше. Он не знал, где именно будет искать, а просто шел вперед, задумчиво глядя под ноги.

Нужно было найти осколки стекла, из которого делались колбы. По всему Инкубаториуму насчитывалось несколько миллионов колб, в которых некогда выращивались клоны. Сейчас почти все они разбиты, но это не имеет значения. Дело в том, что днище колбы покрывалось специальным веществом фиолетового цвета. Называлось это вещество ноэлий-365 и предназначалось, скорее всего (опять-таки точных данных мы не имеем), то ли для поддержания постоянства внутриколбовой жидкости, то ли для распределения в ней питательных веществ. В любом случае оно

Шлыков Михаил Александрович (литературный псевдоним - Михаил Китовский) родился в Свердловске в 1987 году. Сейчас оканчивает Уральский колледж недвижимости и управления. Интересы: литература, рок-музыка, сноуборд, кино. Данный рассказ - первая литературная публикация.

попадалось в каждой колбе, и рост эмбрионов без него был невозможен.

Но что за ирония судьбы! Вещество, которое когда-то было слугой рождения, теперь стало слугой смерти. Немногочисленные отряды подростков и юношей, называемые собирателями, уже несколько десятилетий рыщут по просторам Инкубаториума, откапывая ноэлий. Затем, уже в городе, вещество попадает на завод, где делают машины смерти. Как это ни смешно, но не работают они без ноэлия...

Вдруг справа в кустах что-то хрустнуло. Рой остановился и настороженно повернул голову. В его сознании пронеслись тысячи историй о привидениях. Конечно же, привидений не бывает — утверждают ученые. Но пусть они лучше придут сюда, на «кладбище эмбрионов» (так иногда называли Инкубаториум), столкнутся с неизвестным лицом к лицу и уж тогда вволю поутверждают все, что захотят.

Рою очень не хотелось встречаться с привидениями. Он не любил ничего необычного, как, впрочем, и остальные. Если наука докажет существование привидений, то значит жизнь после смерти есть. Жизнь после смерти — это вечность. Никто не хочет жить вечно — вот какой страх могут породить привидения.

Да еще окажется, что Учителя не правы...

В кустах опять что-то хрустнуло, и Рой заметил два больших глаза. Вначале он жутко испугался — раз существуют привидения, значит и он будет жить вечно. Тогда болтун Пит окажется прав — Рой действительно паршивый долгожитель. Но спустя секунду глаза дрогнули, и из кустов вышло странное существо. У него были большие уши, розовая шерстка и симпатичный хвостик.

— Что за черт! — выругался Рой, отступив на шаг.

Существо протянуло лапку. На крошечной ладони лежало что-то фиолетовое и пушистое. Рой узнал это вещество с первого взгляда — это был ноэлий-365.

— Возьми, — невероятно грубым голосом прохрипело существо. — Ты же это ищешь?..

Рой, никогда не сталкивавшийся ни с чем подобным, осторожно взял ноэлий. Прикоснувшись к существу, он почувствовал сильный удар тока и резко отдернул руку.

— Для твоего же блага, — опять засипело существо. — Меня зовут Друг. Приходи завтра утром, и я принесу тебе много ноэлия. У меня его десятки килограммов в норе...

— Но... я... — растерялся Рой, не веря в происходящее. От электрического удара по руке до сих пор бегали волны.

— Приходи один. Если придешь с друзьями — не дам ни грамма.

Существо, назвавшее себя «Другом», подмигнуло Рою. А затем оно развернулось и ускало в кусты.

— Подожди! — крикнул Рой, но было уже поздно. «Друг» исчез: ни в кустах, ни за ними его не было. Не нашлось также никакой норы или пе-

щеры. «Друг» словно сквозь землю провалился.

Возвращаясь к Питу и Джорджу, Рой вертел в руках кусок ноэлия и тупо улыбался. Кусок этот был размером с человеческий глаз, не меньше. Такой даже в очень удачный день не всегда найдется. Обычно они втроем набирали совсем чуть-чуть — каждый находил примерно по чайной ложке в день.

Ребята очень обрадовались такой находке (даже Пит проворчал, что тупица-долгожитель в кои-то веки сделал что-то полезное). Рой не стал говорить про необычного зверька, а сказал, что просто нашел этот кусок среди ржавого мусора. В тот день они больше не занимались собирательством. Вместо этого друзья отправились на речку — купаться и ловить раков. Погода стояла великолепная, и они веселились до позднего вечера.

Рой так измотался, что думал лишь о том, как бы доползти до кровати. Но уснуть он не мог очень долго. В жилом комплексе уже давно смолкли вечерне-ночные голоса, а он все лежал на кровати и смотрел в потолок.

Десятки килограммов ноэлия! Да за такую находку снимут несколько лет, если не десятилетий. Можно умереть не в пятьдесят, как это положено, а в тридцать или даже в двадцать лет. И теперь-то уж точно пятнадцатилетнего Роя никто не станет называть долгожителем. Даже ворчун Пит будет ему завидовать.

Подумать только! Кто не хочет умереть раньше срока?

Рой беззвучно рассмеялся в темноте. Говорят, в былые времена люди не только не любили смерть, но даже боялись ее. Всеми силами они пытались продлить срок жизни, едва дотягивая до сотни лет. Люди тогда были другие, весьма странные и глупые. Впрочем, с чего это им быть умными, если Учителей тогда еще не было?

Рой вспомнил основные заветы Нового Учения:

«Жизнь — величайшая ошибка природы. Она зародилась лишь волей случая, когда Нечто всеми силами пыталось отгородиться от остального Мира».

«Каждое живое существо отделено от Мира. Чтобы вновь с ним соединиться, оно должно умереть».

«Смерть не дается легким путем. Ее надо заработать».

«Новый этап эволюции человека заключается в осознании бренности бытия. Человек как живое существо — ошибка, которая имеет право на самоисправление. Человек возник из ничего и должен исчезнуть, превратившись в ничто».

«Жизнь после смерти — ложь. Ее не существует, так же как не существует жизни до рождения».

Были и другие законы, написанные Учителями в Новой Великой Книге. Но Рою вспомнились только эти. Проговаривая в уме знакомые фразы, он ощутил странное чувство раздражения. Такого раньше не было. Словно он верил в них лишь по инерции, а в глубине души настаивал на чем-то своем.

Незаметно Рой уснул. Разбудило его утреннее солнце, красным диском зависшее перед окном. Взглянув на часы, Рой готов был снова погрузиться в пучины сновидений, как вдруг вспомнил весь вчерашний день.

Нозлий!..

Наскоро позавтракав (в жилом комплексе все еще спали, и в столовой нашлись лишь три корочки вчерашнего хлеба), Рой выбежал на улицу. Инкубаториум находился в пяти километрах к югу от города. Туда вела только узкая тропинка, поэтому добирались на «кладбище эмбрионов» всегда пешком. Со смутной тревогой в сердце, говорившей о возможности опоздать, Рой помчался к выходу из города. Он любил бегать (напрасно Пит называл его задохликом), и несколько километров не составили для него труда.

«Только бы не опоздать», — вертелась в голове единственная мысль. Впрочем, уже совсем скоро свежесть утра, красное солнце, мокрая трава и прозрачный воздух напрочь выветрили всю тревогу. Найдя место вчерашней встречи, Рой уселся на крупный холодный камень и приготовился ждать.

«Друг», как и вчера, появился внезапно. Вначале в полутьме кустов возникли его широкие глаза, а затем показалось все тело целиком.

— Это тебе, — засипел он, протягивая Рою серебряный шар размером с апельсин. Заметив, что тот боится нового электрического удара, «Друг» положил шар на землю и отошел в сторону.

— Он не похож на нозлий, — заметил Рой, с минуту подержав новый подарок в руках. — Я не стаиваю, я не грубиян. Но ты обещал мне нозлий.

«Друг» с какой-то непередаваемой усмешкой посмотрел на Роя.

— Будет тебе нозлий, будет. Успокойся. Вначале ты должен сделать и кое-что для меня. Видишь этот шар? Знаешь, что это такое?

Рой покачал головой.

— Это бомба. У вас в городе есть здание министерства, в нем есть комната номер шесть. В той комнате открыт... как бы это сказать, чтобы ты понял? Дверь там есть, в общем. За этой дверью — страшная машина. Все, что от тебя требуется, это положить бомбу возле той машины и тихонько смяться.

— Не получится, — покачал головой Рой. — У них надежная охрана, там ведь, как-никак, сами Учителя обитают. Я даже за тонну нозлия не пойду против Учителей. А не то посадят меня в камеру, будут поить омолаживающим препаратом и продержат так лет двести, пока я из ума не выживу...

— Рой! — гаркнуло существо. — Держи себя в руках! Неужели ты до сих пор веришь в Учителей?

Существо казалось выведенным из себя. В его плоских глазах читалась грубость и сила. Рой подумал об Учителях, и на него снова накатило странное чувство. Теперь Новое Учение казалось ему еще противнее и тошнотворнее, чем вчера ночью. Раньше такого не было. Может быть, он заболел? Да-да, заболел и лежит теперь в психушке, галлюцинирую

«Друга», нозлий и серебряную бомбу.

— Нет, ты здоров, — утвердило существо, прочитав вопрос во взгляде Роя. — Почти здоров. Ты знаешь, для чего нужна та машина? Нет? Она нужна для зомбирования таких, как ты. Люди начинают верить, что смерть лучше жизни, и добровольно лезут в машины смерти. А та машина, которую ты уничтожишь, — она еще страшнее машин смерти. Она меняет сознание людей.

Рой сел на камень. Похоже, выбора у него не осталось. Либо иди на верную долгую жизнь, либо спорь с существом, которое тебя не только до психушки, но и до ее буйной палаты доведет.

— Зачем ты говоришь это мне? Я не хочу слушать!

— Ты должен знать.

— Кто ты?

— Я? Скажем, я пришелец из космоса. Ваши Учителя — тоже пришельцы. Наш народ извечно воюет с их народом, но никак не может победить. Ты нам в этом поможешь. Взорви самую главную машину, обесточив тем самым машины смерти. Знаешь, что Учителя получают энергию, когда кто-нибудь из вас умирает в машине смерти? Они едят ваше умирание, Рой...

Умереть в машине смерти считалось очень престижным. Конечно, можно было совершить харакири или броситься под поезд, но таких людей намеренно возвращали к жизни и жестоко наказывали долгими дополнительными годами.

«Правда» о машинах смерти удивила Роя. Более того, его даже чуть не стошнило. Но особой беды он в них не видел. Какая разница, как умирать? «Человек рожден, чтобы умереть, а не чтобы жить» — говорилось в Новом Учении.

— А я-то тут при чем? Я даже за миллион...

— Замолчи! — рявкнул «Друг». — Не хочешь нозлий, тогда я тебя аннигилирую. Сделаю так, что ты перестанешь существовать. Умрешь так, что тебя уже не смогут воскресить. Не ради ли смерти ты живешь?

Роя почему-то очень удивил этот вопрос, показавшись ему двусмысленным. Он снова подумал, что болен и что все это — наркотический бред.

— Хорошо, я выполню твою просьбу, — кивнул Рой. И спросил: — Если я уничтожу машину, Учителя умрут с голоду?

«Друг» подтвердил, что так оно и есть. После чего сказал, что у него больше нет времени болтать и что вскоре они снова встретятся. А еще он сказал такую фразу: «Начинай прямо сейчас, Рой; с этого момента начинается твоя Интересная Жизнь». Потом «Друг» просто отвернулся и растворился в воздухе.

Рой остался один. Подобрал с земли шар (во время разговора он его уронил) и положив в карман, паренек поплелся в сторону дома. Уже совсем скоро проснутся друзья, заметят его отсутствие, забеспокоятся. Что он им ответит?

Если еще полчаса назад Рой был полон надежд и предвкушений, то сейчас он был сражен наповал. Убит, но только убит в плохом смысле слова. А что,

разве у слова «смерть» есть плохое значение? Выражения «Ради смерти», «Счастливого тебе умирания», «Надейся на смерть, готовься к жизни» — повествовали лишь о хорошей стороне смерти.

А может, «Друг» прав и нас зомбирует машина из шестой комнаты?

Рой знал, что выхода у него нет.

Когда он добрался до города, на небе сгустились тучи и пошел дождь. Все сразу же стало серым, неинтересным и скучным. Скучным, как жизнь, принадлежавшая Рою. Может быть, все так любил смерть лишь потому, что жизнь им казалась слишком скучной? Рой не знал ответа. Он вообще не любил размышлять, по крайней мере, до того, как встретил «Друга».

— Ты где был, Рой? — спросил Джордж, возникнув из стены дождя.

— Ходил на Инкубаториум, — мрачным голосом ответил Рой.

— Так сегодня же воскресенье! Рой, ты вчера перекупался. Ты, случаем, не болен?

Рой пожал плечами.

— Вот и я о том же, — с упреком заметил Джордж. Поскольку он был старшим из собирателей, он часто ассоциировал себя с отцом или старшим братом детишек. Как известно, в собиратели идут с шестилетнего возраста.

— А ты куда? — ни с того ни с сего спросил Рой. — В воскресенье в такую-то погоду я бы сидел дома...

— Вот и сидел бы; кто тебе мешал? — Джордж улыбнулся. Капли дождя с силой лупили его по голове и спине. — А я в министерство собрался, меня вызвали. Похоже, что переведут меня из собирателей в какой-нибудь другой класс. Буду, например, машины смерти на заводе клепать или кукурузу сеять.

Министерство... Рой лихорадочно пытался думать, что получалось сегодня очень плохо. Единственный выход, который он нашел, — попроситься поехать вместе с Джорджем. К удивлению, тот не стал протестовать. Специально для поездки (министерство находилось на другом конце города) ему выделили джип с бионическим сердцем вместо двигателя. Что ж, «злые» Учителя частично внедряли новые технологии в быт людей.

Дороги моментально заросли грязью. Она летела во все стороны, шарахаясь от колес джипа, как от давних врагов. Джордж весело смеялся, когда машину заносило на крутых поворотах, а вот Рой сидел тихо, грустно просматривая уплывающий за окном пейзаж. Выполнив задание, он умрет. А если не умрет, то попадет в тюрьму и лишится свободы. Что лучше? Раньше Рой с радостью предпочел бы смерть, но сейчас смерть для него становилась все более и более отталкивающей.

Рой проникся жизнью. Ведь если он умрет, то уже не сможет добывать ноэлий или ловить раков. Он уже не сможет совершать утренние пробежки, наслаждаясь свежестью новорожденного дня. Он вообще уже ничего не сможет — его просто не станет.

Разве это не грустно?

Джип подъехал к воротам министерства. Несколько охранников проверили удостоверения личности, и друзья вошли в громадное здание. Джордж сказал Рою, что тот может ждать его в вестибюле, пока он узнает, зачем его вызвали. Некоторое время Рой действительно сидел внизу, возле гардероба. Его мучили неоправданные страхи. Например, абсурдный страх смерти. Ну разве можно бояться того, ради чего ты живешь?

Собравшись, наконец, с духом, Рой поднялся со скамейки и потащился искать шестой кабинет. На первом этаже, а также на всех подвальных этажах (если судить по плану) такого кабинета не было. Рой поднялся наверх, в переполненные людьми коридоры. Все кого-то или чего-то ждали. Где-то среди них был и Джордж. Но Рой не стал искать друга, а вместо этого пошел вдоль стены.

Попадались двери с номерами «15», «14», «13», затем (там была развилка налево) сразу «8», «7», еще раз «7», и еще раз «7», затем «5»...

Рой выругался. Ну, где же может быть шестой кабинет? Правильно — там, где живут Учителя. Как это ни банально, Рой поднялся на этаж выше, где находилось отделение образования. Теперь следовало найти комнату с надписью «Учительская». Глупо, конечно, но почему бы не попробовать осмотреть и ее?

Как оказалось, такая комната существовала. И даже дверь была не заперта. Под табличкой «Учительская» висела другая табличка с надписью на иностранном языке. Рой не знал иностранных языков, зато он отлично знал, как выглядит цифра шесть.

Тяжело вздохнув, он потрогал лежащий в кармане шар-бомбу и открыл дверь. Комната оказалась чрезмерно большой (возможно, здесь действительно был вход в какое-то иное измерение, на что намекал «Друг») и вопреки надеждам Роя была не пуста.

— Положи бомбу, Рой, — сказал человек в скафандре. — Не делай глупостей.

В комнате их было около десяти. Люди в ярко-белых скафандрах с черными масками вместо лиц. Нет, это не люди. Уж слишком они высоки и непропорциональны. И движения у них какие-то больно резкие...

— Положи бомбу на пол, Рой, и подними руки вверх, — скомандовал противник (уже не было сомнений в том, что это не друг).

— Делай, как он приказал, — подхватил тенденцию второй. — Если ты сделаешь все правильно, то мы уьем тебя прямо здесь, на месте. Ты же хочешь смерти, не так ли?

— Не ради нее ты живешь?

В любой другой день эти предложения заставили бы сердце Роя биться чаще, но сегодня было какое-то необычное воскресенье. Нет, сердце у него стучало так, как и врагу не пожелаешь, — оно едва держалась в грудной клетке и ежесекундно пыталось вырваться наружу через глотку. Но не от радости стучало оно, а от страха.

«Рой! Держи себя в руках! Неужели ты до сих пор веришь в Учителей?» Этот вопрос «Друга» прочно застрял в сознании парня. Верил ли он в Учителей? Еще вчера — верил. Утром — верил, но уже с сомнением. А сейчас? Нет, сейчас он хотел только одного — жить.

— Дайте мне пять секунд, — попросил Рой, медленно доставая из кармана бомбу.

Он не знал, что с ней надо делать. «Положить возле машины и тихонько смыться», — говорил «Друг». Но Рой не видел здесь никакой машины.

«Может, комната и есть машина? — подумал он. — Или эти люди-роботы в скафандрах — это она?» Как бы то ни было, Рой сделал резкое движение и бросил серебряный шар во врагов. В следующую секунду он метнулся назад (к счастью, он все еще стоял в дверях, а не внутри комнаты).

Рой бежал так, как никогда раньше не бежал. Он сшиб секретаршу, и та уронила какие-то документы. Он задел пожилого человека, жизнь которого и без того была лишена смерти. Он несся так, как если бы за ним гнались полчища кровожадных драконов-убийц.

Наконец, Рой оказался возле ворот министерства, под проливным дождем. Охрана ничего ему не сказала. Выйдя за ворота, Рой сел в джип, абсолютно не зная, что делать дальше. Похоже, что бомба не взорвалась и вся его миссия пошла насмарку. А если его поймают, то теперь-то ему точно несдобровать. Его либо казнят, либо посадят. А он только только начал восхищаться прелестью жизни...

— Поздравляю с успехом, Рой, — прохрипел кто-то рядом. От неожиданности Рой аж подпрыгнул. Это был «Друг» — симпатичный зверек полулежал на соседнем сиденье. — Ты сделал все как надо.

— Как... как надо? — с видом дебила переспросил Рой.

— Рой, не надо казаться глупее, чем ты есть на самом деле, — заметил «Друг». Его розовая шерсть и пушистый хвост никак не сочетались с грубым голосом и резкими интонациями. — Надеюсь, теперь ты стал умнее?

Рой опустил голову. Он знал, что это невежливо, но он должен был это сказать:

— Да, но... прости, я отказываюсь от награды. Я не хочу умирать.

Последние три слова «не хочу умирать» он произнес шепотом, почти одними губами. Но «Друг» его понял.

— Вот это я называю словами умного человека! Молодец, Рой, так держать!

После секундной паузы розовое существо спросило:

— Кстати, тебя не интересует, почему ты перестал походить на других и больше не желаешь собственной смерти?

— Наверное... наверное, это все от близости бомбы?

«Друг» рассмеялся.

— Нет, неверно. Это мой тебе подарок. Помнишь удар током? Так вот, этот электрошок, по-

добно кардиостимулятору, вернул тебе любовь к жизни. Скоро все люди прозреют, и на Земле снова наступит эпоха Жизни. И все благодаря тебе, Рой.

Тучи рассеялись, но не до конца. Выглянуло умытое солнце, освещающая капельки-сосульки, примостившиеся на листьях и ветках. Зажглась радуга. Вновь появились яркие цвета.

— Мои сородичи прогонят ваших экс-Учителей с этой планеты. Не стоит им больше питаться чужими душами...

Рой посмотрел в окно. Из дверей министерства выходил Джордж, держа в руках какую-то зеленую папку.

— Кто ты такой? — спросил Рой «Друга». — Сдается мне, ты не тот, за кого себя выдаешь.

Это был еще один умный вопрос, чрезвычайно понравившийся зверьку.

— Ты в жизнь после смерти веришь? — спросил он. — Нет? Зря. Но у тебя еще будет время поверить в ее существование. Потому что такие, как я, — пришельцы с того света.

Фраза показалась Рою жутко наивной.

— Не смейся, — возразил «Друг». — Древние называли бы нас ангелами, а место, где мы живем, — раем. Конечно, это не совсем так, но объяснять, как это на самом деле устроено, очень долго.

Джордж уже выходил за ворота и направлялся к джипу. «Друг» заторопился:

— А ваши Учителя, соответственно древним религиям, — бесы или демоны. Ну, ты понимаешь, это все условно. Так вот, они не пускали вас в Тот мир. Умирая в машине смерти, вы не попадали в «рай». И даже в «ад» не попадали. Вы просто на время исчезали, растворяясь в их желудках... к счастью, это время прошло. А нам, на том свете, стало скучно без новых людей, да и нельзя же позволить этим Учителям править вечно... ну все, мне пора, увидимся!

Раздался громкий хлопок, и «Друг» исчез. В ту же секунду в джип залез Джордж.

— Меня распределили на работу в министерстве, Рой! А этот джип мне подарили на время работы. Он теперь мой, личный! Представляешь?

— О-го-го! — воскликнул Рой. — Вот это жизнь. Кстати, если будешь вспоминать о смерти, говори вполголоса, — попросил он.

— Почему?

— А, долго объяснять, — махнул рукой Рой. — Скоро ты сам это почувствуешь.

Сердце-мотор забило чаще, колеса раскидали гравий и грязь в стороны, и джип рванул в направлении дома. Радуга на небе засияла в полную силу.

Сегодня было удивительное Воскресенье. Не просто выходной день, каких бывает пятьдесят две штуки в году, а самый настоящий праздник. Праздник Воскресения, или Воскрешения.

Можно сказать, это был второй день рождения человечества. День, когда оно исправило еще одну «ошибку природы». Которую та и не совершала никогда.

Алексей КОРЮКОВ

Быньговские чудики

Большое старинное село Быньги, что в шести километрах от Невьянска, это родина моих родителей, дедов, прадедов.

Раскинувшись на восточном склоне Уральского хребта, в месте слияния небольших речек Ближней и Дальней Быньги и реки Нейвы, оно всегда поражало приезжих своими широкими просторными улицами, разнообразием маленьких избышек и больших пятистенных домов, с кержацкими крытыми дворами, куполами церквей и часовен. А что говорить об окрестностях! Синеющие вдаль древние горы, в том числе самая высокая в этом краю Ежовая, а также Лебяжка, Высокая, Трошина гора, смолистые сосновые леса нарядные березовые рощи, луга и опушки с множеством пахучих трав и лесных цветов, где в годы моего детства было много зверей и птиц. Три пруда, разрезы, мелкие озерки, речки и ручьи, поросшие ивняком и ольхой, смородиной и дикой черемухой, шиповником и жимолостью, придают окрестностям живописный и праздничный вид.

На улицах села много тополей, берез, черемухи, сирени и рябины. И это не чахлые, подстриженные городские уродцы, а настоящие, развесистые, здоровые деревья, живущие на своей земле. Они украшают не только фасады изб, но и улицы, переулки и пустыри, делая их зелеными и нарядными. Особенно все это радует весной, когда цветут душистые черемуха и сирень. Необыкновенный аромат плавает в чистом, теплом воздухе, так что дышать легко и приятно. А из старого пруда, что в центре села, звонко и весело бежит речка Быньга.

Слово Быньга произошло от мансийского Елбынг-я, что в переводе на русский обозначает Святая река. Меня с детства занимало, почему село не назвали Быньга, или Быньговское, или, как железнодорожный разъезд, — Быньговский, что звучит более по-русски. Но село назвали так, потому что в этом месте сбегались две Быньги: Ближняя и Дальняя, — и название дали в честь двух речек. И лишь после их слияния, около старого пруда, бежит одна речка Быньга, которой я посвятил эти строки:

Речка детства моего,
Перекаты, плесы,

Льются в травах
День-деньской
Голубые косы.
Струи светлые твои
В перекатах звонки,
Песни иволги слышны
На ракидах тонких.
Ты торопишься, спешишь
Вдаль к сибирским рекам
И без усталости бежишь
Так же век за веком.

С востока сплошной стеной соснового бора стоит Таволожская поскотина, где родится много черники и душистой земляники. Южнее идет старая Песковская дорога через речку Таволгу прямо до Лешакова стана. Раньше там были колхозные покосы, где я, будучи подростком, работал на сенокосе в составе бригады. Леса там глухие, однообразные, поэтому грибники и охотники часто блуждали в эти места.

На северо-западе из села выходят три дороги — Малехоновская, Режевская и Кислянская. В годы моего детства лес подступал прямо к селу, и нередко сюда заходили волки. Однажды они забрались в колхозную овчарню и зарезали десятка два овец.

Зимними ночами волки заходили на улицы, ловили собак во дворах и съедали на месте. Женщины и дети боялись выходить на улицу в темное время суток. Мои односельчане чувствовали себя жителями таежной глубинки.

Официально Быньги возникли в 1718 году. Мне думается, что это дата основания Быньговского завода, заложенного Акинфием Демидовым. На голом месте редко закладывали заводы, так как для строительства и для работы в цехах нужны были рабочие руки. Значит жили там люди, может, несколько домов стояло, а может, и целая деревенька. Я не раз слышал от стариков, что Быньги начались раньше Невьянска, основанием которого считают 1701 год.

Русские люди пришли в эти глухие места после Великого раскола, затеянного царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном в 1656 году. Наиболее крепко верующие люди не захотели менять свои древние обряды, священные книги, двуперстное знамение на трехперстное. Начались репрессии со стороны государства и церкви. Доходило до того, что старообрядцам рубили пальцы, резали языки, сжигали наиболее упорных в деревянных срубках. Люди бежали на север, за Ка-

менный пояс, в сибирскую тайгу, где постепенно оседали, строили скиты, небольшие деревеньки, ставили деревянные часовенки и продолжали молиться так, как молились их предки.

Расскажу о наших сельчанах. В народе их называют чудиками. Один из них Макар Екимович Пузанов. Он жил за рекой, один в большом пятистенном доме. Его старший брат пропал без вести в Первую мировую, и Макар надеялся, что он когда-нибудь вернется. Жил он своеобразно, не как другие, спал в русской печи, одежду менял редко, картошку на огороде убирал глубокой осенью, когда уже летели белые мухи, налоги не платил. «Зачем мне ваши дороги и мосты? — говорил он уполномоченным. — Если мне надо будет сходить к сестре в Таволги, то я и тропинкой, через Ельховочку, пройду». Голосовать на выборах он приходил на участок ровно за пять минут до закрытия. Если кто-то из комиссии возмущался, отвечал, что еще есть время в его распоряжении, и он успеет опустить бюллетень до закрытия участка, и показывал на часы. Одним словом, махнули на него рукой: дуракам, мол, закон не писан!

Я много раз бывал у него в доме, носил точить пилу или сепаратор починить, он никогда не отказывал и денег не просил — кто сколько даст, то и хорошо. Однажды, будучи студентом, я принес ему в починку свое старинное бельгийское ружье. Макар долго осматривал его своим пытливым острым взглядом (очки он не носил, несмотря на солидный возраст), затем переломил, посмотрел в стволы, почесал свою черную спутанную бороду, подумал, что-то промышал про себя и сразу же взялся за дело. Аккуратно зажал стволы в тисы, подложив медные загубники, взял деревянную выколотку, наставил куда надо и стукнул пару раз небольшой кувалдочкой. Затем снова собрал ружье, попробовал — люфта не стало. Так же быстро он сделал пружинку для бойка, заменил старую, подтянул ослабившиеся винты — и ружье было готово.

Я заплатил ему пять рублей, достал бутылку водки, кусок испеченного матерью пирога с рыбой, и мы хорошо посидели в его натопленной кухне. В остальной части дома было холодно.

Мы говорили с ним на разные темы: от Крымской войны до настоящего времени. Оказалось, человек он довольно информированный, хотя у него в доме не было ни радио, ни телевизора. Раньше он работал в школе учителем по труду. Он интересовался моей учебой в институте, спра-

шивал, как принимаются законы. В этот момент он, несмотря на неухоженность, совсем не походил на того чудака, каким его считали люди, не знавшие и половины того, что знал этот мудрый старик.

— А где вы учились металлическому делу? — спросил я его в конце беседы.

— А все от отца, от брата, от других добрых людей. Многое и сам постиг, опытом, когда работал в кузнице и в мастерской.

Затем он показал мне свои инструменты, разные приспособления и механизмы. Все находилось в хорошем состоянии. Я понял, почему он может исправить швейную машину, сепаратор и любое иностранное ружье, не говоря уж о разной другой мелкой работе.

Когда спросил его, почему он никого не учит своему мастерству и не передает свои знания, он грустно усмехнулся и ответил как-то уклончиво и торопливо:

— Меня выбросили, как собаку под забор. Жизнь не получилась, так что живу, как и не живу вовсе. Вот все жду, может, брат с германской вернется. Этот дом его по наследству, а не мой, я только его содержу и охраняю.

И снова Макар Екимович предстал передо мной опустившимся стариком, упорно не признающим ход истории и невозвратность времени...

Через некоторое время после нашей встречи Макар заболел и умер, быстро и незаметно, так и не оставив никому секретов своего мастерства.

Другой чудик и умелец жил недалеко от нашего дома в маленькой избушке, которую срубил своими руками и сладил в ней печь из песка и глины, без единого кирпича. Звали его Ваня Овсянкин. Вечно непричесанный, близорукий, очков не носил, образования не имел, но умел, казалось, все. Работал он в колхозе на любых работах, но чаще всего пастухом свиной. «Хрюшек пасти легко, — говорил он. — Это не телята и не лошади, далеко не уйдут. Заберутся в свое болото и роются там целый день».

Не знаю, у кого он научился радиотехнике, но до того, как в колхозе появился первый радиоприемник, он сделал свой детекторный приемник, при этом все катушки намотал вручную. В Невьянске он купил лишь наушники, остальное сделал сам, и в его избушке, даже когда отключали электричество, можно было послушать радио. Он был и хорошим печником. Худенький, с вечно доброй улыбкой на лице, безотказный на любые просьбы

соседей. Помню, однажды, по просьбе моей матери, он надел какой-то старый зипун, забрался в нашу русскую печь и за пару часов переложил выгоревший под и все сделал так толково и чисто, что мать нарадоваться не могла. Она отблагодарила его ведром картошки и чем-то из отцовской одежды, так как Ивану носить всегда было нечего, в колхозе денег в то время не платили, и купить что-либо на себя было сложно.

У Ивана был хороший музыкальный слух. Он замечательно играл на гармошке, на балалайке и мандолине. Он рассказывал, как однажды в Невьянске, зимой, зашел погреться в Дом культуры. Увидев в зале раскрытый рояль, не удержался и попробовал играть. Постепенно нашел нужные клавиши, увлекся и заиграл «Коробейники». К нему подошел мужчина в костюме, послушал его игру и спрашивает: «Вы учились музыке или учитесь?». Иван смутился и отвечает: «Нет, я первый раз вижу такой инструмент. Играю на гармонии и балалайке по слуху, что у других услышу». Мужчина предложил ему вечерами учиться в музыкальном кружке, но он отказался, так как работал допоздна и не мог часто ездить в город.

Иван сам мастерил балалайки, шестиструнные и трехструнные, настраивал на мужские и женские голоса. Играл он тоже виртуозно, мог играть на балалайке, держа ее за спину, вращая вокруг тела или постукивая кончиками пальцев по корпусу инструмента в такт музыке.

Вместе с братом Павлом он из разного хлама собрал мотоцикл, на котором они катались по селу и катали ребят. Кстати, я тоже научился ездить на их самодельном «козлике». Ивану я впоследствии посвятил свое стихотворение.

Возьми-ка, Иван, чародейку трехструнную,
Сыграй что-нибудь для души.

Пусть песни народные в ночь эту лунную
Согреют нас в сельской глуши.

В избушке твоей так уютно и тихо,
Лишь вьюга скорбит за стеной.

Так пусть нас покинут заботы и лихо
Под звон балалайки родной!

Очень жаль, что я не успел прочитать ему эти строки! Он тоже рано ушел из жизни, не успев проявить все свои таланты. И сколько еще таких нераскрытых умельцев и гениев в сельских глубинках?!

Были у нас в Быньгах и другие мастера: часовщик Илья Маркин, способный починить любые часы, механические игрушки и механизмы; фото-

граф Корепанов, фотографии которого хранятся в каждом доме. При этом он делал свое дело с таким достоинством, словно выполнял важную государственную миссию. Он рассказывал народ минут двадцать, прежде чем совершить свое таинство — запечатлеть всех на снимке на долгие времена. Благодаря ему, мы до сих пор можем видеть лица своих родных и друзей, многих из которых давно уже нет на этом свете.

Возможно, мастера появились у нас с момента построения в селе демидовского завода. Когда-то он снабжал всю Россию косами высокого качества из отличной ковкой стали. После того, как Невьянск перестал плавить металл, закрылся и Быньговский завод. На его месте возникла промышленная артель, где ковали красивые добротные сундуки и мастерили другие поделки, изготавливали замки и всевозможные вещи из металла. В шестидесятые годы прошедшего века промартель преобразовали в мебельную фабрику.

В пятидесятые годы за селом, на горе, по старой Осиновской дороге построили шахту для добычи золота. Во все времена в Быньгах было много старателей. Кто мыл золото кустарным способом, в одиночку или всей семьей, другие создавали артели и добывали золото шахтовым способом. Вокруг села было много шахт и выработок, которые и сейчас можно обнаружить в разных местах. Золота было много, старики говаривали, что самородки попадались даже при рытье погребов, подвалов и колодцев. Найдут богатую жилу или россыпь и начинают придумывать страшилки, чтобы отпугнуть других от этого места. Так мне однажды рассказал один старик, бывший старатель: «Сижу однажды в забое, передохнуть решил, смотрю, а ко мне белый козленок бежит и страшно так в глаза мне смотрит и говорит загробным голосом: «Что роешь, Ипат? Могилу себе выробишь. Иди домой — сын у тебя умирает!» Прибегаю, а ведь верно, сын под борону попал, сильно поранился, но выжил. Вот оно как бывает!».

И верили люди, да и сами рассказчики постепенно начинали верить своим же выдумкам, но золоту не попускались. И в настоящее время у села моет золото гидравлическим способом старательская артель. Жаль только, что вырубил старый лес, а нового еще не посадили, чем обезобразили природный ландшафт.

А шахту в период перестройки затопили совсем, мол, нерентабельной стала. А в ней еще столько богатства осталось!

Необычный военный совет

Особое место в работе ветеранских организаций области занимает период подготовки празднования 50-летия победы над фашистской Германией и строительство памятника Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову. Подготовка началась задолго до юбилейного праздника, в условиях развала СССР, когда промышленность и сельское хозяйство страны захватила безработица, процветала наркомания, пьянство и проституция. Развалив промышленность и сельское хозяйство, новоустроители взялись за разрушение армии.

Ветераны Великой Отечественной войны и труженики фронтового тыла много делали для противодействия этим попыткам и создали в октябре 1992 года «Фонд Г.К. Жукова». Задачей его мы ставили прежде всего объединение всех прогрессивных сил общества на защиту армии, ее авторитета, защиту доброго имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова и создание ему памятника в городе Екатеринбурге. Председателем «Фонда Г.К. Жукова» все эти годы посчастливилось быть мне.

После долгих усилий нам удалось добиться того, что 15 июля 1993 года было издано Постановление Главы администрации г. Екатеринбурга за № 369 «Об установке памятника Маршалу Г.К. Жукову в городе Екатеринбурге».

На почти четырехлетнем нелегком пути создания памятника возникало множество проблем, которые нужно было решать. Об одной из них я и хочу рассказать.

Речь шла о выборе варианта модели памятника и места его установки. Первоначально считалось, что наиболее подходящее место для памятника — площадь Советской Армии. Но она уже ранее была отдана под строительство комплекса «Черный тюльпан». Администрация города предложила нам три других места: на плотинке по улице Ленина, в конце этой улицы Ленина, перед площадью УПИ. Два эти варианта Фондом Г.К. Жукова были забракованы как не отвечающие требованиям для установки столь величественного монумента.

Было принято третье — у здания штаба Уральского военного округа. Для этого необходимо было согласие командующего войсками округа. Я переговорил с командующим. Генерал-полковник Юрий Павлович Греков назначил заседание Военного совета округа на 5 января 1994 года.

Как было условлено, в приемной командую-

Памятник Маршалу Г.К. Жукову. Архив УС

щего была развернута выставка всех семи моделей памятника, которые по заказу Фонда изготовил скульптор. Три варианта представляли одиночно стоящие фигуры полководца и четыре — скульптуры с всадником на коне.

Кроме представителя Фонда, к назначенному времени в приемную прибыли: глава администрации города Екатеринбурга А.М. Чернецкий со своими помощниками, члены Градостроительного совета, авторская группа в составе скульптора К.В. Грюнберга, главного архитектора города Г.И. Белянкина и главного художника города С.А. Гладких, председатель областного комитета ветеранов войны полковник А.И. Малюшин.

Зайдя в кабинет к командующему, я доложил о готовности. Командующий дал распоряжение секретарю Военного совета собрать всех членов Военного совета у входа в приемную, но просить их заходить только по приглашению.

Внимательно осмотрев все модели памятника, особенно конные статуи, и уточнив некоторые вопросы у скульптора и у меня, командующий, указав на одну из конных статуй, сказал: «Я считаю, что делать необходимо этот вариант». Заранее скажу, что именно этот вариант уже был одобрен и правлением Фонда, и Градостроительным советом.

После того как по одному были приглашены все члены Военного совета, к немалому удивлению присутствующих, они, не сговариваясь, выбрали ту же модель, что и командующий.

Обратившись к главе города, командующий сказал: «Аркадий Михайлович! Как видите, все члены Военного совета независимо друг от друга выбрали одну и ту же конную скульптуру памятника Маршалу Победы. Поэтому Военный совет считает, что эту скульптуру и следует устанавливать у здания штаба Уральского военного округа».

Неожиданно для всех Аркадий Михайлович, подойдя к варианту конной скульптуры, где Г.К. Жуков был изображен в былинном варианте, настойчиво сказал: «Я предлагаю установить у штаба округа этот былинный вариант, который наиболее отражает характер полководца». Завязался активный разговор, в котором приняли участие все присутствующие. Он был предметный и долгий. Аркадий Михайлович был тверд в своем выборе.

И тогда командующий сказал: «Округом командовал не былинный персонаж, не Алеша Попович, а гениальный полководец, внесший огромный вклад в нашу победу! Мы, воины, которыми командовал Маршал Победы, намерены установить у штаба нами выбранный вариант памятника прославленному полководцу. Только при этом условии округ окажет всемерную помощь в строительстве. Военные проектировщики будут безвозмездно делать все проектные работы, военные строители также будут работать безвозмездно генеральным подрядчиком по строительству памятника. Участвовать в строительстве былинного варианта памятника округ не будет. Такой вариант строите без нас, где угодно, но только не у здания штаба округа».

Повременив, Аркадий Михайлович согласился поддержать решение Военного совета округа.

До памятного дня, когда в торжественной обстановке был открыт величественный памятник Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову, было еще около полутора лет, еще было много преград на пути его строительства. Но благодаря усилиям руководства областной ветеранской организации, всенародной поддержке населения Уральского региона поставленная задача была выполнена в срок.

8 мая 1995 года Маршал Советского Союза Г.К. Жуков на века остановил своего коня у здания штаба Уральского военного округа!

По этому поводу приведу выдержку из стихотворения, написанного ветераном:

На века всем недругам в науку
Вновь о той напомнил нам весне
Из седла привставший Маршал Жуков
Средь Урала на лихом коне!

ГАБЛИЦЕЛЬ

(См. Кушелева)

ГАБРИЛОВИЧ Ольга Евгеньевна

Магистр фармакологии, оконч. курс в 1906. Венгеров. Источ.

ГАВРИЛОВА Елена, переводчица

Пансионерка, воспит. общ. благород. девиц. Пер. «Дань памяти императрицы Марии: Слово гр. С.С. Уварова» (СПб., 1866).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГАВРИЛОВА О.И., автор воспоминаний

Бывш. ученица частной женской гимназии в Москве. «Воспоминания бывших учениц». — В кн. «Памяти Ольги Афиногеновны Виноградской». М., 1916. С. 113-119 («Светлой памяти наставницы и друга»).

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 2. № 4390 .

ГАГАРИНА Александра Николаевна

О ней: Филиппович Л. Секретный агент Сибирская. — «Ур. рабочий», 2000, 26 февраля.

ГАГАРИНА Е.

«Воспоминания о Крыме». М., 1881. — Кн. Е. Г-на. См: «Ист. вестн.», 1884. № 5. С. 459.

ГАГАРИНА Мария Александровна (урожд. Струдза), детская писательница 1840-х гг.

Сотр. в «Звездочке» (1849). Масанов.

ГАГЕН-ТОРН Нина Ивановна, этнограф, литератор

Из высококультурной семьи. В их доме бывал А. Блок. Написала пов. о детстве «Лебединая стая», а также «Колымский женский лагерь с точки зрения этнографа». См. Адамова-Слиозберг О. «Путь» в сб. «Доднесь тяготее». Вып. 1. М., 1989. С. 77.

ГАГИНА Анастасия Михайловна

(См. Кармалина А.М.)

ГАГИНА Зинаида Михайловна (псевд. Петрова Н.Б.), педагог

Авт. «Из дневника народной учительницы». М., 1915. Масанов.

ГАДАСКИНА Е.

Пер. с франц. рассказ А. Франса «Каким путем?». — «Образование», 1915. № 10.

(Продолжение в следующем номере)

Владимир ДИТЯТЕВ

Призвание

В купе вагона, в дремоте дорожной
 Возникнет вдруг досужий разговор,
 И от вопросов, заданных в упор,
 Порою уклониться невозможно...
 «А чем Вы занимаетесь, простите?» —
 «Я — врач» — «Ах вот как!» В плотный оборот
 Тебя попутчик тотчас же возьмет,
 Ища открытий для своих наитий.
 И зазвучат вопросы и ответы...
 Как будто нам все ведомы ключи!
 Но часто дольше не живут врачи,
 Чем те, кому мы раздаем советы.
 Мы умножаем пациентов паству,
 И нам на это времени не жаль.
 Но в знаниях многих — многая печаль,
 Как сказано еще Экклезиастом.
 Ну что нас там, где выбор существует
 Иных путей, толкает стать врачом,
 Когда одно лишь знание «что почем»
 Везде победоносно торжествует?
 Соблазн всеведенья? Миссионерства свет?
 Иль к тайнам запредельным приобщенье?
 Отчасти — да. Но главное — служенье
 Тому, чего, увы, дороже нет.
 Среди скорбей, стонаний и проклятий
 Мы призваны, чтоб чудо сотворить
 Лекарством, скальпелем, умением говорить,
 Что изначально означало «врати»...
 ...Сгустилась ночь. В неверном лунном свете
 Сверкнул звезды падучей след горяч.
 Так в ауре больных сгорает врач.
 И этот подвиг тих и незаметен...

О, дай мне, Бог!..

*Не дай мне бог сойти с ума!
 Нет, легче посох и сума...
 А. С. Пушкин*

О, дай мне, Бог, сойти с ума!
 Тогда и посох, и сума
 Мне будут скипетр и держава.

Владимир Дитятев — врач, доктор медицинских наук, профессор УГМА. Выпустил в свет два авторских сборника стихов, публиковался в коллективных сборниках и многотиражных газетах. Дважды участвовал в Поэтическом марафоне (2005, 2006 гг.).

Все царство понесу с собой,
 Ни с кем не ввязываясь в бой
 Во имя денег, власти, славы...
 О, дай мне, Бог, сойти с ума
 Пред тем, когда глухая тьма
 Меня от жизни отгородит.
 Тогда свой страх небытия
 Уже не осознаю я,
 С улыбкой растворясь в Природе.
 Дай мне, Господь, в безумье власть
 И ощутить земную власть
 Лесов тенистого полога,
 И мир полей, небес и рек,
 Где я — всего лишь человек,
 Воспеть с неистовством Ван Гога.
 Дай мне, Господь, с ума сойти,
 Все бросить и за Ней пойти,
 За той, чье имя — Незнакомка,
 Найти прекрасные слова
 И новым именем назвать
 Ее торжественно и громко.
 Но правит мною трезвый ум.
 И я — в плену холодных дум,
 Где жизнь и смерть неразделимы.
 В тенетах жалкой суеты
 Я глух к веленьям Красоты,
 И женщина проходит мимо...
 Пока, о Боже, я — в пути,
 Мне помощи с ума сойти!
 Когда ж для всех я стану лишний,
 Найди меня в слепой ночи
 И... просто сердце отключи.
 Благодарю тебя, Всевышний!

Женщине бальзаковского возраста

На распутье дорог и тревог,
 На любом возрастном рубеже
 Подбиваем невольно итог
 По балансу «еще» и «уже»...
 Ты давно — не девчонка уже,
 Но еще, боже, как хороша!
 На житейском лихом вираже
 Молодеет шальная душа.
 Уже многое вроде нельзя
 Возродить, пережить, повторить.
 Но еще остаются друзья
 И желанье себя им дарить.
 Уже опыт советы дает,
 От ошибок стремясь уберечь,

Но страстей неожиданный взлет
Еще может им пренебречь.
Дай же бог тебе жить, не тужить
На любом возрастном рубеже
И в баланс гармоничный сложить
Все, что будет еще и уже.

Какой мы видим Женщину, когда
Ее порой вблизи не замечаем?
Прекрасной, как полночная звезда
Над опустевшим горизонта краем...
Какой мы слышим Женщину, когда
Себя лишь одного мы только слышим?
Журчащей, словно талая вода
Ручья лесного, водостока крыши...
Какой мы жаждем Женщины себе,
Когда нам над другими власти мало?
Чтобы она, покорная судьбе,
Нам с восхищеньем трепетным внимала...
Не слишком ли мы многого хотим,
В страстях своих извечных сатанея?
Нет, не скрывает фимиама дым,
Что в Ней себя мы любим и лелеем!
А Женщина средь всех земных дорог
Превыше нашей примитивной воли.
Ее душою правит только Бог,
И более никто над Ней не волен...
О, Господи! Дай силы нам прозреть,
Пока мы не пропали без надежды,
И осознать, что вся земная твердь —
В Ее руках, целительных и нежных...

Графика Судьбы

Художнику Игорю Ильичеву

Живопись вроде бы — в большей чести.
Графика смотрится Золушкой бедной
Или же схемой, таинственной, бледной,
Что лишь готовится плоть обрести
И расцвести красотой победной.
Живопись жирная, лаком блестя,
Смотрит кичливо из глубли багета.
Графика в скромную рамку одета,
Но, как пленительный танец Одетты,
Линия вьется и рвется с листа.
Вспомним: в какой-то неведомой эре
Древний наш пращур отбросил копье,
Чтобы в задымленной темной пещере
Запечатлеть восхищенье свое
Грацией им не убитого зверя.
Искус искусства начался с письма.
«Графо — пишу», — говорили эллины...
Хаосом свыше начертанных линий
В графике наших ладоней донныне
Словно Судьба проступает сама.

Видишь: давно облетела листва.
Снег величаво ложится на крыши...
Только лишь графика кроны жива.
Только лишь графика памятью дышит.
Что бы тебе ни сулила молва,
Верь лишь тому, что начертано свыше!

Зимняя элегия

Какой сегодня карнавальнй снег!
Как он хрустит крахмалисто и гулко!
И мнится мне: твой серебристый смех
Рассыпан по ветвям и переулкам,
В которых мы бродили наугад
Еще тогда, когда сияла осень,
Торжественно кружился листопад,
Собою затмевая неба просинь.
С тобою мы бродили, как во сне,
Ища пока неясным чувствам выход,
И так же, как сейчас ложится снег,
Листва на землю опускалась тихо...
Ложится снег как символ чистоты,
Которую теряем мы с годами,
На шапки, плечи, улицы, мосты,
На все, что было и что будет с нами.
Он ничего не может сокрушить,
Лишь тихо тает на твоих ресницах.
Ложится снег как легкий сон души,
В котором лишь хорошее приснится.
Ложится снег. Он светел и пушист.
Нисходит он благословеньем свыше.
Ложится снег как белый чистый лист,
В котором мы все заново напишем...

Какой сегодня карнавальнй снег...

Рис. Я. Ахметшиной

GPS plus

представляет

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":

Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78

Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39

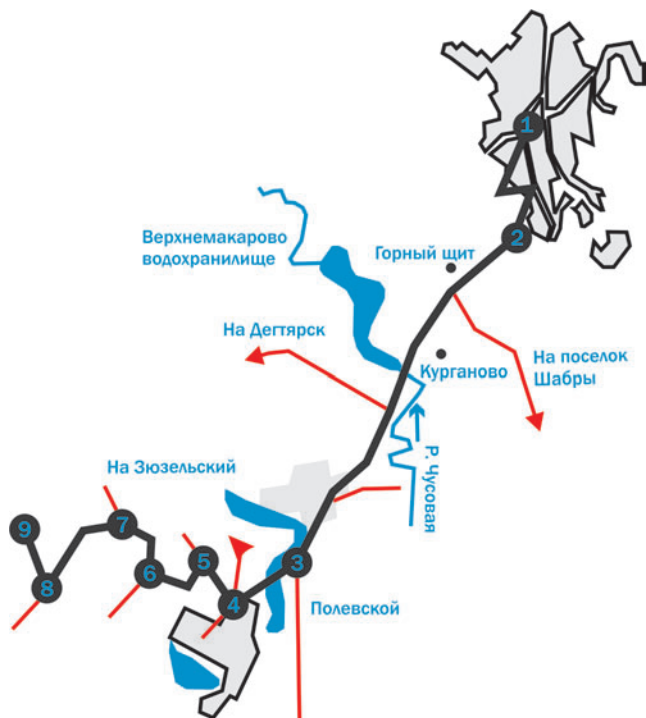
Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46

Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-98

Уфа, ул. Р.Зопре, 9/3, тел.: (347) 277-79-32

www.gpsplus.ru

№	точка маршрута	широта	долгота
1	Редакция «Уральского следопыта»	N56 50.144	E60 35.562
2	выезд из города	N56 44.095	E60 35.734
3	развилка	N56 27.452	E60 12.346
4	перекресток направо	N56 27.357	E60 11.126
5	перекресток налево	N56 27.886	E60 10.804
6	перекресток направо	N56 27.698	E60 10.411
7	перекресток налево	N56 28.799	E60 08.035
8	съезд на лесную дорогу	N56 28.042	E60 05.791
9	гора Азов	N56 28.242	E60 05.162

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут поездки

на Азов-гору

Шмель в цветке

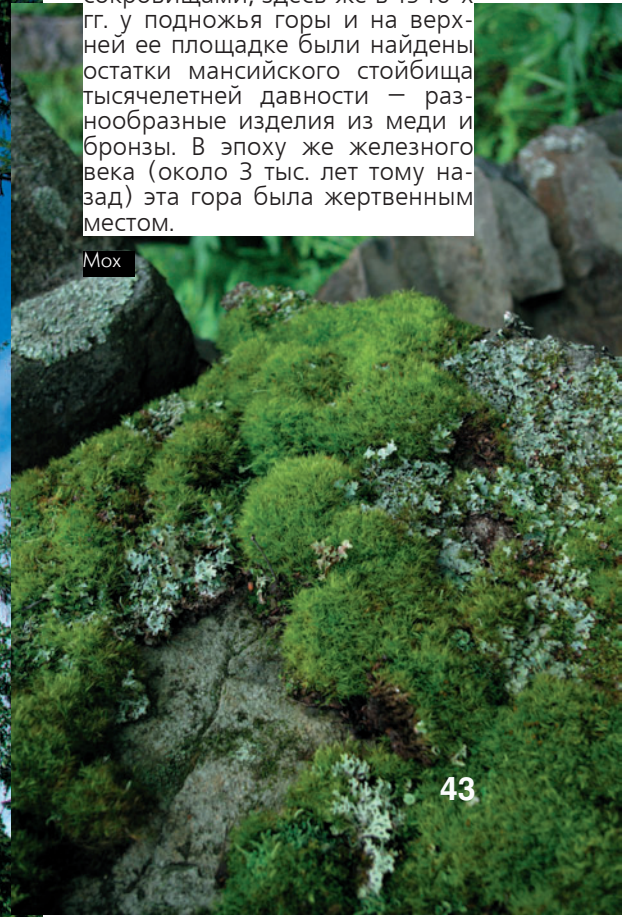
Азов-гора

Гора Азов (Ю-З от г. Екатеринбург, в 8 км от г. Полевской) — одна из вершин Ревдинского водораздельного хребта, возвышается она на 588 м над уровнем моря (а над близлежащей землей скальная часть возвышается до 25 м и более). Сложена она шаровыми лавами, пересекающимися вертикальными жилами древнейших кристаллических пород Уральского хребта — камня габбро. Не простая это гора — помимо найденных здесь пещер с сокровищами, здесь же в 1940-х гг. у подножья горы и на верхней ее площадке были найдены остатки мансийского стойбища тысячелетней давности — разнообразные изделия из меди и бронзы. В эпоху же железного века (около 3 тыс. лет тому назад) эта гора была жертвенным местом.

Лиственницы

Мох

Изумрудное взморье

Жил в урочище «Спортивный фризок» крестьянин Петр Русин. Пахал он однажды свое поле, да и сверкнула вдруг под лемехом красная искорка. Достал Петр Родионович камешек — красный, кристаллической формы. «Занятная штука», — подумал он и спрятал камешек в карман. Ведефом показал находку соседям. Долго вертели мужики в руках красивый камень. Кто-то определил, что это — малиновая шерла.

- А куда он ходитесь?

- Как - куда? На серьги, на кольца, на броши. Деньги, братец, за шерлу платили большие.

Хлынули в «Спортивный фризок» искатели. Стал красный турмалин, иногда называемый сиберитом, известен во всем мире. Не могли с ним сравниться по красоте заморские турмалины...

Так начиналась слава уральской самоцветной полосы, что сегодня протянулась переливчатой радугой вдоль всего Каменного Пояса от речки Нейвы на севере до Ильменских гор на юге — в Челябинской области. Географическая столица самоцветов — город Реж. Имеет он и другое название — «Центр камня». В разное время добывали режевляне розовые топазы, изумруды, рубин, сапфир, горный хрусталь, яшму...

Реж — город легенд. До сих пор, например, существует поверье о подземных ходах, связывающих многие сооружения в городе; о

кладе, запрятанном в тайном подземелье у дома управителя. Но самое большое сокровище режевской земли — Природа.

Далеко несет свои воды Реж-река. Рассекая толщу пород, обнажает по склонам самоцветную яшму. Окружают город девственные леса. Чего здесь только нет: и старожилы-сосны, и юные березки... А еще кедр, ель, пихта, черемуха, рябина, калина, липа, ольха...

Такое лесное богатство вряд ли где еще встретишь. Достопримечательность города — пруд. В стародавние времена сложилось даже предание о

режевском «взморье». Раз в несколько лет пруд осушался для очистки плотины. В оставшихся лужах плескалось очень много рыбы. Ловили, кто как мог. Запасались на многие месяцы — солили целыми бочками. Не раз из-за рыбы стенка на стенку шли кочневские и заводские.

Сегодня берег Режевского пруда не простой, а «изумрудный». Потому что именно здесь — на живописном «взморье», под зеленой шапкой леса расположился оздоровительно-санаторный комплекс «Изумрудный берег».

Лечит сама природа — родная, уральская. Не без помощи людей, конечно. В «Изумрудном берегу» работают профессиональные врачи. В санатории есть возможность пройти полный курс профилактики и лечения заболеваний:

- сердечно-сосудистой системы;
- органов дыхания;
- костно-мышечной системы;
- нервной системы;
- органов чувств;
- гинекологические;
- кожи.

Вдыхать насыщенный кислородом лесной воздух, любоваться лунной дорожкой на зеркальной глади пруда... и увидеть сотни звезд, которые над мегаполисом показываются так редко. Да еще и процедуры лечебные пройти. В «Изумрудном берегу» выбор их огромен. Это и галокамера — соляная комната с эффектом морского воздуха — в комплексе с лечебными ваннами. Грязелечение, аппаратная физиотерапия, ручной и электромассаж, гирудотерапия, кислородолечение и фиточаи. Организуются поездки в областную больницу «Липовка». Находится она совсем рядом и называется «Храм здоровья». Основной лечебный фактор здесь — радоновые источники. Пациенты говорят, что одного курса лечения (10 радоновых ванн) достаточно, чтобы в течение года не вспоминать о болях в спине и суставах.

И это далеко не полный список того, что предлагает «Изумрудный берег». К слову, гордость санатория — два бассейна длиной 10 и 25 метров и банный комплекс.

Здесь созданы все условия для оздоровления детей. Можно получить значительную скидку при покупке путевки «Мать и дитя». Это отдых и лечение для двух человек: взрослого и ребенка. Причем воспользоваться ей могут не только мамы и папы, но и бабушки, и дедушки, то есть любой взрослый, кому родители доверят своего ребенка.

В «Изумрудном берегу» круглый год работает детский санаторно-оздоровительный лагерь. Без отрыва от учебы ребенок сможет полноценно отдохнуть. Ведь рядом с ним будут педагоги, воспитатели и вожатые. А путевку можно приобрести как самостоятельно, так и за счет средств Фонда социального страхования. Как это сделать, подскажут специалисты «Изумрудного берега».

Специальное предложение для очень занятых людей — тур выходного дня. Его формула — отдых + лечение. Восстановиться можно всего за пару дней. Оптимальный курс лечения для каждого индивидуально подберут врачи «Изумрудного берега».

Санаторий развивается, сдан новый корпус для корпоративных клиентов: отдельно стоящее здание в окружении леса, современный конференц-зал, комфортабельные номера: это позволит в короткие сроки выполнить корпоративную программу и в свободное время позаботиться о здоровье.

И все это — недалеко от мегаполиса. К тому же,

Режевская земля расположена в самом центре «Серебряного кольца Урала». Она и поныне хранит самоцветные уральские богатства, старинные храмы и славные памятники нашей истории. В ближайшее время «Изумрудный берег» будет одним из связующих звеньев «Серебряного кольца».

ООО «Триумф», г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 8
Тел/факс: (343) 371-98-12, 359-84-79, 8-912-262-53-10
e-mail: izumrud_bereg@mail66.ru; www.izumrud-bereg.ru
Свердловская обл., г. Реж, ул. Ленина, 118, тел. (34364) 2-24-34
Лицензия №66-01-000024 от 02.12.2004
Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и социального развития

Парадокс

Дольщик вошел в экзаменационную первым, Козырь — сразу вслед за ним. Дольщик к экзамену по разводке лохов даже не готовился. Для него, первого исполнителя на курсе, сдать разводку не составляло никакого труда. Козырю было намного сложнее. Катая во все игры высочайшим классом, нечестной игры он не признавал и лекции на кафедрах факультета шулерских приемов посещал только по необходимости.

— Привет, фартовые, — традиционной фразой поздоровался Режиссер, профессор кафедры разводки и постановки. — Как картишка, как мастишка?

— Мать пошла, да деньги кончились, — в той же традиции вернул приветствие Дольщик. — Разрешите вытянуть билетик?

— Банкуй, — Режиссер сгреб со стола экзаменационные билеты, перетасовал их, развернул веером и протянул Дольщику. — Сразу два тащи, — велел он, — второй для дружбана.

— Основные принципы разводки, — вслух прочитал содержание своего билета Дольщик. — Ну, это элементарно. Разводка зиждется на базовой аксиоме, из которой следуют основной принцип и главная теорема. Начнем с аксиомы — «Лох всегда прав». Ее мудрость и действенность...

— Ясно, ясно, — перебил экзаменатор, — давай, переходи к принципу.

— «Лоху — лучшая карта», — огласил принцип Дольщик. — Напрямую следует из базовой аксиомы. Лох постоянно должен чувствовать заботу о себе, и, таким образом...

— Хорошо, что насчет теоремы?

— «Лучший лох есть лох насосанный», — щегольнул точностью формулировки Дольщик и перешел к доказательной части: — Как говорится: «Деньги есть — товарищ Носов, денег нет — носатый хрен».

— Ну что ж, давай зачетку, — сказал Режиссер, пожимая Дольщику руку. — В тебе я не сомневался, сынок. Далеко пойдешь. Ну-с, посмотрим, чем нас порадует, э-э... Козырев, если не ошибаюсь.

— Принципы постановки, — зачитал вопрос билета Козырь и почесал в затылке. — Прежде всего, лоха надо завлечь, — вспомнил он выдержку из учебника. — Типа, м-м, «Кто хочет сладко пить и есть, того прошу напротив сесть».

— Неуверенно, — констатировал факт профессор. — Ладно, дальше банкуй.

— Завлечь, — повторил, пытаясь вспомнить дальнейшее, Козырь, — это первая часть постановки. Потом, значит, привадить. Это, как его, «лох был неплох, как семь без трех».

— Н-да, — Режиссер скривился, всем видом выражая неудовольствие. — Не из той колоды карта, фартовый. Как же так, на кафедре мастерства — лучший студент, а у нас через бубну в трефу. Как жить-то думаешь? На одном классе далеко не уедешь.

— А я считаю — уедешь, — сказал Козырь. Дольщик толкнул его локтем, но Козыря уже понесло. — Именно на классе, профессор. Вот я если сяду против вас, скажем, в преферанс, никакое исполнение вам не поможет. Да и не прокатит — забью классом.

— Да ты духовой, — после нехорошей паузы медленно процедил Режиссер. — Забьешь меня, значит, по классу? Ну и нахал, всяких видал нахалов, но таких... Ладно, зачет не ставлю, но предложение твое обдумаю. Вот если действительно забьешь, тогда что ж... Все, фартовые, свободны.

— Ну ты и лоханулся, — укоризненно сказал Дольщик, когда они с Козырем вышли из здания института. — Тебе это надо было? Или на самом деле думаешь, что сделаешь Режиссера один на один в преферанс? Если так, то мне тебя жаль. По классу ты его на голову выше, не спорю. Но шансов у тебя один черт нет. Любое исполнение прокатит, и ты — калека. Один раз зарядит тебе, сожрешь кривой мизер взятку на пять, потом никаким классом не выправишь.

— А если исполнение не прокатит? — заинтересованно спросил Козырь. — Вот не сожру исполнение ни разу, что тогда?

— Еще как прокатит, — убежденно сказал Дольщик. — Ты и не заметишь. Не чес, так сменка, накладка или подлянка.

— Ну, а если не один на один? Мне вот сейчас идея пришла. Допустим, будут еще двое. Все исполнители. Друг другу они шулеровать ведь не дадут. Тогда как думаешь? В долю ко мне пойдешь?

— Знаешь что, Козырь, — после минутного размышления проникновенно сказал Дольщик. — Я тебе

Майк Гелперин родился 5 августа 1961 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Окончил Ленинградский политехнический институт в 1984 по специальности «инженер-гидротехник». В 1994 г. переехал на постоянное место жительства в Нью-Йорк, США. Сменил множество работ и профессий. Начал писать в июле 2006 года в жанрах фантастики и нереалистической прозы. Участвовал в различных сетевых литературных конкурсах, в нескольких побеждал или занимал призовые места.

так скажу. Мы уже не первый год дружим. Ты меня за это время хорошо изучил. В долю, друга поддержать, я всегда пойду. Но не в этом случае. Против одного исполнителя у тебя шансов нет, а против троих и по-давно. Они тебя на лапу съедят. Договорятся перед игрой и съедят, а деньги потом поделят. Подумай, во что ты меня подписать хочешь.

— А если не договорятся? Вот если я так поставлю, что не смогут договориться, недаром же я курс постановки слушал. Тогда как?

— Да пропади ты пропадом, — сказал Дольщик с досадой. — Пристал, как влет к даме. Ты сначала поставь, а там говорить будем. Только раньше из института не вылетит.

— Ну что ж, — подытожил Козырь, — будем считать — заварили мазу.

Зав кафедрой обращения с колодой Змей слушал Дольщика с удовольствием.

— Фигурные колоды различаются по методу приготовления, — бойко делился знаниями Дольщик. — Прежде всего, это коцка, когда карты метят по рубашке. В домашних условиях коцают иглой или бритвой, а во время игры — остро заточенным ногтем. Хорошую коцку сожрет даже самый порченный лох. Следующий метод — складка: исполнитель собирает карты со стола в определенном порядке и проводит фальш-тасовку. В результате карты остаются лежать в колоде в том же порядке, в каком были собраны со стола. Лошары хавают за милую душу. Завершает фальш-тасовку фальш-съем, он же вольт — это когда исполнитель имитирует съем, а на самом деле вольтирует колоду и возвращает карты в прежнее положение. В штос самая эффективная складка — это «баламут», она не оставляет лоховскому никаких шансов. Потом «крыша» — отличная складочка, козырная, лохи...

— Отлично, отлично, достаточно, — прервал Змей, — что скажешь о заточке?

— Заточенные колоды — мощнейшее оружие в руках исполнителя, — подхватил Дольщик. — Нужные карты срезают по торцу в продольном или поперечном направлении. В результате подрезанные карты легко извлекаются из колоды простым движением руки вдоль торца. Наиболее эффективные заточки — это «скрипка», «клин», «бочонок» и «ерш». Широко используются в штос, секу, деберц, очко, фрап...

— Молодца! — Змей встал из-за стола, подошел к Дольщику и обнял его за плечи. — После выпуска буду рекомендовать тебя в аспирантуру, нам кадры нужны. Ну-с, посмотрим, что нам поведает твой приятель.

— Методы фальш-тасовок, — огласил вопрос билета Козырь. — Так, во-первых, ческа.

— Чес, — поправил экзаменатор, — ческа — это у собаки.

— Да, чес. Колоду не тасуют, а чешут, снимая карты сверху по одной. При чесе раздается этакий характерный шелест. Если лох — порченный, он,

услышав шелест, вполне может накатить за это в морду.

— Я бы сам тебе накатил в морду, — искренне сказал Змей. — Шелест, млин, у него раздается. Шелестит у тех, у кого руки к жопе приделаны. В рыло ему, видите ли, лох порченный заедет. Вот такие, как ты, лохов и портят. Математик, млин.

— Математик, — подтвердил Козырь. — Игра основана на математике и теории вероятностей. А ваши курсы нужны лишь для того, чтобы уметь распознавать шулерские приемы и пресекать их. Я, например, если с вами в преферанс сяду, так у вас и шансов не будет.

— Что?! — побагровел Змей. — Это у меня шансов не будет? Против тебя? Ты сам-то понимаешь, что твой рот сейчас сказал?

— Понимаю, — кивнул Козырь. — Я предложил вам сыграть со мной в преферанс и сказал, что вас обыграю со всем вашим исполнением впридачу. Я и профессору кафедры разводки лохов это предлагал. Он сейчас над моим предложением думает.

— Кто, Режиссер думает? — смягчился Змей. — А ему есть чем думать? Нашел, кого в пример ставить — Режиссера. Он, кроме своей разводки, и не волочет ничего. А знаешь что, если Режиссер согласен, то и я — в тот же рамс. Уделаю вас обоих, как бог черепаху. Давай, гуляй, студент, ищи четвертого, будет тебе преферанс.

— Картодержатели бывают двух видов, — эрудиция Дольщика по части приспособлений для шулерской игры вполне соответствовала знаниям в смежных областях. — Основанные на действии металлической пружины или резиновой растяжки. Пружинный держатель называется рычагом Кипплингера, состоит из...

— Хорошо, — одобрил Левша, доцент кафедры игровых устройств и приспособлений, — по Кипплингеру понятно. Что с растяжкой?

— Это устройство называется Лестницей Иакова. Позволяет втянуть находящуюся в руке карту в рукав пиджака и в нужный момент выбросить ее оттуда обратно в руку. Захват соединен резиновым жгутом с шестеренчатым механизмом, находящимся под мышкой. Механизм приводится в действие...

— Достаточно, — Левша протянул Дольщику зачетку и повернулся к Козырю. — Ну что ж, я слышал от коллег о твоём предложении. Не скрою, я заинтересовался. Но могу тебе сразу сказать: твой так называемый класс не прокатит. Он даже против Режиссера не прокатит. Против Змея — ни в жисть. А против меня и по-давно. Но спешу тебя обрадовать: я в теме. Единственно, позволь узнать — какой суммой располагаешь? По мелочи я даже время терять не буду.

— Тысячами тридцатью я отвечу, — сказал Козырь, — да, пожалуй, тридцать тонн баксов я могу вам проиграть. Устроит?

— Вполне. И рассчитываться, разумеется, будем наличными?

— Само собой, — ответил Козырь. — Не хватало только, чтобы профессура осталась мне должна.

— Наглость — второе счастье, — философски заметил Левша. — Она же — сестра таланта.

— Ну и где ты возьмешь тридцать грандов? — Дольщик мерил шагами комнату общаги, которую они с Козырем делили на двоих. — Игра основана на математике и теории вероятностей, — передразнил он приятеля. — Вот они тебе и пропишут теорию вероятностей, математик хренов. Тридцатью тоннами он, видите ли, отвечает.

— Не я отвечаю, а мы, — мирно сказал Козырь. — Пятнашка у меня есть. Гони вторую, шпилерок, и будет у нас с тобой полный боекомплект.

— Ты — идиот, — Дольщик остановился и посмотрел Козырю в глаза. — Натуральный и законченный идиот. Ну, дам я тебе пятнашку, ты пойдешь и ее засадишь. Со своей на пару. А это все, что у нас есть. Что дальше прикажешь делать? Институт нам тогда не закончить — ноги с голоду протянем. Может быть, по миру пойдём? Сядем с тобой у входа в казино, перед собой кепки положим и будем клиентов жалостить: «Подайте от щедрот своих невинным жертвам мира чистогана и азартных игр».

— Ты все сказал? — осведомился Козырь. — Или что-нибудь еще в запасе есть?

— Есть. Вот скажи, Эйнштейн ты наш, на хрена тебе всей наличкой отвечать? Ну, рискнули бы тоннами десятью, засадили — и черт с ним, в конце концов, не последние. А ты: «Боже, боже, помоги, ставлю на кон сапоги», что ли? Вот объясни мне, ну зачем ты на всю тридцатку объяву сделал? Никак я это в толк не возьму.

— Математика, друг Дольщик, — сказал Козырь, — математика. Я выиграю ровно столько, сколько отвечаю. Ни долларом больше, ни долларом меньше.

— Псих, — подвел итог Дольщик. — Ты во что катать собрался? В секу, видимо, или в храп? А может, в орлянку? Там поставил в банк всю наличку — и сиди, молись. На орла монета ляжет — засадил, на решку — профукал, на ребро — при своих разошелся, а зависнет в воздухе — тогда победил и удвоился. Ты же в преферанс договорился, бездарь. В пре-фе-ранс! При чем здесь сумма обеспечения?

— Знаешь, Дольщик, устал я от тебя, — лениво сказал Козырь и зевнул. — Ты пока тут побудь, соберись с капустой, попрощайся с ней, а я пойду, дела еще есть.

— Чтоб ты свои дела уже делать не мог, — обреченно пожелал Дольщик в спину уходящему Козырю.

Дольщик сидел в первом ряду зрителей и от волнения грыз ногти. Актный зал института был почти полон — наблюдать за небывалым представлением явились и студенты всех пяти курсов, и

преподаватели в полном составе.

Посреди сцены за внушительных размеров столом сидели четверо участников. Пуля должна была начаться сразу по завершении речи Туза, ректора института.

— От лица ректората и от себя лично я приветствую инициативу студентов Козырева и Дольского, — торжественно сказал Туз. — А также благодарю уважаемых коллег за согласие участвовать. Ни для кого не секрет, что соперничество между факультетами исполнения и мастерства тянется столько, сколько существует наш институт. Каждый из нас не раз задавался вопросом: что важнее для дипломированного каталы — играть высоким классом, но честно, или не таким высоким, но с применением передовых шулерских методов? Сегодня мы получим прекрасную иллюстрацию к этому спорному вопросу. Уважаемые участники, прошу вас предъявить обеспечение.

Дольщик тоскливо проводил глазами перетянутую резинкой пачку стодолларовых купюр, которую извлек из кармана Козырь. Одновременно обеспечение предъявили Режиссер, Левша и Змей.

— Спасибо, — поблагодарил Туз. — Разумеется, предъява налички — это формальность. Никто не сомневается в порядочности участников, а с учетом того, что игровые держат свое слово всегда, — и по-прежнему. Итак, сейчас мы с вами станем свидетелями чудесного преферанса. Ставки, по взаимной договоренности участников — самые крупные за всю историю институтских игр: цена одного виста — тридцать долларов. Правила — обычные, за исключением поправки, представленной Козыревым. А именно: если в процессе игры один из участников проигрывает тысячу вистов, что составляет тридцать тысяч долларов, то пуля заканчивается немедленно и производится расчет. Естественно, мы понимаем, что до этого не дойдет — класс у всех участников практически исключает шанс проиграть в гладкой пуле тысячу вистов. Однако организаторы в лице ректората ценят порядочность Козырева, страхующегося от возможности проиграть больше, чем сможет заплатить. Поэтому поправка Козырева принята безоговорочно. Итак, если уважаемые участники готовы, прошу их вытянуть по карте. Младшая карта определит первого сдающего, а пока я передаю слово аспиранту кафедры теории вероятности Плющикову, который будет комментировать игру. Прощу вас, коллега.

— Спасибо, — завладев микрофоном, сказал Плюс. — Итак, пуля началась. На первой руке Козырь. Смотрите, какое интригующее начало! В первой же сдаче Козырь объявляет мизер. Напомню, что неловленный мизер принесет ему победу в сто пятьдесят вистов. Если же мизер удастся поймать, то каждая взятка обойдется Козырю также в сто пятьдесят вистов, только со знаком минус. При ставке тридцать долларов за вист это составляет четыре с половиной тысячи за взятку. Итак, внимание: мизер! Козырь прикупает, сносит и делает ход. Сейчас, как только противники откроют свои карты,

вы увидите расклад на демонстрационном табло.

Под свист и улюлюканье зала Дольщик оторпело смотрел на табло. Карты Козыря походили на все, что угодно, только не на мизерную руку. "Семь взяток, — автоматически посчитал Дольщик. — Минус тысяча пятьдесят вистов. Все тридцать тысяч баксов".

— Такого на моей памяти не было ни разу, — говорил между тем в микрофон Плюс. — Пуля закончилась после первой же сдачи. Семь взяток. Ну что ж, остается только гадать, что заставило Козырева взять этот мизер. Никто из отличающих даму от валета на его месте даже не задумался бы о мизере с подобной картой. Однако игра сделана. Каждый из противников Козырева сейчас получит свой выигрыш — это по десять тысяч долларов на брата.

Дольщика Козырь застал упаковывающим чемоданы. Тот даже не обернулся на звук открываемой двери.

— Что с тобой? — участливо спросил Козырь. — К бабушке в гости собрался?

— Пошел ты, — Дольщик остервенело застегнул раздувшийся от шмоток чемодан. — Нет с тобой больше разговоров.

— Да ладно. — Козырь выудил из кармана две пачки денег и протянул одну из них Дольщику. — Может быть, это тебя немного утешит? На, держи, в этой пачке твоя доля — десять тысяч. Во второй — моя.

— Какие десять тысяч? — Дольщик оторпело опустил на кровать. — Откуда?

— От верблюда. Ну, а если быть точным, то от верблюда по кличке Режиссер.

— Не понял. При чем тут Режиссер?

— Сейчас поймешь. Вчера, пока ты тут прощался с капустой, я говорил с Режиссером. Он ведь считает себя выше двух остальных по классу. Вот я и сделал ему предложение, от которого он, как сказано у классика, не смог отказаться.

— Какое-такое предложение?

— Ну, ты сегодня и тупишь, друг Дольщик. Естественно, предложение играть на лапу, а деньги поделить пополам.

— И что, он согласился?

— Еще как. Договорились, что раз по классу мы с ним выше двух остальных, то играть на пару — прямой смысл. Ему только остается следить, чтобы двое других не исполняли, и их попытки сыграть нечестно — пресекать. А это, помимо всего прочего, то, в чем он считает себя специалистом.

— Он и есть специалист. Подожди, что же получается? Ты проиграл тридцать тонн, Режиссер выиграл десять. Вместе вы засадили двадцать. По десять тонн каждый. То есть Режиссер отдал тебе десять выигранных и еще десять добавил из своего кармана? Ну, ты даешь, Козырь. Сплавил, значит, Режиссера на десять кусков. Молодец, молодец, теперь тебе от него зачета точно не видать.

— Да зачет он еще вчера поставил, когда играть на лапу договаривались, — безмятежно сказал Козырь. — Но подожди, мы еще не закончили.

С этими словами он вынул из-за пазухи две пачки денег и протянул одну Дольщику.

— Премия за внезапно обнаружившиеся математические способности, — прокомментировал Козырь, пока Дольщик ошалело глядел на укомплектованные сто долларовыми купюрами пачки. — Твоя доля — здесь еще десять тысяч.

— А это, это-то откуда? — пролепетал Дольщик.

— От другого верблюда. По кличке Змей.

— Не въехал. А Змей-то при чем?

— Похоже, рано я тебя похвалил. Ты как тупил, так и продолжаешь. Естественно, после Режиссера я сразу отправился к Змею и предложил ему играть на пару.

— И что, он тоже согласился?

— Ну, разумеется. И ровно по тем же причинам, что и Режиссер. На, получи змеевский взнос.

Сидя с раскрытым ртом, Дольщик наблюдал, как Козырь извлекает из кармана очередные две пачки.

— Твоя доля, — сказал Козырь, протягивая одну из них Дольщику. — Надеюсь, объяснять, откуда эти деньги, уже не надо?

— От Л-левши? — заикаясь, спросил Дольщик.

— Вот видишь, денежное вливание сделало тебя на удивление догадливым. Левша согласился играть на пару еще быстрее, чем двое остальных. Итого, вместе они заплатили нам тридцатничек. Ну, кроме того, что проигрыш наш вернули, разумеется. Теперь доходит, почему я говорил, что выиграю ровно столько, сколько имею обеспечения?

— Подожди, подожди, так это что же выходит, круговой сплав, что ли? Получается, что ты выигрываешь ровно столько, сколько проиграл? Ничего не соображаю. А если бы ты не взял этот мизер, но все равно засадил тысячу вистов, то сумма была бы другая? Ну, допустим, один из них выиграл все тридцать тысяч, а двое остались бы при своих?

— Эх, Дольщик, Дольщик, — укоризненно покачал головой Козырь. — Это тебе домашнее задание, сам посчитай. Даю подсказку: для нас с тобой ничего бы не изменилось. А вот для них — да.

— Постой, те, кто при своих, заплатили бы по пятнашке, а тот, кто выиграл, остался в нулях, что ли? — после минутного раздумья сообразил Дольщик.

Козырь подошел и похлопал его по плечу.

— Молодца! — сказал он. — Эта штука, дорогой, называется парадокс. И знаешь что? Я надеюсь, теперь то, что играть надо честно, стало ясно даже такому упрямому ослу, как ты.

— Что? Вот ЭТО ты называешь честной игрой? Ты же, друг мой Козырь, троих партнеров сплавил. Внаглую сплавил, заметь.

— Ни черта ты не понял, — сказал Козырь устало. — Партнеров у меня было не трое, а всего один — ты. Вот с этим партнером мы и сорвали куш. А те — какие они партнеры? Я попросту воспользовался тем, чему они же меня и учили. Так что все трое должны только радоваться, что их наука пошла впрок.

Что всего сильнее на свете?

Мой дед по материнской линии интересен хотя бы тем, что он родился в канун престольного праздника святых апостолов Петра и Павла, в так называемый Петров день, то бишь 26 июня, наречен Петром, и опять же — в столетнюю годовщину появления на свет солнышка нашего праведного отечества Александра Сергеевича Пушкина, аккурат в 1899-м.

Что там говорить, дед мне был за отца родного, тем паче что отца-то я вовсе не знал, и до времени, в кою пору, обласкан словом «безотцовщина».

Да ладно, все одно. Вот, хоть дед Петр Григорьевич привечал, от себя не отпускал, уму-разуму учил да байками разными потчевал. А повидал он, скажу вам, ох, не приведи Господь всякому познать. Как же иначе, в самые лихие годинушки нашей многострадальной Россеюшки угодил дед, малолетним втюрился, как сам говаривал. Гражданская? Пожалуйста! В знаменитой в ту порушке 30-й дивизии Василия Блюхера красноармеец Петьша Ивунин гарцевал, к большевикам прибился. Опосля всеобщая мобилизация на борьбу за грамотность, ликбезы. Он, дедка, и здесь поспел — в Ленинграде в ПУРе учебу осваивал. Да на втором году обучения якобы зачаточные признаки тифа обнаружили. Пришлось домой на Урал возвращаться. Знать, не напрасливо. Видать, уральская природушка наша до того пользительная, что выздоровел дед, как в иную порушку сказывал земляк его Мамин, писатель наипервейший нашенокских мест, Дмитрий Наркисович, из Петербурга так же от тифа спасался.

Был дед и чекистом, и секретарем РИКа. Была у деда и 58-я статья без права переписки, с отбыванием в местах не совсем близких, воркутинскими ветрами да морозами охраняемых. И германская многострадальная не обошла Петра Григорьевича стороной, возвращая в дни победного всенародного ликования в нижнетагильские родимые места аж из самого Берлина, где недавно

и мне побывать сподобилось. Многое еще чего у деда было. Судьба-то, говаривал, она ведь то пригоршню радостей сыпанет, а то от нее слезьми горючими не раз умоешься. Может, когда и расскажу про дедовы мытарства, а пока хочу поделиться с вами «притчей», как сам дед определил ее жанровую оснастку. Итак, слушайте дедову притчу.

Во времена столь близкие, что и дальние, в землях известных, как и неведомых, может, в Англии, а быть может, в другой какой стране-государстве жил король. Понятно, что при короле имелись и царство-богатство, и дворцы там всякие, и министры-служники, и свита, и слуги-прислуги, и прочая челядь. Были при короле, как полагается, и мудрецы, и шут молодой, не какой-нибудь гороховый, а взаправдашний.

Короли, знамо дело, мужики задумчивые, к чему-нибудь прилипчивые. Вот и тот король, о коем речь, решил узнать, что ответят слуги верные на его вопрос каверзный, но ему, всемогущему, не дающий покоя, — что всего сильнее на свете?

Призвал король трех наипервейших мудрецов к себе, а шут, как водится, при короле в ногах возле трона притулился, бубном слегка потряхивая, бубенчики на звон проверяя.

Мудрецы, естественно, явились, не запылились. Король и вопрошает:

— А что, мои благоверные, мне скажете-ответите, желаю знать — что всего сильнее на свете?

Выступил первый мудрец, коего король держал при дворце как звездочета-книжника.

— О, великий из великих! — поклонившись, молвил первый мудрец. — Разве не сильны люди, владеющие землей и морем? Король господствует над людьми и повелевает ими. Если скажет, чтобы одни ополчились друг против друга, они исполнят. Если пошлет на неприятелей, они, его подданные, идут, разрушают стены, башни, города. Убивают и бывают убитыми. Если побеждают, то все приносят королю. Те же, кто не ходят на войну и не сражаются на поле брани, возделывают другое поле, кое приносит плоды их труда. Собрав жатву, приносят они обильные дары своему королю. Он один за всех в ответе, скажет казнить — казнят, помиловать — милуют, даровать — даруют. Короля никто не может послушаться. Вот и выходит, что лишь король всего сильнее!

Король расплылся в улыбке. Кому лесть не приятна, не щекочет ухо, не радуется сердце, к тому

Алексей Всеволодович Ивунин родился в 1947 году в Нижнем Тагиле. Поэт, прозаик, публицист, библиограф. Мастер спорта по шахматной композиции. Чемпион мира, СССР, России и победитель более 50 международных соревнований. Член Союза журналистов России. Автор многочисленных публикаций и сборников стихов. Составил картотеку библиографических данных о писателях Среднего Урала. Живет в Екатеринбурге.

же если ты у власти? Опять же, кто у власти — тот и в сласти.

Хихикнул шут, ударив в бубен, и воскликнул:

— Одари его, одари! Что-нибудь ему подари!

Хлопнул в ладоши король. Появились слуги.

— Принести шкатулку с серебром да золотом, с жемчугами заморскими да с камнями самоцветными. Пусть владеет ею!

— Ай-я-ай и ай-я-ай! Наш подарок прини-май! — закружился в танце шут между тронем, на котором восседал король, и мудрецом, радостно принимающим с поклонами дар короля.

Угомонился шут. Второй мудрец с поклонами к королю подходит, речь достойную заводит.

— О, великий из могущественных! Что верно, то верно — никто не может сравниться с королем в могуществе силы ума, власти и богатства. Спору нет! Однако, когда мы впервые прикасаемся губами к бокалу вина, мы забываем все на свете. Вино веселит и омрачает, вино поднимает и опускает. Уж помилуй, король мой, но делает разум короля и сироты, богатого и нищего, храброго и слабого единым, туманным и темным. Когда пьянеют, то не помнят ни тятеньки, ни матушки, забывают о друзьях и братьях, а протрезвев, не помнят, что накануне делали. Разве вино не властвует над людьми, если заставляет так поступать? Воистину вино всего сильнее на свете!

Королю не понравился ответ второго мудреца, хотя мы в обыденной жизни частенько сталкиваемся с плодами пьянства, и хотел прогнать ученого мужа.

Захотел шут, взвился в танце с места, ударил в бубен, по-петушиному прокричал:

— Одари его, одари! И вина ему подари!

Хлопнул в ладоши король.

— Бочку вина сюда! Пусть владеет ею!

Прикатили бочку вина, и второй мудрец, под улюлюканье шута, благодарит короля.

Подошел черед третьему мудрецу держать ответ.

— О, величайший! Как ни всемогущ король, как ни сильно действие вина, но кто господствует над ними и владеет ими? Кто родил короля? Кто родил и вскормил выращивающих виноград, из коего делается вино? О, могущественный! Разве королева не снимает с тебя корону и не уводит в опочивальню, чтоб ты забыл обо всем и всех на свете? Мужчина оставляет воспитавшего его отца и страну свою, идет за женщиной, отдает ей душу, готов ради ее на смелость, геройство, на подлость и преступление. Многие сошли и сходят с ума из-за женщины, сделались их рабами, сбились с пути и погибли. Неужели это не доказывает, что женщина всего сильнее на свете?

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха, — залепился шут, опережая короля, ударил в бубен и по-ослиному закричал. — Одари-и-а, и-а-а! Его

одари-и-а, и-а-а! Деву, что ли-а-а ему, и-а, подари-и-а и-а-а!

Засмеялся король, хлопнул в ладоши.

— Привести красавицу! Пусть владеет мудрецом!

Молодой шут сорвался с места, заскакал перед королем, застучал в бубен, звенят бубенчики, а шут запел:

— Мудрецов твоих славлю разум-честь, чтобы жизни их всех деньков не счесть, чтоб твоя казна не убавилась, королева-жена не состарилась, чтоб тебе, король, в людях памяти, ворогом твоим — вьюжной замяти.

Засмеялся король, обрадовался, захопал в ладоши, а шут остановился возле трона, опустил бубен, вскинул голову да и говорит:

— О, король ты мой, разреши сказать, что всего сильнее в этом мире есть!

— Слушаю, слушаю, голубчик! — заерзал на троне король. — Повесели-ка нас!

— Хотя я шут, король, но одно пойми, что сильнее всего правда-истина. Велика земля, небеса над ней, но от солнышка нет спасения: от восхода дня до захода лишь всю-то землю обходит без устали.

— Верно! Верно! — замахал носовым платочком король.

— Только правда-матушка, — продолжает шут, — чаще горькая, справедливости, чести требует.

— Говори, говори, — требует король. — Не тяни ты за душу! Одарю, как могу, божьей милостью.

— Когда ты, король, на охоте был, я одну знавал и сполна любил, и она со мной целовалась, до беспамятства миловалась.

— Ну-ну, — король даже приподнялся из трона.

Шут подошел к королю и прошептал, чтобы только тот услышал:

— То была, прости, я люблю ее, королевская доченька милая.

Король подскочил, затопал ножками.

— Стража! Стража! Казнить! — и повалился на трон, как подкошенный.

Вот и вся притча. А для чего мой дед, третий калач, мне ее обрисовывал, я до сих пор не до конца ведаю, хоть и сам уже дедом в жизни обозначился. Решил вот с вами поделиться. Может, обман в виде лести, вина и женщины и является краеугольным камнем, камнем преткновения истины реального к желаемому? А может, все сказано для другой пользы какой, а? Если же нет, словом не вышел, как дед меня натаскивал, так уж сделайте милость, не обессудьте, прощайте. А куда благодарствую, что набрались терпения меня выслушать. Удачи вам в руку! Прощевайте.

Как Евстюниха стала Усть-Унихой

В ноябрьском номере «Уральского следопыта» за 2007 год была напечатана заинтересовавшая меня статья Рудольфа Кашина «Волчиха или Волочья?». Начатый разговор о географических названиях хотелось бы продолжить.

Приведенные Р. Кашиным аргументы довольно убедительны. Замечу лишь, что название Волочья не обязательно могло происходить от слова «волок» в значении «перешеек между двух рек, по которому перевозакивают лодки и грузы из одной речки в другую». В известном словаре Даля есть и другой вариант: волоком называли также «глухой лес, непроезжий бор, из которого лето и зиму выволакивают срубленные бревна на полозках, на волоках». То есть, возможно, на Волочьей горе заготавливали лес. Волоковой лес – «крупный, вывезенный из глухого бора, из волока и волоком». Иногда волоком (волочением), с помощью веревки, перетаскивали еще и копны сена. Третий вариант значения слова «волок» у Даля: «Гужевого путь дремучим лесом от селения до селения». Любопытно, что волчихой в некоторых местностях называли устье реки, занесенное, заволоченное песком, илом.

Нельзя исключить также, что название Полячья гора, анализируемое Р.Кашиным, верное и точное. Оно могло происходить от слова поляш, полюх, поляк – полевой тетерев.

Загадками и тайнами в названиях географических объектов полны многие листы топографической карты Урала и всей нашей страны. К сожалению, иногда отдельные названия оказываются неверными, что происходит по ряду причин, назову некоторые из них. В прошлые века копии карт могли отличаться от оригиналов из-за ошибок чертежников-копировщиков, работа которых затруднялась еще и отсутствием четких стандарт-

ных шрифтов. Допущенные при этом искажения надписей переходили в следующие издания.

Составители карт порой недостаточно изучают местные названия из-за спешки и неопытности, к тому же нередко местные власти плохо им помогают. Однако и лучшие специалисты-картографы зачастую оказываются в затруднительном положении, поскольку даже «aborигены» порой по-разному называют одну и ту же реку, гору или населенный пункт. Например, в окрестностях Нижнего Тагила расположен поселок Евстюниха; некоторые упорно настаивают: мол, правильно не Евстюниха, а Естюниха (вероятно, от Евстигней и Естюня). Или вот речка Копасиха – она же Копосиха, она же Капасиха... Все эти варианты можно было увидеть в разное время, в частности, на дорожных знаках.

Случаются попытки заменить непривычные названия другими. Подчас это нелепо и смешно. Ту же Евстюниху пытались превратить в... Усть-Униху. Поселок этот стоит в устье реки Баранчи, никакой «Унихи» поблизости нет и не было. Забавно, что на изданной в 1950-х годах карте вместо «Баранча» написали: Саранча.

Есть и, казалось бы, более оправданные замены. Река Сиверная (от народного «сиверко» – север), протекающая западнее города Верхняя Салда, стала Северкой – звучит вроде бы современнее, но колорит уже не тот...

Наконец, случается просто небрежность и невнимательность. Так на имеющейся в продаже карте Пригородного района Свердловской области известный всем уральцам поселок Черноисточинск стал... Черноисточником. На плане города Нижнего Тагила уже в нескольких изданиях переставлялись местами подписи названий жилых районов Малая и Новая Кушва. Бесчисленны неточности в наименованиях городских улиц. Встречаются грубые ошибки в подписи высот, и многое другое.

Продолжать перечисление не буду, тем более что хороших, надежных карт больше, чем плохих. Часто вспоминаю, как в конце 1960-х годов работал в геодезической экспедиции в Тюменской области, в безлюдной таежной местности;

Моисеев Валентин Дмитриевич родился в 1944 году в городе Нижнем Тагиле. Окончил физический факультет УрГУ. Инженер-геодезист. Живет в Нижнем Тагиле. Автор нескольких очерков в «Уральском следопыте».

Фрагмент карты Европейской России XIX-го века
(из Учебного географического атласа А.Ильина)

наша группа из восьми человек уже заканчивала сезон и шла по компасу к обозначенным на карте избушкам лесосплавщиков, но они не появлялись. Все ругали, на чем свет стоит, то молодого руководителя бригады, то карту-километровку, думая, что она неверна. Палатки у нас не было, кончились продукты. Когда стемнело, заночевали, мокрые и злые, под холодным осенним дождем у костра, пили грязную воду из луж, процедив ее через тряпку. Утром поднялись и... увидели, что сидели всю ночь у самых домиков-балков, на берегу небольшой речки. Карта оказалась точной.

Потребность в топографических картах в нашей стране всегда была велика, но не всегда удовлетворялась. Карты нужны всем — геологам, проектировщикам, экологам, путешественникам. Карта несет массу полезной информации о местности, она красива и нередко приближается к произведению искусства. Исключительно важно наличие подробных карт в военном деле. Говорили даже так: «Карты — глаза армии». Одной из серьезных трудностей начального периода Великой Отечественной войны было отсутствие точных карт. Вот что пишет в своих воспоминаниях генерал армии

С.М.Штеменко: «До войны карты, нужные войскам, на значительную часть территории нашего государства не составлялись. Мы располагали современными картами лишь до рубежа Петрозаводск, Витебск, Киев, Одесса. Когда же противник потеснил нас за этот рубеж, ко всем прочим бедам прибавилось еще и отсутствие карт. Пришлось срочно формировать новые топографические части, создавать новые военно-картографические фабрики...». После этого благодаря самоотверженному труду многих топографов и геодезистов, в сложных условиях, размеры топографических съемок резко возросли, и необходимые карты были составлены.

Надо полагать, при таком авральном режиме работы было не до изучения названий географических объектов. Это, несомненно, отразилось на последующих переизданиях карт, при которых частично использовались предыдущие съемки.

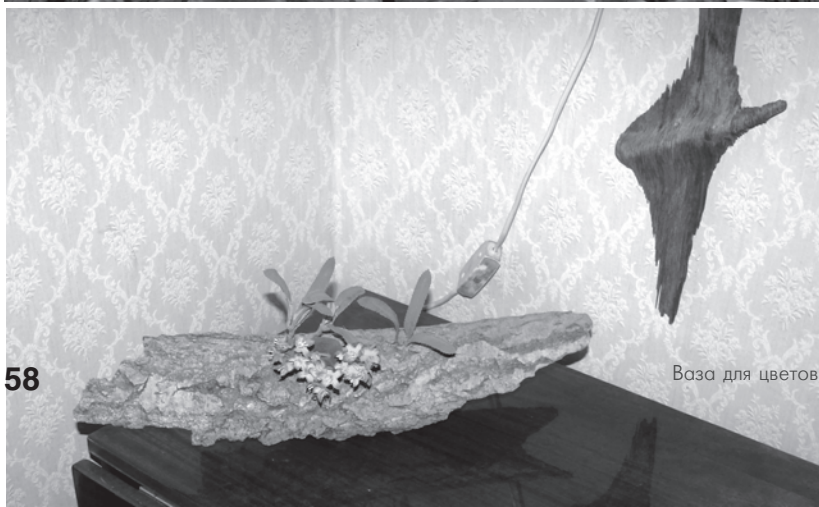
Сейчас же есть все возможности глубоко и обстоятельно заняться изучением и уточнением топонимики — географических названий, составляющих часть нашей национальной культуры. И тем ценнее старания энтузиастов найти истину, как это сделано в статье Рудольфа Кашина.

Деревянная фигурка неведомой зверушки

Материалы для поделок

Ваза для цветов

Борис МАЙДАНИК
Фото автора

Лесная добыча

Большинство людей не сет из леса что-то полезное для желудка. Кто охотничью добычу, кто грибы, кто ягоды. А Ирина Брусницина привозит из леса в своем рюкзаке корни, сучья и коряги. И если коряга оказывается слишком тяжелой, она кладет ее в рюкзак к мужу.

В ее квартире стены завешены фигурками рыб, птиц и прочих неведомых зверушек. Все это она сделала из своей лесной добычи.

Возникло ее увлечение лет пятнадцать назад. Тогда группа туристов, в которой была и Ирина, сплавила по одной из алтайских речек. А поскольку речка была сложная, и приходилось делать постоянную разведку, то большую часть времени Ирина провела не на воде, а в лесу. Тамешние веточки настолько поразили ее, что она набрала их целую грудку. Правда, для того, чтобы доставить к поезду кроме снаряжения и их, пришлось сделать несколько челночных рейсов, которые, впрочем, осуществил Иринин муж.

Со временем она все фигурки, сделанные из тех веточек, раздарила, кроме одной коряги, превращенной в вазу для цветов.

На балконе у Ирины лежит еще не превращенная ни в какую зверушку загибулина с Конжака. Она была большая, и муж привязал ее к своему рюкзаку. Она периодически сползала, и ему приходилось постоянно ее поправлять. Из-за этого он отстал от группы и даже немного заблудился. Ожидая его, группа выбилась из графика и не поднялась в этот день на Конжак, а на следующий день надо было возвращаться. Конечно, Ирине попало от участников группы, кое-кто даже предлагал эту корягу сжечь. Один товарищ совсем расстроился, так ему хотелось подняться.

Ирина пыталась его успокоить, ведь Конжак — это всего-навсего большая кучка гравия, но он этого не понял. А вот коряга была очень интересная.

С Конжака же привезена и целая ветка кедрового стланца. Углядела ее Ирина между камнями, когда по курумнику скакала. Выдернула она ее, но, чтобы от группы не отстать, ничего делать не стала, только обтряхивала от земли во время прыжков с камня на камень. На обратном пути группа опоздала на поезд и чуть не сутки добиралась до Свердловска на перекладных, но Ирина не расстроилась, потому что всю дорогу она ошкуривала веточки, и ей было с ними так хорошо.

Не все веточки и корни Ирина привозит из дальних странствий, многое попало в ее квартиру из окрестного леса. А бывает, что художники выезжают на пленэр, устанавливают в красивом месте палатки, делают базовый лагерь и недели две рисуют окрестности. Приглашают они с собой и Ирину. А поскольку она не рисует, то ходит по лесу и пополняет коллекцию. Однажды на огромной березе она увидела чудеснейший кап. Он был на большой высоте, поэтому пришлось повозиться, пока не был выпилен нужный кусок. И хоть найден был этот кап в каких-то пампасах, далеко от лагеря, да и весил чурбан килограммов шестьдесят, но организатор пленэра Лев Леонидович Хабаров любезно приволок его к Ирине домой. Все потому, что он понимает, как это красиво!

Ваза для цветов и картина из ракушек

Рядом с напольной вазой, в которую превратился кап, висит картина. Ракушки, из которых выложена мозаика, натуральные, привезенные с Каспийского моря, а морская звезда наша — это мутовка от елки. Обычно на одном уровне растет три-четыре веточки, Ирина же нашла восемь.

Часто Ирину спрашивают: «Где вы все это находите? Я вот выйду в лес и ничего не вижу».

Горшок для цветов

Так ведь чтобы найти интересную ветку, иногда надо целый день по лесу ходить. Отбирает ветки Ирина по принципу интересности. Чем закрученнее ветка, чем интересней у нее форма, тем больше вероятность того, что она окажется у Ирины в рюкзаке. Из леса едет, из рюкзака ветки торчат, коряги выпирают. Пассажиры спрашивают: «Что, дров в Свердловске не хватает?».

А дома ветка должна вылежаться. Ирина кладет ее рядом с телевизором, чтобы она была постоянно на глазах. Время от времени она эту ветку переворачивает, пытаясь увидеть, что за животное прячется в переплетении сучьев. Приходят гости – Ирина и им показывает ветки, спрашивая, на что это похоже. Сама Ирина слишком часто видит в веточках только птичек. Вот и очередная веточка превратилась бы в птичку, но подошла дочка и сказала: «А мне кажется, что это жирафик».

Проще всего, наверное, делать зверушек из щепочек, полученных при обтесывании

Деревянная фигурка неведомой зверушки

Деревянная фигурка ежика

Деревянные фигурки неведомых зверушек

бревен. Их всегда много там, где делают срубы для бань. Главное, найти щепку с сучком, чтобы был глазик. Ну а дома остается только просверлить эти щепочки и надеть на спицу.

Очень просто делать подсвечники, главное – найти хорошо разветвленную веточку, аккуратно ее обрезать, перевернуть, высверлить отверстие или вбить гвоздик – и можете встречать вечер при свечах.

Буквально за десять минут Ирина, да и вы вслед за

ней, может сделать оригинальную вазу для цветов.

Ирина любит дерево, потому что оно теплое. Камень тоже бывает красивый, но он холодный. Придет она после похода и садится на кухне веточки шкурить. Этот процесс так затягивает, время незаметно летит – глядь, а

Ветвь кедрового стланца

уже наполовину забитой лоджии. Раза два в год муж ругается и говорит, что все это надо выкинуть. Но приходят какие-то гости, хвалят и восхищаются, и он успокаивается еще на полгода. Хорошо, что домашние хлопоты лежат на Ирине. Супруг даже не знает, что спит на березовой коре. Ею забит весь ящик для белья. А Ирине кора нравится, ведь она даже сама по себе красива. Можно ее как фон использовать, можно что-то самостоятельное сделать.

Деревянные фигуры сияют натуральными цветами. Ирина считает, что при применении лака или морилки все натуральное будет выхолощено, а так будет кусочек леса в твоей квартире стоит. Да и до идеала она свои творения не доводит, считая, что это слишком будет напоминать машинное производство. Для примера она приводит гобелены, с которыми работает большую часть своей взрослой жизни. Там ручная работа ценится больше, потому что даже когда человек не там сделал стежок, все равно чувствуется что-то живое, в отличие от машинного идеала.

Свои работы Ирина не продает. Не любительница она продавать, она творец. Как говорила ее знакомая, преподаватель кружка моды в детском клубе, те девочки, которым нравится шить, не любят ходить по подиуму, и наоборот, любительницы ходить по подиуму шить не любят.

за окном уже светает. Проводит она рукой по ошкуренному гладкому дереву — и так приятно.

После каждого похода дня три Ирина чувствует необычайное умиротворение, и житейские неприятности не отражаются на ее нервной системе. Вот такая энергия исходит на нее от леса, а если она еще принесет какую-нибудь ветку, а если много принесет... Всю добычу Ирина относит в комнату к дочке. Если муж против превращения их спальни в дровяной склад, то дочка разрешает маме складировать все ее веточки на

Деревянная поделка

Юлия ПАПАНОВА

Летний снег

я видела — метет белым
подумала — это с яблонь
срывает цветы ветер
бросает дождем оземь

я вышла во двор голой:
вся улица в хлопьях снежных
но отступить было поздно —
и летнего снега нежность

ложилась на голые плечи
касаясь, следы прожигала
чтобы я Путь свой Млечный
по этим следам отыскала

замерзла под снегом летним
раскинув как крылья руки
искать волшебство отметин
в виде иероглифа «юки»*
на коже знакомых с мукой
мыслей о скорой смерти...

* «юки» — снег

Зима

зима ослепляет блеском
роняет с небес в сугробы
приклеивает к железкам

зима — это детский хохот
на двух неуклюжих ножках
зимой только взрослым плохо —

мечтают о жарком лете
на лицах загар рисуют
искусственным солнечным светом

и могут лишь спиртом согреться
приверженцы тусклой страсти
заставить забиться сердце

терять в одноцветном мире
надежду дожидаться вспышек...

Папанова Юлия Игоревна родилась 16.01.86 в городе Фрунзе. Окончила исторический факультет Тюменского государственного университета. Живет и работает в Екатеринбурге. Стихи пишет с 2004 года. Публиковалась в журнале «Урал», № 9, 2007.

Инструкция по применению

Коробка. На ней — «С днем рождения!»
Внутри нее — я и листок
«Инструкция по применению»
на неограниченный срок:

«Начнем с головы... Мои волосы
пальцами перебирай!
Под пальцами — светлые полосы,
текущие медленно в рай.

В уши мне вкладывай сладости
шепотов, музыки ночи.
Громко кричи в них от радости
или молчи в них. Как хочешь...

Глаза... Посмотрись в них минуту —
останешься на поверхности.
Они ни за что не забудут,
однажды дав обет верности.

Губы терзай разрядами
обнаженности электричества.
В губы отдайся! Раз рядом мы,
не считай поцелуев количество...

Ногтями врежайся в спину.
На коже моей гусиной
ладонью рисуй картины.

Улыбайтесь!

Стекают по ладоням и по крышам
капли, разбиваясь об асфальт
на части,
на крупички серебра...
Собрать бы и раздать все нищим,
уставшим верить в торжество добра.

Нырять в небо люди в самолетах...
Бросают бомбы, умывают руки,
и улыбаются при этом искрометно,
и обнимают жен после разлуки.

Не бойтесь! Улыбайтесь! Скоро лето!
Еще немного — будем пахнуть солнцем, песком,
дорогой, даже теплым ветром;
по лужам будем бегать до рассвета,
разматывая улиц километры.

Ведь к тому времени и на чужих ладонях
свернутся раны и засохнет кровь.

Ты засыпаешь...

Ты засыпаешь
под мои мысли
о том, как ласкаю
запах ванили.
Чувства зависли.
Часы отзвонили.
Я распускаюсь
на ветках сирени.

Ты засыпаешь
во власти видений.

Ты засыпаешь
небо вопросами;
оно отмолчится.
Я засыпаю
постель твою розами,
я прилетаю,
забыв, что не птица,
к окнам твоим.

Ты засыпаешь,
а я предлагаю: «Летим!»

Сыграем вместе?

Твой злой язычок —
укус.
Больно и сладко.
Вытру твои слова
смоченной в спирте ваткой.
Знаешь, ведь я — смычок,
вот только нет рядом скрипки.
Поэтому я молчу,
а мне молчание — пытка.
Симфонии, вальсы, сонаты
внутри натянутых нервов —
им вырваться хочется в небо!

Вакансия скрипки первой
открыта...
Сыграем вместе?
Коснусь твоей кожи дивной —
родятся мелодии, песни,
а если захочешь — гимны...

Вдыхать-выдыхать синхронно

Вдыхать-выдыхать синхронно
вдыхать — целовать твои руки
так сладко, тепло, влюбленно
по венам — осенние звуки

вдыхать твои сны через кожу
читать по глазам губами
делить на двоих ночной город
твоими-моими шагами...

Игра в мяч

Играют словами, как мячиком —
бросают в людей и в стены;
я так же играла с мальчиком,
а позже — с его заменой:

в начале игры слов мало —
ведь слишком заняты губы,
а к финишу я уставала
прощать боль ошибок грубых

и ждать за спиной удара —
поддачи в чужие руки,
сдаваться под крики «браво!»,
готовя себя к разлуке.

Играю словами, как мячиком,
набрасываю их, как петли,
на шею красивым мальчиком:
вдруг кто-то из них ответит!

* * *

Уходят стройною колонной
из моей жизни насовсем
под марш оркестра похоронный
в глубины солнечных систем,

сплетений, равнодушных встреч,
коротких, очень частых пауз
(улыбки хочется сберечь,
чтобы хоть что-нибудь осталось!);

уходят, не сказав — прости —
друзья. Все бывшие теперь.
Сама дала им всем уйти,
закрыв за ними свою дверь...

Орел или решка?

Прескриптам:

- Пап, скажи. А главный редактор существует?
- Нет, сынок, это фантастика!

Орел — направо! Решка — налево!

Главное, успеть прошептать это скороговоркой до того, как блеснувший размытыми гранями серебристый диск монеты упадет тебе на ладонь. И далее не сомневаться: разжать пальцы и принять решение судьбы.

На этот раз выпала решка, значит пойдём налево. Монету в карман «лифа», перчатку на ладонь, плазмоган с плеча в руку, щиток шлема опустить. Ужасно чешется спина, натираемая мокрым от пота бронезилетом. Да и запах... Кстати, о запахах — фильтры в носу давно пора поменять, но это можно и на ходу.

Налево, так налево. Собственно, и разницы-то вроде никакой — что справа, что слева груды деревянных обломков и бумажного мусора, щедро разбросанные по бетонной коробке коридора, да стена плотного до черноты дыма. Маленький, освещенный невесть как уцелевшей лампой пяточок чистого пространства, словно оазис — отдохнуть, отдышаться.

Ан нет!.. Верить в такие чудеса я отучился давным-давно.

Подбираю обломок кирпича и кидаю в освещенный пяточок, аккуратно по центру. Выпавшее из стены лезвие так же аккуратно разделяет кирпичную жертву надвое. Это понятно. Это знакомо.

Двумя зарядами выжигаю куски стен по обе стороны коридора — импровизированную гильютину, конечно, так не уничтожишь, но бетон, спекшийся в стекловидную массу, пару ударов наточенной стали вполне выдержит. Глухой удар за моей спиной и шепот каменной крошки это подтверждают.

За углом дым становится плотнее и приобретает нездоровый желтоватый оттенок. Береженого, как известно...

Защелкиваю лицевой щиток шлема, активирую компьютер и делаю шаг вперед. Потом еще один. Анализатор молчит, значит прямой опасности нет. Вроде бы нет. Но доверчивость я потерял еще в первый поход. Вместе с куском ноги, кстати. Поэтому торопиться открывать личико не буду, а быстренько, быстренько — ножками.

Бежать в таком дыму — безумие. У устройств этого шоу вполне хватит ума понавтыкать тут ям. Глубоких, ощерившихся стальными кольями ям. Воображение у меня хорошее, можно сказать, профессиональное, и поэтому не бежим, а идем. Быстрым, скользящим шагом — левая нога опора, правая скользит вперед, ощупывая путь. Рывок, и все повторить.

Дабы разнообразить рутину, можно считать про себя шаги. Один, два, три, четыре... О-оп. Ногу отдернуть. Не яма, к счастью. Что-то объемное и мягкое. Осторожно нагибаюсь и тихонько пинаю, трогаю это нечто стволом плазмогана. Что именно передо мной, я уже, пожалуй, знаю, но осторожность, как известно, спасла кошку. Кошек тут, к слову, не видел ни разу, а вот пару тигров...

Снимаю с шеи погибшего соискателя залитый кровью металлический жетон с личным номером и именем. Больше ничего. Его оружие, амуниция и груз мне без надобности. Я не мародер. Только жетон — как дань традиции и память о погибшем в пути коллеге.

Чтобы разглядеть имя, приходится поднести стальной квадратик прямо к шлему. Надо же — Юрий Глиф. А ведь я его даже немного знал, бедолагу.

Бегло осматриваю тело и тихонько присвистываю — с левой стороны, чуть ниже груди, два ровных отверстия. Судя по запекшейся в неглубоких ранах крови, стреляли из шокера — боевой разновидности полицейского парализатора. Два электрода выстреливаются в противника, а следом идет шокирующий нервную систему разряд-удар электротоком. В боевой модификации сила тока куда больше. Подлое и идеальное для этого места оружие. Ножом по шее били явно на всякий случай, для верности. Груз тоже отсутствует.

Федотов Алексей Анатольевич родился 21 сентября 1973 г. в городе Саратове. Окончил Саратовский государственный университет по специальности «химическая физика». Имеет ряд публикаций в российских и зарубежных изданиях. Участник фестиваля фантастики «Аэлита» с 2004 г., а с 2006 г. — член оргкомитета фестиваля.

Вздыхаю и перешагиваю через тело. Жалость и память будут потом, сейчас главное — дойти. Тем более что кто-то правил в этой игре, похоже, соблюдать не собирается.

Шагов через двести дым сильно редет, и я рискую приподнять щиток на шлеме — запас кислорода в костюме крайне ограничен, да и энергию в батареях побережь надо.

В воздухе отчетливый запах гари и паленой органики. Освещение скудное — лампы, те, что не разбиты, горят через одну, а метров через сто так и вовсе отсутствуют.

Если бы я хотел устроить засаду, устроил бы именно здесь. Коридор хоть и широкий, но ровный, без поворотов — выходишь из дыма и становишься хорошо освещенной мишенью. А самое паршивое то, что спрятаться попросту нигде — разбросанные в беспорядке картонные коробки не в счет. Для шокера они не препятствие, не говоря уже о плазме или банальной пуле, они картон и вовсе не почувствуют...

Впрочем, вряд ли этот неизвестный будет использовать тяжелое оружие — он не только конкурентов устраняет, ему еще и наш груз нужен. А это значит, что у меня есть шанс. Ну, если учесть, что бронжилет покрывает только туловище, то полшанса. Однако это уже что-то.

Достаю из рюкзака флэшку — небольшой алюминиевый цилиндрок с несложным содержимым. Сдергиваю предохранитель и бросаю флэшку вперед, туда, где, по моим предположениям, должна быть засада. Сам же падаю на грязный пол, закрывая голову руками.

Все-таки не зря я так старательно подбирал экипировку. Флэшка — это замечательная, хоть и чертовски простая, штука: сотня грамм магниевого порошка, плюс окислитель и детонатор. Боевые гранаты сюда проносить запрещено — только личное, не способное причинить полигону серьезный вред оружие. А вот световую шашку — пожалуйста, не возбраняется.

Хлопок. Точнее, сначала яркий, даже сквозь закрытые и защищенные руками веки, свет. И лишь потом хлопок. Где-то впереди раздается испуганный крик. Точней, два крика, слившихся в один. Я уже бегу, стараясь максимально использовать временную беспомощность противников — то, что их, как минимум, двое, здорово снижает шансы на успех, и промедление аналогично суициду. На ходу успеваю достать из кармана и бросить вторую шашку, на этот раз просто осветительную, залившую коридор мертвенно-зеленым светом.

Их действительно двое — невысокий парень с невыразительным лицом, ожесточенно трущий глаза, и девушка с шокером в руках и темным забралом на шлеме. Опущенным забралом.

Электроды тупо бьются мне в грудь и раздражаются снопом искр, а я лихорадочно жму на спуск. Затем приставляю горячий ствол плазмогана к виску замершего парня. Он знает, что я спрошу. А я знаю, что он ответит.

Он поднимает покрасневшее лицо, стараясь поймать мой взгляд воспаленными глазами. Шепчет: — Выход там. Дальше. За углом.

Молча киваю, не опуская оружия, — выход для засады действительно идеальное место. Его голос почти не слышен, но я догадываюсь о сказанном по движению губ.

— Не убивай. Прошу, не убивай.

Еще секунду смотрю ему в глаза, затем иду дальше, считая шаги. На счет «пять» останавливаюсь и, обернувшись, стреляю. Забавно, но к лежавшему у его колен плазмогану он даже не потянулся. Потом кто-то может сказать, что я жесток. Пусть так — врагов я себе выбираю сам. А такие, как он, мне не конкуренты.

Выход действительно обнаруживается сразу за поворотом. Висящие в воздухе призрачные буквы и мерцающая красным стрелочка, тянущаяся к двери. Коридор дальше заканчивается тупиком, так что я действительно дошел. Один из многих.

Не сводя глаз с двери, достаю из кармана монету — маленький, местами позеленевший и изъеденный временем кружок металла. Забавно. В те времена, когда он был в ходу, литературные конкурсы были другими. Хотя правила, как любят говорить организаторы нынешних состязаний, не изменились. Побеждает сильнейший. Всегда.

Чушь, конечно, но те, кто начинает свой путь в литературе, верят... Верят, входят с грузом в лабиринт полигона и почти всегда гибнут в самом начале пути. Побеждает не сильнейший, а тот, кто смог устранить конкурентов. Всех конкурентов.

Подкидываю монету вверх.

Орел — вперед! Решка — назад!

Главное, успеть прошептать это скороговоркой до того, как блеснувший размытыми гранями серебристый диск монеты упадет тебе на ладонь. И далее не сомневаться — разжать пальцы и принять решение судьбы...

На вогульской тропе

6

Все семейство Сафона, за исключением самого хозяина и маленькой Полинки, немного припозднившись, пошло на всенощную литургию в церковь. Опоздание означало то, что всю службу придется простоять во дворе, так как храм уже был забит народом до отказа. Сафону, по совету деда Лешки, непременно нужно будет лежать целую неделю и ни в коем случае не вставать, а в дальнейшем нельзя перетруждать себя, спать только на жесткой постели и не поднимать тяжести. «А то может паралич разбить, будешь потом всю оставшуюся жизнь, как бревно, лежать», — страшно выкатив глаза, предупредил старик, напугав домочадцев, а особенно самого Сафона.

Полинка с нетерпением ждала этого праздника, постоянно приставала ко всем, чтобы взяли ее с собой, а тут вдруг залезла на печь и, на радость старших сестер, нечаянно заснула. Никто не хотел с ней возиться.

— В храме столько народа будет. А вдруг потеряется?

— Или того хуже, задавят в толпе. Такие случаи уже бывали.

Громко, подражая взрослым, толковали между собой Луша и Фрося в надежде, что мать все-таки пожалеет их и не заставит взять под опеку младшую сестренку. А издерганной и напуганной Евдокии нынче было не до того, и Полинку оставили дома.

Артем за суматохой беспокойного дня совсем забыл про Прасковью, но не так, чтобы напрочь память отшибло, а так, что душа не болела и не было постоянной думы, как выкрасть ее у родителей? И теперь, идя в церковь, предчувствуя скорое свидание с Прасковьей, сердце его снова сильно билось, в голове крутилась только одна мысль о ней, а в душе теплилась надежда ее увидеть.

Народ, съехавшийся на лошадях и пришедший пешим ходом со всей округи, толпился еще задалеко до подхода к храму. Тщетно Артем пытался кого-то различить в плотной массе верующих, собравшихся на церковном дворе. При слабом свете ущербного месяца все люди казались на одно лицо, и даже трудно было в сумерках различить, мужик это или баба. А те, у кого водились денежки и они могли позволить себе купить свечку, стояли с зажженными свечами и тоже были неразличимы, потому что когда горит мерцающая свеча под лицом человека, то он становится похожим на мертвеца, или еще того хуже — на беса из преисподней. Артем ужаснулся своему сравнению, снял шапку, задрал голову вверх и стал усердно креститься на колокольный звон, разносящийся над головами собравшихся на молебен людей.

— Артиюшка? — к уху Артема, перекикивая звон колоколов, прилип Фома.

— Че тебе? — Артем прекратил креститься и подался к брату.

— Мне уйти надо, оставайся один с матушкой и девками. Скушно мне с вами, жуть как праздника хочется.

— Ну так иди, я тебя не держу.

— Тока ты потом бате не говори, что меня с вами не было, ладно?

— Не бойся, не скажу, зачем мне тятюшний раз тревожить, ему теперь покой нужен.

— Ежели матушка спросит, где я, скажи, что в церкву полез пробиваться ближе к алтарю.

Не успел Артем Фоме ответить, как того уже как ветром сдуло — исчез в толпе народа.

Артем, не вникая в ход службы, каким-то неведомым чувством точно знал, что Прасковья сегодня здесь. Как лось чует свою самку за многие версты в бескрайней тайге, так и он ощущал ее присутствие и лихорадочно думал, как в таком столпотворении народа отыскать одну девушку.

Рядом стоявшие Фрося и Луша постоянно о чем-то перешептывались, хихикали и успевали при этом следить за службой. Понаблюдав за ними, Артем понял, что они вовсе не знали правил литургии, а как и он, подражали матери. После каждого знаменья делая маленькие поклоны, они двумя пальцами левой руки зажимали нос, а после, выпрямившись, хихикали, брезгливо морщились, тыкая пальцами на впереди стоявшего маленького человека.

Одетый в сильно изношенные русские пимы и дырявую во многих местах вогульскую парку, низкорослый мужичок делал поклоны невпопад службе. И громко, сиплым голосом, показушно ломая плохо понятные ему слова, пел вместе с хорами долетавшую из храма в открытые ворота «алилуйю». Артем тоже почувствовал запах, исходящий от странного человека, и догадался, что в то время, когда никогда не мывшийся вогулич начинал шевелиться и бить поклоны, то во все дыры его парки сквозило злобование, что и послужило поводом такому поведению его сестер.

Глядя на мужичка и слушая, как он не выговаривает русские слова, Артем догадался: «Нужно не вглядываться в лица, а вслушиваться в говор, ведь ежели Прасковья здесь, то она приехала не одна, а с отцом, но зыряне — боязливый народ, и приехало их много. Торговать рухлядью — рискованное занятие, а отец у Прасковьи охотник, значит осторожный, и поэтому он обязательно должен взять с собой кого-то на подмогу. А ежели их несколько человек, то они стоят все в одном месте и разговаривают между собой на своем родном языке, или на русском, но так же, как и Прасковья, путая буквы, «х» на «к», «ы» на «и».

Шепнув что-то матери на ухо, Артем стал проталкиваться сквозь массу столпившихся людей, вслушиваясь в их разговоры и рассуждая про себя: «В храм они не должны попасть, там и своих, чердынских, набилось — не продохнуть».

Ближе к алтарю толпились бояре с семьями и челядью, за ними — стрельцы и служилые люди, потом купцы, за купцами — зажиточные крестьяне, а после — народ, какой поплосе, но пошустрей. А так как зыряне пришлые, не босяки, конечно, но все равно чужие, то они должны быть во дворе и выбрали место поближе к входу. Сделав такое заключение по ходу своей думки, Артем решительно двинулся в сторону паперти. Обходя плотные кучки людей, прислушиваясь к их говору, он наткнулся на спину здорового молодого парня, тихо разговаривавшего на языке коми с рядом стоящим мужиком, и, как показалось Артему, мужик был

Продолжение. Начало в №6

в летах и с рыжей окладистой бородой. Заинтересовавшись двумя зырянами, Артем обошел их сбоку и увидел Прасковью. Она стояла со свечой в руках впереди парня и, не отрываясь, смотрела в открытые ворота церкви. Он хотел сразу броситься к ней, но пересилил себя и, пристроившись рядом, чуть-чуть сзади, стал наблюдать, что будет далее. Здоровенный детина, по-видимости, жених ее и сосед Николька, по-хозяйски и бесцеремонно то брал ее за талию, то, положив руки на плечи, что-то шептал ей на ухо и сам смеялся мальчишеским, не подходящим к его внушительным размерам голосом. Она, не обращая внимания на слова и смех парня, продолжала упрямо смотреть в проем церковных ворот, мелко креститься и шептать молитву, еле заметно шевеля губами.

Артема била нервная дрожь, и предательски тряслись коленки, нет, не от страха при виде могучего жениха, а от ревности и жалости к себе, что не он сейчас стоит рядом и обнимает Прасковью, а другой. Поначалу Артем хотел как-нибудь привлечь ее внимание, но потом решил проследить и со стороны попытаться понять их отношения. Он осознавал, что поступает плохо, но оправдывал себя тем, что другого выхода у него нет. «Если сейчас уйти, — думал он, — то потом будут терзать сомнения и догадки неизвестности, а так есть возможность расставить по местам все беспризорно бродившие в голове мысли. И чем черт не шутит, может, удастся поговорить». Артем спохватился при упоминании беса и, кляня себя за неподобающие на церковном дворе слова, стал усердно молиться, не упуская из вида Прасковью и ее жениха. Так и простоял он всю службу до конца, не сходя с места, крестясь и наблюдая за ними. Прасковья все так же спокойно стояла и глядела в храм, а парень переговаривался с рыжебородым мужиком и иногда шептал что-то Прасковье.

Всенощная праздничная служба закончилась, неожиданно зазвонили колокола, и из ворот храма повалил люд, уплотняя и без того битком набитую паперть. В начавшейся давке напираний народ отдалил Артема от Прасковьи, и толпа понесла его с церковного двора в ворота ограды. В отчаянии он пытался сопротивляться течению, но безжалостная, безликая масса тянула его все дальше и дальше. Но вскоре и высокий парень потерялся за головами напираний людей. За церковной оградой натиск толпы ослаб, люди, рассасываясь в разные стороны по прилегающим улицам, отпустили его, и он, как брошенный щенок, метался из стороны в сторону и заглядывал в лица людей, не теряя надежды еще раз увидеть Прасковью. Вдруг кто-то сзади потянул его за рукав, Артем оглянулся и...

— Слава Богу! Я тебя нашел!

— Чудной ты у меня, это я тебя нашла. Ты думаешь, я не видела тебя там, у паперти? Сразу заметила, только вида не подавала.

Артем растерялся, не знал, что делать и что говорить. Слова где-то потерялись, а мысли запутались.

— Артем! Ну что ты встал, прям как столб проглотил, меня вот-вот споквоятся и начнут искать, давай отойдем с дороги, — она взяла его за руку и потянула в сторону, за поворот церковной ограды, где было меньше народа.

Они отошли и встали за крайним угловым столбом ограды, Артем обнял девушку и спросил с ревнивыми нотками в голосе.

— Почему он ведет себя так, как будто ты уже его жинка?

Вогульский храм

— У них с отцом все уже решено, и я пока не хочу разубеждать их в этом, пусть думают, что я согласна.

— Уходи от них прямо сейчас, а завтра обвенчаемся, ныне как раз время свадеб.

— Нет, рано еще. Я надеюсь, что, может, все как-нибудь обойдется, неохота уходить из родительского дома со скандалом. Потерпи немного, — она выглянула за угол. — Мне уже пора идти, вон Николька с тятьей бегают по двору, меня ищут. Завтра с утра мы будем у Строгановских лабазов пушнину сдавать приказчику, пока тятя торговаться да рядиться будет, я постараюсь улизнуть, придешь?

— Ты еще спрашиваешь, обязательно приду, как на крыльях лететь к тебе буду.

— Тогда до завтра.

Поцеловав его, она выскользнула из объятий и пошла скорым шагом вдоль ограды, к воротам, где в поисках ее металась отец и жених Николька.

Проводив долгим взглядом Прасковью и ее сопроводителей, пока они не скрылись в темноте улицы, Артем вышел из-за угла и направился скорым шагом домой, думая о завтрашнем дне и о предстоящей встрече с Прасковьей.

Первый день святок, когда Артем проснулся, начался с таких родных и знакомых с детства запахов праздника. С самого утра по дому плавал дух рыбных и капустных печеных пирогов, ягодных шанег и медовых пряников. «И когда мать успевает все это изобилие стряпни творить?» — удивлялись в детстве ребята. И только повзрослев, поняли, что мать в такие дни и вовсе не ложилась почивать, а, дождавшись, когда все в доме уснут, начинала суетиться, топить печь, стряпать, варить и жарить и не успокаивалась до тех пор, пока утром не накормит все семейство, устраивая тем самым родным и близким ощущение праздника.

Сестры с раннего утра, первыми насытившись пирогами, шумно бегали по дому, смеялись

и дурачились, наряжаясь в рогожи и вывернутые мехом наружу овчинные полушубки, на лица пялились козлиные да лешачьи рожи, сделанные из бересты и лыка. Первый день святочной недели они с ребятишками такого же возраста будут колядовать, ходить и стучаться в дома к соседям, петь христовские и колядки, получая за это вознаграждение. По давно заведенному правилу утром колядовали младшие подросли, а вечером рядились ребята и девушки, что постарше, каким уже в женихи да в невесты пора. Наколядовав достаточно вкуснятины, они жгли костер, лакомились собранной праздничной снедью, пели песни и с визгом и смехом катались с ледяных катушек.

Луша, Фрося и Полинка, нарядившись в свои придуманные наряды, с хохотом повыскакивали из дома, пошумели во дворе и затем высыпали на улицу за ворота. В горнице сразу стало тихо, в кухонном закутке суетилась мать, отец сидел за столом.

Артем поднялся с широкой лавки, стоявшей под крошечным, затянутым бычьим пузырем окном. Через него нельзя было разглядеть, что творится на улице, но зато в горницу проник матовый свет дня. Артем натянул штаны и, шлепая босыми ногами, в исподней рубахе подсел к столу рядом с отцом.

— Как твоя поясница? — поинтересовался у отца, вытягивая с деревянной великих размеров тарелки творожную шаньгу.

— Поясница, как царева колесница, что ни взвалишь, то и везет, — отшутился отец. — Ты мне лучше скажи, куда Фома подевался?

— А я почему знаю? — не умевший врать, Артем отвел глаза, делая вид, что полностью занят поглощением шаньги.

— Ты мне тут не крути. Опять он к своей стрельчихе подался? Язви его в душу! Он у меня добегаётся, вот заставлю венчаться, будет знать, как мать с отцом позорить. — Успокоившись, отец заговорил снова: — Я хотел, чтобы вы седня на рынке коня доброго подыскали, рублев этак за пять, чтоб под седлом ходил и в сани запрягать можно было. Мне-то не с руки по рынку шастать, дед Лешка наказывал не шевелиться, так я бы в санях посидел, пока вы выберете, а торговаться я уж сам буду.

— Так, тятя, я это... Мурашку запрягу, да и поедали. — Артем поднялся с лавки, на ходу дожевывая шаньгу, стал одеваться, думая о том, чтоб управиться до обеда и успеть на свидание с Прасковьей.

Он вывел из конюшни дряхлую Мурашку, запряг ее в сани, на сани поставил плетеную из ивовой лозы кошевку и закрепил ее на розвальнях, в кошевку накидал ворохом сена, чтобы тятя было удобно лежать. Когда все было готово, кликнул отца. Сафон, по-праздничному нарядно одетый, вышел из дома, хозяйским взором оглядел двор, проверил упряжь на лошади, побряхтывая, залез в кошевку, поудобней устроился на сене и скомандовал сыну: «Трогай». Артем понукнул Мурашку, застоявшаяся за ночь в стойле старая лошадь, тяжело двигая чреслами, вышла за ворота.

7

Днем в центре Чердыни на ярмарочном базаре толкались, торговались и просто гуляли люди всяких мастей и разных сословий. Неизвестно, откуда появлялись калеки да убогие, слепцы с поводьями и ряженные под увечных — хитрая чернь. Они про-

сили милостыню и, если удавалось, то воровали у зазевавшихся коробейников, горожан и приезжих из окрестных сел и деревень крестьян то, что удастся. Ежели поймут такого вора, то бьют его прилюдно жестоко и нещадно до полусмерти. Бедный воришка украдет на полушку, а увечий получит столько, что потом ни за какие деньги не сможет излечиться. А то и вовсе безжалостные пьяные мужики просто так, от нечего делать, выбегут из казенного кабака — и давай бутузить бедолагу чем ни попадя. Озверев от крови и своей безнаказанности, не могут остановиться, бьют так, что после расправы остается от человека один большой кровавый кусок мяса. И нет никому дела до смерти бездомного воришки-попрошайки. Вот по этой-то причине краж было мало, а ежели кто и решался на воровской поступок, так только по недоумию, безрассудный или отчаянный человек.

Подъезжая к торгу, Артем увидел, как наперерез Мурашке из толпы выскочил мужичок в парке и разбитых пимах. Он бежал, на ходу откусывая от большого макового калача куски, и, не пережевывая, глотал их — стараясь съесть до того, как его поймают. За ним несли коробейник с лотком калачей, стараясь догнать вора и потешиться над ним вволю.

Артем сразу узнал мужичка-воришку, это был вогулич, который растряхивал вонь на церковном дворе в Рождество. Вогуль юром проскочил мимо Мурашки, едва не врезавшись в морду лошади, но успел оторваться от преследователя и скрыться в толпе. Бежавший за ним коробейник с лету влетел на подоспевшую кошевку, в которой сидели Сафон с Артемом. Калачи да булки веером взлетели вверх, засыпая булочным дождем кошевку и седоков в ней.

Артем, осадив, остановил лошадь. Толпа народа, с интересом наблюдавшая за разворачивающимися событиями, зашлась хохотом от неожиданного полученного удовольствия.

— Вот, Сафон, на Рождество тебе подарок, смотри, как пирогами осыпало.

— Хороший знак, знать, богато жить будет. А Сафон нравоучительным тоном поучал коробейника:

— Не гонялся бы ты за полушкой, не потерял бы рубль. Сам виноват, ротозей. Ладно, Артоха, трогай.

Любил Артем наблюдать за отцом, когда тот торгуется с продавцом или когда сам что продает. Куда там скоморохам до его умения лицедействовать! В ход шли всякие уловки. Он важничал, показывая из себя богатого купца, и слезно приbedнялся, давя на жалость, клялся и тут же отказывался от своей клятвы, упрекая в этом того, с кем торговался, помногу раз сходилась по рукам, сговариваясь о цене, и снова начинал рядиться. Каждым сэкономленным алтыном он потом хвастался перед дружками и гордился своим умением вести торг.

Коня, приглянувшегося им, они приметили быстро, это был саврасый молодой и резвый жеребец лет четырех. Стоя у коновязи, он постоянно взбрыкивал и ржал, пытаясь встать на задние ноги в дыбы, но коротко привязанная к бревну уздечка мешала ему. Отец вальяжно, полулежа на сене, строя из себя купца, попросил Артема, чтобы он пригласил хозяина коня к нему для разговора о торге. Сын вернулся, ведя за собой неказистого мужика в латаном летнем армяке и с бегающими глазами на худом, избитом оспой лице.

— Скажи, мил человек, сколь просишь за жеребчика? — начал пытаться торговца Сафон.

Вогулы

— Дак всего-то ничего, шесть рублей да пять гривен, — стараясь быть уверенным, ответил хозяин.

Сафон, приметив неуверенность мужика, придал голосу жесткости и уже спрашивал понапористой:

— А ты сам-то чей будешь?

— Да тутошний я, — озираясь по сторонам, сказал торговец.

— Местных, почитай, я всех знаю, а вот твоего обличия что-то не припомню.

Мужик немного растерялся, торг пошел по другому руслу, не так, как он желал, и поэтому стал чуток заикаться, но решил в свою очередь надавить и на Сафона.

— Солькамские мы, ныне утром приехали к вам, на ярманку.

— Кто мы? — чуток спасовав, спросил Сафон, вертя по сторонам головой.

— А вон, стоят брательник мой с дружкой закадычным, — и он указал рукой на стоявших неподалеку двух мужичков разбойничьего вида.

— Что, теперь в Соль-Камском граде ярмарка худая стала, раз вы сюда за тридцать верст приехали?

— А че нам? Бешеной собаке семь верст — не крюк, — щерясь беззубым ртом, ответил мужик. — Ну так ты берешь, али дальше дознание будешь весть?

— Мое слово — четыре с полтиной за этого молодого необъезженного жеребца.

— Эвон как загнул. Он и под седлом, и в оглоблях мастак. Ему цены нет, все семь стоит, а ты — четыре. Шесть — боле не спущу.

— За шесть я двух таких-то смогу взять.

— Такого ты и днем с огнем не сыщешь.

— Ладно, хорошо, к сказанному еще алтын добавляю.

— На што мне твой алтын, добавь рублик, и порешим на этом.

— Ну ты, чудака-человек, сразу как хватанул, пять с полтиной получается, не многовато ли будет?

— В самый раз, добрый конь — не пожалеешь.

— Пять, и по рукам.

— Погодь чуток, мне посоветоваться надо. — Мужик отошел к своим сотоварищам, и они стали бурно обсуждать, доказывая что-то друг другу.

— Все, Артем, торг окончен, жеребец наш, — уверенно сказал отец.

— С чего ты так порешил?

— Конь-то уведенный, им нужно побыстрей его сбегрить, чтоб избавиться, так что торговаться они уж боле не будут, не с руки им kota за хвост тянуть.

Мужик, «хозяин» жеребца, подошел обратно.

— Ладно, мы согласны, тока накинь гривенник за уздечку и забирай.

Пока отец рассчитывался, Артем отвязал от коновязи жеребца и привязал повод уздечки с задка к саням. Мужик-торговец, получив расчет, отошел к своим дружкам.

— Как кличут-то? — спросил Артем у мужика вслед. Тот, обернувшись, хлопая глазами, не поняв вопроса, переспросил:

— Кого?

— Коня.

— А как хошь, так и называй. — И вместе с дружками быстро затерлись в народе, будто их и не было.

Когда, довольные сделкой, Артем и Сафон возвращались домой, Артем спросил у отца:

— Тять? А как ты догадался, что конь ворванный?

— Конь справный, ухоженный, гладко выглядит, а хозяин — отрехолок в легком армяке, где же такому коню доброго иметь, вот я и догадался.

— Как назовем-то?

— Как придумаешь, так и кличь. Вам с Фомой на нем ездить.

Артем удивился сказанным словам отца:

— А почему ты себя в счет не берешь?

— Я, видать, в седле уже откатался, спина не выдерживает тряски. Вона, уже ныть начинается. Наказал дед Лешка неделю лежать, да как тут вытерпишь, ежели вы ничего не можете без меня выправить?

— Тять? Можно мне, как домой приедем, коня спытать?

— Напой да накорми его с початку, всю дорожку, пока за санями идет, все пытается из-под меня клок сена хватануть. Поди, эти разбойнички жеребца-то голодом морили. Сами-то, небось, давно не жрамши. Глаза-то голодные у лиходея были, однако теперича оторвутся на дармовщину, будь они неладны! Вот как совестно чуток, што ворованного жеребчика взяли.

— Настоящий хозяин, небось, щас слезы льет, поил, кормил, холил да лелеял, а тут на тебе — украли, — поддержал Артем начатый отцом разговор.

— Ну да ладно, че теперь об этом толковать да сопли распускать. Взяли, значит свово не упустили, и шабаш на этом. А про то, как, мол, и откуда, никому не говори, уразумел?

— Уразумел, тятя, — согласился Артем с отцом, кивнул головой и с проезжей дороги повернул Мурашку в проулок к своему дому.

У Сафоновых ворот стояла гурьба ряженных в кикимор и рогатых зверей всяких ватага соседских ребятишек, где-то меж них были и Артемкины сестры, но в хламидах и накладных рожах различить их было невозможно. Колядовщики громко стучались в ворота и вразной, кто кого перекричит, детскими голосами горланили колядку:

Коляга-маляга,

Подай пирога,

Не подашь пирога —

Уведу корову за рога,

С пышки утащу все твои покрывки.

На стук из ворот вышла мать с блюдом медовых пряников и козюлек, высыпала их в подставленный ребятими наполовину заполненный гостинцами мешок из рогажи.

Артем лихо подкатил ко двору, выскочил из кошевки и, довольно улыбаясь новому приобретению в хозяйстве, весело спросил ряженных:

— Что, колядовщики, богато пряников насобирали?

Ряженные всей лохматой оравой бросились к Артему, стали хвастаться собранными угощениями и проситься прокатить их на новом жеребчике. Слепая старая Мурашка стояла, как ни в чем не бывало, не обращая внимания на снаряжчиков. А молодой конь, привязанный сзади, испугался, резко встал на дыбы и, оборвав повод, стал дико метаться по улице из стороны в сторону. Почуввав свободу, жеребец галопом прошел по глубокому снегу на обочине, взметывая снег копытами, взбрыкивал и ржал от восторга и обретенной воли. Наряженная лешачкой Полинка со страху бросилась к стоявшей в воротах матери и, ухватившись за юбку, закричала:

— Соврался, соврался!

Артем, не на шутку перепугавшись, что не

привыкший к новому месту конь может убежать и его потом не найти, выхватил у стоявшего рядом ряженого «козлом» мешок с наколядованным добром, отсыпал добрую половину на утопанный дорожный снег и попросил отойти всех подальше. Голодный, давно не кормленный жеребец, почуяв хлебный дух, идущий от горки пряников да пирогов, успокоился. Вытянув шею, фыркая, подошел, обнюхал кучу и, шаря мягкими губами по гостинцам, стал выбирать, что повкусней.

— Вот шельмы, и тут обжулили, уздечку худую подсунили, каналы! — сокрушался отец и, не зная, на ком выместить злость, спросил у Евдокии:

— Фома объявился?

— Вон, в горнице на лавке отсыпается, — ответила мать.

— Ну, я ему зараз задам гулянку, — и решительно, широко шагая, направился в дом.

Артем подобрал жеребца за уздцы, дождался, пока тот доест пироги да пряники, и объявил загрустившим ряженным:

— Ну что, горбуны, козлы да лешие, приуныли? Зараз катать вас буду, убыток ваш возмещать.

Ребята с радостным криком и визгом, не дожидаясь, пока Артем перепряжет Мурашку на нового жеребца, кинулись в кошевку, устраивая в ней кучу-малу, непонятно, где чья рука, где чья нога? Ряженные кое-как разместились в санях и сидели тихо, боясь, кабы хозяин не передумал и не прогнал их. Артем поменял лошадей, старую кобылу поставил в стойло, нового жеребца запряг в оглобли. Усадил рядом с собой на передке маленькую Полинку и тихо тронул, проверяя, как слушается конь.

— Как ты кричала, когда жеребца испугалась, «соврался»? — спросил Артем у Поли.

— Я так напугалась, что все слова перепутала, — созналась она.

— Значит так коня и назовем, Савраской, согласна?

— Да, мне нравится, — согласилась Полинка.

— Но, Саврасый, — Артем подхлестнул коня, пуская его на рысий ход. Жеребец с шага легко перешел на бег, сидевшие в кошевке снаряжчики, осмелев, веселились, дожевывали оставшиеся гостинцы и пели нескромные колядки:

Тетка-колядка,

Дай пирожка —

Обгажу ворота,

Дашь пирожка —

Обмету ворота.

Дай вам Бог

Ни кола, ни двора.

Одну корову,

Да и ту нездорову.

Был петух,

Да и тот протух.

Прокатив ребятишек большим кругом по Чердыни, Артем подъехал обратно к дому. Ряженные отправились колядовать далее, а он привязал коня, насыпал в кормушку овса, забежал в избу. Отец сидел за столом и с угрюмым видом разглядывал разложенные пироги на тарелке, решая, какой бы еще съесть, с грибами али с рыбой? Фома, зажавшись в углу на лавке, держался рукой за скулу, под левым глазом начинал вырисовываться огромный синяк, он равнодушным взглядом поглядел на брата и отвернулся, как будто Артем был виновником всего случившегося.

— Как конь, не урусит? — спросил отец.

— Добрый жеребец, удила слушается, бежит легко. Не чета старой кобыле, — широко улыбаясь, довольно ответил Артем и, не зная, как подступить к отцу, подсел к нему за стол и начал разговор издалека.

— Я ныне надумал основательно заняться охотой на Усолке, зверь там водится, а на рухляди всегда можно деньги зашибить.

Отец наконец-то решил, какой выбрать пирог, взял с грибами и стал жевать его, не проронив ни слова, выжидая, куда клонит сын.

— Ежели тебе, тятя, не в мочь тяжкую работу делать, то мы вдвоем с Фомой дом начнем ставить, ты нам тока Савраску отдай!

— Ково отдай? Каку-таку еще савраску?

— Да жеребчика нашего, мы с Полинкой так его прозвали.

— Ну, ну, мели дальше! Савраска.

— Так вот, пока ты хвораешь, мы до весны уже полдела сделаем. С дряхлой Мурашкой нам таку работу не повернуть, она вот-вот, не дай Бог, загнется, а с добрым конем дело шибче пойдет, глядишь, за лето со строительством дома и управимся.

— А кто здесь, под Чердынью хлебные десятины будет пахать да сеять, не пропадать же земле? — сощурился хитро глаза, спросил отец.

— Так мы с Фомой на посевную приедем, коль такие дела.

— Фома, поди сюды! — крикнул отец. Фома подошел, сел рядом. — Слышал, о чем мы здесь толкуем?

— Слышал, — ответил Фома, продолжая держаться за скулу.

— И как ты думаешь, про энот наш разговор?

— А че, Артем дело говорит.

— Вот и я так считаю, чем тебе здесь гулять да бражничать, лучше на Усолке жить и работать, и нам с матерью спокойней будет, а прознаю, что ты со стрельчихой продолжаешь шуры-муры водить, загоню под венец и не погляжу, что она тебя старше. Мое слово, что кремень, понятно тебе?

— Понятно, — тоскливо откликнулся Фома, а сам подумал: «И бабу, всегда доступную, жалко терять, и под венец идти со старухой охоты нет. А отец сгоряча может и дров наломать».

Сафон, неторопливо жуя пирог, сидел молча, обдумывая предложение Артема, и наконец приняв решение, быстро доел пирог, вытер масляные руки о свою рубаху на груди и заговорил:

— После Крещения берите жеребца и все, что вам нужно, и можете ехать, мне что? Лишь бы дело двигалось. Тока я не пойму, Артем? Ты, кажись, про охоту что-то там начинал балакать?

— Так я и толкую, дом будем ставить и зверя бить, одно другому не помеха, благо — все в едином месте находится: и строительство, и охотничьи угодья, далеко ходить не надо. А зараз мне надобно съездить в Строгановские лабазы, сговориться с тамошним приказчиком насчет цены на рухлядь.

— Надо, так езжай, я тебя не держу, — отец отмахнулся от Артема, как от надоедливой мухи. — Притомился я малость, спина гудит, аж моченьки нет, придется выполнять наказ колдуна Лешки, ложиться, пока в бревно не обернулся.

Артем уж было ломанулся на радостях в двери, но отец его откликнул:

— Погодь, ишь, какой прыткий, пуцай и Фома с тобой едет!

Артем замешкался на пороге, думая, как выкрутиться и отделаться от брата, но Фома сам пришел к нему на помощь.

— Да кудыть я с таким обличем? Позор-то терпеть, нет, я лучше дома посижу, он там и без меня управится.

Артем, чувствуя, что опаздывает на свидание, выскочил из дома, отвязал Савраску, запрыг-

нул в кошевку и, пустив коня в галоп, помчался вдоль улицы к Строгановским лабазам, на встречу с Прасковьей.

8

Огромная вотчина Строгановых простиралась от речки Чусовой до верховьев реки Печоры. Богатые, зажиточные купцы-солепромышленники, наделенные по царскому указу миллионами десятин земли, имели собственные города и остроги. С разрешения царя Ивана Грозного им было дозволено содержать свои военные дружины, оснащенные огнестрельным оружием, и собирать в государеву казну дань и ясак с подданных России.

Летом караваны судов-кочей по рекам Чусовая, Колва, Лозьва, Кама, Волга доставляли товары в Нижний Новгород и Сибирь. Зимой по руслам замерзших рек шли санные обозы, торговля и обмен товарами между городами и разными народами не прекращались круглый год. В Чердыни, на берегу реки Колва, у Строгановых стояли лабазы, своего рода перевалочная база и склад, с выходящей на воду пристанью для удобства перегрузки товаров. Во дворе лабазов, обнесенном бревенчатым частоколом, денно и ночью дежурил караул из наемных ратных людей. Здесь можно было встретить представителей всех народностей, живущих в Пермском крае. Татары, удмурты, башкиры, коми-пермяки и коми-зыряне, вогулы, остяки и русские, разношерстный народ всех вероисповеданий и разного сословия постоянно толпился у лабазов, всех объединяла торговля.

Артем, стоя в кошевке, влетел на разгоряченном коне в открытые ворота двора, чуть-чуть не затоптав двух зевак, не успевших отскочить.

— Но, но, не балуй!

— Я тебе задам, молокосос! — донесли до него чьи-то угрозы в спину. Артем, не обращая внимания на выкрики, лихо подкатил к мосткам лабаза. На них, в окружении приказчиков и холуев, в богатой лисьей шубе и шапке стоял сам Гаврила Семенов, целовальник и доверенное лицо Строгановых в Чердыни.

— Ты кто ж таков будешь? — удивляясь наглости молодого парня, спросил управляющий.

Артем, сам не зная чему улыбаясь, совершенно не смутившись, без страха, весело ответил:

— Артемка, сын черносошного землепашца Сафона.

— Тю, я уж было подумал, птица какая важная прилетела, хотел хлеб-соль приподнести, а тут Артюха — рожно в брюхо, явился-не запылится.

Стоявшие рядом люди угодливо заржали.

— Ну, так с чем пожаловал к нам, сын вольного землепашца, торговать аль покупать?

— Цену на рухлядь хочу прознать, да к пищали прицениться.

— Губа не дура, на пищаль замахнулся. А ты знаешь, что это ружо половину коня твоего стоит?

— Да ну! — удивился Артем.

— Вот тебе и да ну. — Гаврила Семенов, потерявший интерес к простому парню, спустился по подмосткам вниз и в сопровождении суетливых приказчиков, пройдя двор, зашел в казначейскую избу.

Артем, не зная, что делать далее, тронул коня вокруг по просторному двору и у коновязи, среди привязанных лошадей под седлами и в оглоблях с санями увидел Прасковью. Она сидела в розвальнях на пузатых, набитых чем-то мешках из рожи

и смеющимися глазами смотрела на него. «Видно, она слышала его разговор с целовальником», — подумал он и остановил своего коня. Прасковья поднялась из саней и, не таясь, под села рядом с ним в кошевку, улыбнулась и спокойно сказала: «Зачем стоим? Трогай». Артем от нахлынувшего переизбытка чувств приподнялся, раскрутил над головой конец вожжей и хлестанул ими по крупу коня. Жеребец сорвался с места наметом, меча изпод копыт комья снега в упавших назад, в кошевку, от резкого рывка вперед седоков. Савраска сам по себе выскочил в открытые ворота и понесся размашисто по дороге, куда глядели его выпученные лиловые глазищи. Артем и Прасковья лежали в кошевке на сене, глядели друг на друга и просто так смеялись, не оттого, что было отчего-то смешно, а оттого, что было обоим хорошо. Разгоряченный быстрым бегом жеребец пронесся мимо мелькающих домов, проскочил несколько улиц и выбежал в поле за город. Почувяв, что им никто не управляет, Савраска перешел на шаг. Артем поднял голову над бортом кошевки и огляделся вокруг. Конь вынес их на проселочную дорогу в поле, позади на горизонте виднелась колокольня храма, сверкая на солнце медью маковки и креста. Впереди за белым заснеженным полем чернела полоса леса. Артем поднялся сам, помог подняться Прасковье, устроились в кошевке удобней, тесно прижавшись друг к другу.

— Пошто такие перемены, — спросил Артем, — я думал, мы опять хорониться будем?

— Нет, прятаться больше не надо, но все равно еще ничего не решено. Просто сегодня утром я поссорилась с отцом из-за того, что сказала Николае решительно: я никогда не пойду за него замуж. А они не котят отпускать меня, говорят: «Стерпится — слюбится». А я не кочу терпеть его и не могу любить, ти мне мил, и кроме тебя мне никто не нужен.

— Так в чем дело? Вон храм, а вон и лес, давай обвенчаемся и махнем на Усолку? Будем там жить как муж и жена, в законности. Спочатку в землянке, потом дом поставим, детишек начнем рожать, авось, как-нибудь все и обойдется.

— Артемушка, я за тобой коть в огонь, коть в полымя, на все согласна, я только боюсь, родители твои не примут меня без приданного?

— Ничего, тятя чуток поартачится да успокоится, а матушка так и вовсе за нас рада будет, ей лишь бы в семье все ладно было. А насчет приданного ты даже не волнуйся, мне за этакую красоту твоим родителям калым надобно добавить, как у татар, так что остается слово за тобой — согласна?

Прасковья молчала, не зная, как поступить.

— Ну, так как, любя моя, решайся, — поторопил Артем и, не дожидаясь ответа, развернул коня, направляя его по заснеженному полю напрямиком на церковную колокольню. Прасковья сидела рядом, положив голову на его плечо и не в силах что-либо сказать, только крепче прижималась к нему. Лицо ее светилось счастьем, а глаза, наполненные слезами радости, блестели. «Зачем слова, когда и так все ясно», — подумала она, отдаваясь воле провидения и подчиняясь решению будущего мужа.

Настоятеля Иоанно-Богословского храма отца Георгия Артем и Прасковья в церкви не застали. Все ворота были заперты, а двор пуст. Постоянные присутствующие на паперти нищие перекочевали на рынок, поближе к питейным заведениям. Не зная, у кого спросить и где отыскать батюшку,

они обошли храм и обнаружили в маленькой камерке при колокольне хмельного по случаю праздника звонаря, истопника и сторожа, придурковатого мужичка Степку. Кое-как растормошив чумного от пьянства, полуглухого звонаря, Артем обратился к нему как к знающему, служившему при церкви человеку:

— Дядька Степан! Будь ласков, объясни, как нам быть?

Дядька мутными глазами оглядел пришедших и, сделав жест рукой, показывая им ладошку, уверенно сказал:

— Зараз, милый выюнош, погодь чуток. — Степан пошарил рукой под лежаком и выудил изпод него крынку с вонючей, настоящей на хмеле брагой. Дрожащими руками приладил край крынки ко рту трясущейся головы, стал жадно отхлебывать из нее, двигая острым кадыком на худом жилистом горле. Приняв добрую половину содержавшейся в крынке жидкости внутрь булькающего чрева, дядька наконец-то оторвался от нее, смачно рыгнул, прищурил глаз на присутствующих, внимательно оглядел непрошенных гостей и с достоинством ученого человека, который имеет должность и ответственность за доверенную ему колокольню, спросил:

— Че вам надобно от уважаемого звонаря?

— Нам бы про венчание прознять? — неуверенно спросил Артем.

— А че тут прознавать-то? Ык, — ухмыльнулся Степан и громко икнул. — Спервоначалу сговоритесь с батюшкой, он вам назначит день, скажет, сколько будет стоять, и объяснит, што ешо надобно приготовить к такому событию. Ык.

— Нет, дяденька, ты не понял, мы хотим тайно, чтоб никто не знал.

— О как?! Тайно?! — удивился дядька, показывая корявый, в мозолях от колокольной веревки указательный палец. — Пожалуй, тут дело позаконно выристей будет. Ык. Ежели без родительского, так сказать, благословения, то и цена двойная, да и не всякий батюшка согласится пойти на это беззаконие. Вдруг ктось пожалуется? Ык. Епископ шибко не любит, когда не по уставу, может и наказать за ослушание. Наш-то, отец, ык, Георгий, чуток бздиловат по такому случаю будет, ык, не пойдет он поперек владыки, не резон ему богатый приход терять.

— А как нам быть-то в таком разе, посветуй? — с надеждой в голосе спросил Артем. Стоявшая рядом с ним Прасковья умоляюще смотрела на всезнающего звонаря. Дядька немного подумал и, найдя решение, оживился:

— Жалейка-то промеж вас сильная? Ык.

— А то! Ежели бы мы не любили так шибко друг друга, как можно было бы решиться на такое, вкрадче от родителей, — с жаром за обоих ответил Артем.

Степан хитро улыбнулся, подмигнул глазом, дескать, и мы не лыком шиты, все понимаем, поманил указательным пальцем посетителей, чтобы они подошли поближе. Артем и Прасковья, недоумевая, переглянулись, но желание дядьки исполнили, склонились к нему в ожидании, что он им скажет. Степан, как заговорщик, огляделся по сторонам, не подслушивает ли кто, дыша перегазом и икая, стал шептать.

— Вы, голубки мои, вот что. Ык. Сходите в старую, деревянную церквушку Успения Богородицы, что на погосте стоит, и обратитесь к тамошнему попу Амвросию. Он вам должен помочь. После

постройки этого нового большого храма... Ык, — Степан с гордостью ткнул пальцем в пол, имея в виду место, где он служит, — старый Успенский приход совсем оскудел. Так что за «живые» деньги батюшка Амвросий вам не токма тайное венчание устроит, а и живого человека отпоет, и панихиду по нем отслужит. Ык. А владыку ему бояться — один пустяк. Худее Успенского прихода в округе и не сыщешь, так что и ссыласть-то ниже некуда. Ык.

Степан снова приладил к крынке с брагой, допивая остатки. Артем и Прасковья, узнав, что им было нужно, пятясь назад, тихо вышли из каморки.

Старая деревянная, обветшавшая церквушка Успения Богородицы, больше похожая на часовню, некогда была единственным действующим приходом в Чердыни. Построена она была еще при первом Пермском епископе Стефане в XIV столетии. Стены ее помнили большие столпотворения народа по праздникам, богато украшенные крестные ходы, собирали паломников со всей Перми Великой. Но с постройкой в городе других храмов и основанием Иоанно-Богословского мужского монастыря значение ее утратилось, и приход пришел в запустение.

Артем потянул на себя деревянную дверь церковных ворот, и она неожиданно с пронзительным скрипом поддалась. По три раза перекрестившись с легкими поклонами, они неуверенно, держась за руки, прошли в холодный мрак храма. После того как их очи после дневного света и белизны снега привыкли к сумраку темного помещения, они различили в центре небольшого зала на массивной лавке большую деревянную домовину, вырубленную из цельного соснового бревна, в ко-

торой лежал покойный. Из его сложенных на груди узловатых костлявых пальцев рук торчал огарок почти уже догоревшей свечи, слабый свет от нее путался в седой, никогда не чесаной бороде и отражался в новых лыковых лаптях на ногах. Вторая свеча горела на кафедре перед человеком в сукфейке. Он скороговоркой, наизусть, глядя куда-то под свод храма, бубнил строки из псалтыря. Артем и Прасковья остановились недалеко перед гробом и смущенно топтались на месте, не решаясь нарушить размеренность чтения и покой умершего. Дочитав главу, отец Амвросий, щурясь слезящимися глазами, пригляделся к пришельцам, не спеша, отложил псалтырь на подложку и, выйдя из-за кафедры, подошел к молодой странной паре.

Артем и Прасковья с земным поклоном приложились поочередно к руке батюшки, получая благословление, а он, крестя им головы, скорбным голосом заметил:

— Кому веселые святки, а кому горькие поминки, — и, как бы оправдываясь за неудобства, добавил: — Впрочем, для некоторых смерть — это тоже радость избавления, от мук мирских.

Посмотрев в глаза Артема, отец Амвросий неожиданно спросил:

— Вы, по-видимому, хотите тайно обвенчаться?

— Как вы догадались? — удивился Артем.

— Поверьте мне, молодые пары разных народностей приходят сюда редко, но именно только по причине тайного венчания.

— Батюшка! Почему вы сразу признали во мне чужую? — спросила Прасковья.

— Эх, молодо-зелено. Да потому, что Сафоновых сыновей я знаю, а насчет вас, девушка,

Вогулы

Хижина вогулов

то это еще проще, только зырянки плетут пояса с таким узором. А насчет чужой, то вы это зря так думаете, для Спасителя мы все одинаковы, рабы Божьи.

— Я уж, было, подумал, что вы насквозь нас видите. А тут, оказывается, и ума много не надо, все так просто, — заметил Артем.

— Протечет время, как в реке вода, и многое тайное для вас станет явным. А объясняется это легко: живешь дольше — знаешь больше. — Батюшка тяжело вздохнул и замолчал, о чем-то задумавшись. Артем, не зная, как прервать затянувшееся молчание, осторожно дотронулся рукой до плеча «слуги Божьего» и тихо спросил:

— Отец Амвросий! Скажите, наше дело сладится — вы поможете нам?

— Завтра до обедни приходите, после погребения усопшего раба Божьего Никифора я вас обвенчаю. Ежели у вас есть пятиалтынный, то можно расплатиться деньгами, а ну как нет, то и снedyю не погнушаюсь. А теперь идите с Богом, мне псалтырь дочитать надо.

Артем в приподнятом настроении отвязал застоявшегося Савраску от ветхой церковной изгороди, лихо запрыгнул в кошевку и шутиливо, дурачась, пригласил Прасковью пожаловать в «царский возок». Она достойно и грациозно присела рядом, и тут он заметил в ее глазах грусть.

— Но, пошел, — Артем тронул коня шагом и спросил у Прасковьи: — Что с тобой, золотая моя? Аль не рада?

— Рада, очень рада, но не знаю, как бить, тятя, наверное, меня уже обыскался, что я ему скажу?

— Я думал, мы поедем к нам, там придумали бы, что сказать родителям, и ты бы у нас переночевала.

— Нельзя женику с невестой накануне венчания накодиться в одном доме, и тем более ночевать под одной крышей.

— Вот как? А я и не знал всех этих премудростей.

— Ми остановились на постой у дальник родственников, там остался мой узелок с чистой одеждой, и мне надо к венчанию переодеться. Ты отвези меня туда, я покажу, где надо остановиться, а поутру перед рассветом приедешь, и я выбегу к тебе.

— А ну как вырваться не сможешь?

— Меня теперь ни одна цепь не удержит, ни один замок не остановит. Все равно убегу. Или я не китрый окотник? — она улыбнулась и крепко прижалась к нему. А он ей поверил, искренне по-

верил, потому что и недолжно быть никак иначе.

В незаметном переулке, недалеко от дома, где Прасковья с отцом гостевали у дальних родственников, Артем остановил коня. Сговорившись на завтра о встрече на этом же месте, быстро попрощавшись, они расстались.

Короткий зимний день медленно растворялся в сумерках. Артем приехал домой, не спеша, распряг Савраску, поставил его в стойло, в кормушку навалил овса, добавил сена и, не заходя в избу, вышел на улицу за ворота. В доме напротив жил его закадычный друг детства — Савка, который был младше Артема года на два, но житье по соседству с раннего возраста сблизило их. Артем Савке был вместо старшего брата, и заступался за него во всех уличных драках, и вытягивал из всех передрыг, в какие беспокойный, шептунной Савка вечно попадал. Отец Савки, дядька Андрей, в зимнее межработье нанимался к купцам Строгановым в обозные ямщики и ходил с соляными обозами в Новгород и Москву. С прошлой зимы к ямщицкому промыслу дядька Андрей пристроил и старшего сына. А после Савки детишек в Андреевой семье было еще штук семь или восемь, или даже больше, и все мала-меньше. Тетка Глафира, мать Савки, приносила их каждый год, иногда даже по двое. И когда гурьба Андреевского белоголового гороха высыпала на улицу, их нельзя было ни сосчитать, ни разобрать, кто есть кто. Артем, надеясь застать друга дома, перешел улицу и постучался в ворота.

— Кто там? — немного погодя раздался голос в ограде.

— Это я, дядя Андрей, Артем.

— Че стоишь? Проходи, открыто, мог бы и не стучать, велика птица, на мороз из-за тебя шастать. Ежели б не нужда меня постигла, стучался бы ты тут до второго пришествия, а энти вон аглоеды залезли на теплую печь, и хрен ты их сгонишь, — и, на ходу снимая штаны, побежал в хлев.

Артем прошел в дом, состоящий из одной большой горницы, огромной русской печи посередине и многочисленными лавками вдоль стен. Савка сидел на печке в окружении младшей своры детишек и с упоением травил им рассказы про Москву.

— А, Артюха, здорово живешь, давно не виделись, — он спрыгнул с печи, и они по паре раз, по-дружески, хлопнули друг друга по плечам.

— Мы с тятей тока седня из ходки в Москву вертанулись, ну, я те скажу, городище! Народу тьма-тьмуца, аж в глазах рябит от суеты людской. А дороги там, — Савка закатил глаза и с восторгом продолжал, — где деревянные, где камнем выложены, а лошадям на копыта железяки цепляют, и они по мостовой цок, цок, цокают, чудно так.

Савка уж было хотел продолжить свой рассказ о Москве, но друг его перебил:

— Слышь, Савка, у меня к тебе дело есть, поговорить надо!

— Так говори, че скрывается-то?

— Нет, давай лучше выйдем.

— Выйдем — так выйдем, — Савка лениво накинул полушубок и нехотя вышел за Артемом во двор. — Ты давай быстрее говори, — заметил он деловито, — а то я намерзся в дороге. Сам знаешь, путь-то от стольного града неблизкий. Полторы тыщи верст! И это только в одну сторону, — Савка явно гордился своим путешествием и толковал о поездке, как старый бывалец, — почти четыре недели по речному зимнику шли, продрог весь, до сих пор от холода по-

тряхивает, никак согреться не могу.

Артем коротко рассказал другу обо всех приключениях, какие произошли с ним за последнее время, и в конце раскрылся:

- Савка, ты представляешь, я завтра венчаюсь!
- Да иди ты, — не поверив, отмахнулся тот.
- Ей-ей, вот те крест, — побожился Артем.
- В церкву на обряд-то зовешь?

— Я еще и не знаю, как тятка к нашей свадьбе отнесется. Ежели шибко от злости разойдется, то может сгоряча и прогнать меня из дома вместе с молодухой: венчание-то крадучее.

— Как это так — крадучее?

— Ну, потому как я умыкнул ее от жениха и родителей. А завтра в Успенской церкви отец Амвросий нас обвенчает, без всякого шума, втихушку.

— Тогда от меня-то че те надо, ежели дружкой в церкву не берешь, на гулянье не приглашаешь, на кой ляд я те тогда сдался?

— Отец Амвросий пятиалтынный запросил за службу, а у меня тока дюжина копеек, ныне летом на погрузке Строгановских кочей заработил, у отца просить мне не с руки, начнет пытаться, что да куда? Может, ты мне одолжишь три недостающих копейки? Вы же с отцом, наверняка, за обоз расчет получили?

Савка, почесав затылок, что-то прикинул в уме и, заходя обратно в дом, на ходу буркнул:

— Погодь чуток. — Через некоторое время он вышел, перебрасывая из руки в руку маленький узелок. — На, бери, здесь пятак мелочью, алтын я тебе в долг даю, а две копейки на гулянье дарю.

— Савка, друг, век не забуду, выручил ты меня, — Артем, растрогавшись, обнял друга.

— Веселье будешь делать, так не забудь позвать!

— Не забуду, ты в стороне уж никак не останешься.

Артем еще раз потряс руку Савки и с легким сердцем пошел домой, думая о том, что так чудно и ладно все складывается, что даже и не верится, и уже у ворот обернулся и крикнул не успевшему забечь домой Савке:

— Ты, дружка, завтра до обедни подъезжай на своем гнедом к Успенской церкви, да не забудь под дугу колокольца подвесить! Свадьба все-таки.

* * *

Ближе к полуночи Лукерья и Фрося, с нетерпением дождавшись, пока в доме все крепко уснут и по горнице покатится густой храп отца и вторящих ему братьев, тихо слезли с полатей, зажгли огарок свечи от лампы под иконами. Взяли приготовленное заранее все, что им надобно для гадания, накинули поверх ночных рубах колушки и осторожно, стараясь не шуметь, вышли во двор. Чуток побаиваясь непроглядной ночи, прикрывая руками от ветра свечу, они пробежали по тропинке в баню. С утра топленая банька сразу окутала теплом, смешанным запахом дыма и березовых веников. Фрося, скинув кожух, залезла на полог и растянулась на нем, нежась в тепле.

— Луша, ты на кого будешь гадать, на Степку али на Никишку? — позевывая, спросила она.

— Чей облик покажется, на того и выйдет гадание, может, это вовсе и не они будут, а кто-то другой?

Луша набрала в черпак-уточку холодной воды, утопила на его донышко серебряное колечко и принялась капать на холодную воду горячий воск с зажженной свечи. Фрося, свесив голову с полка, с интересом наблюдала, что получается из застывших капель, и, высмеивая, диктовала увиденное:

— Рожа какая-то свиньячья получается, а теперь глянь! Дуля вышла, ха-ха-ха.

Луша как ни всматривалась в узор из воска, а кроме как подсказанной сестрой дули, так ничего и не смогла разглядеть. Как ни старалась она выложить каплями хоть какое-то подобие, похожее на человеческий облик, но у нее все равно получался один большой кукиш. Не добившись ничего путного от воска, Луша взяла сырое куриное яйцо и махнула его, не глядя, через левое плечо в дверь. Яйцо брызнуло в разные стороны разлетевшейся скорлупой и оставило мокрый след на двери в виде двух полукружий, а остатки желтка и белка поплыли вниз по середине и повисли большой каплей на нижней дверной стяжке. Фрося от хохота покатила с полка, мягко упала на среднюю лавку и, тыкая пальцем в причудливый узор, оставленный яйцом на дверях, не унималась от хохота.

— Я такую штуковину видела у парней между ног, когда летом на речке купались, ха-ха-ха, ух — не могу. Это что ж тебе ныне выходит? Кукиш и... ха-ха-ха-ха!

Луша, убедившись, что, кроме как узора, похожего на мужские причиндалы, ничего путного из яйца не вышло, отступилась от дверей и принялась за третий способ гадания, казавшийся ей самым верным. Девушка расстелила на полу парнишачьи штаны, поставила шайку с водой на мотню между штанинами, скинула с себя рубаху и, обнаженная, встала над шайкой, расшарашив ноги в стороны. Наклонив голову вперед и держа свечу в руке, она стала пристально вглядываться в свою отражающуюся в воде промежуток, надеясь хоть что-нибудь там разглядеть, кроме своих прелестей.

Любопытная Фрося с нетерпением спрашивала ее:

— Ну че, Лушка? Видно ковось, аль нет?

— Отстань! Нет пока.

— Видать, ныне замужем тебе не бывать, — с сожалением заметила Фрося, — все какая-то дребедень появляется, ладно, ежели кто привидится, так ты скажи, может, и я че смогу разглядеть? — Разморенная теплом и банным духом, она сложила руки под голову и, прикрыв глаза, сладко задремала.

Луша, разочарованная предыдущими попытками что-то прояснить из своего будущего, решила во что бы то ни стало добиться хоть какого-нибудь видения и продолжала стоять, вглядываясь в шайку. От напряжения и ожидания, от банного угара и наклоненной головы в висках у нее застучало, а перед глазами сначала появились плавающие круги, а затем отражение в воде стало меняться, превращаясь в существо с бородой, отвислым носом и толстыми щеками. Она от неожиданности испугалась, качнулась и оперлась рукой о полог, задев нечаянно Фросю. Та спросонок не поняла, что случились, увидела испуганные глаза сестры, быстро соскочила с полка и, завизжав, выбежала из бани. Страх от паники сестры передался и Луше. Она, как была, в чем мать родила, бросилась вслед за ней и очуталась только дома, на полатах рядом с Фросей и с зажатой в руке потухшей свечкой.

— А че там было-то? — не попадая зуб на зуб, спросила Фрося.

— Н-не з-знаю, р-рожа какая-то т-толстая с-с черной куд-дрявой бородой, с-совсем н-не з-знаюмая.

Их обеих била мелкая дрожь, и, чтобы согреться, они крепко прижались друг к другу и вскоре успокоились, а потом и затихли, посапывая под стрекот сверчка в притолоке.

(Продолжение в следующем номере)

Ноктюрн цвета морской волны

— Синее.
— Ты не права, зеленое!
— Синее.
— Ну, какое же синее? Абсолютно зеленое. Темно-зеленое.
— Синее. Спасибо, что не сказал изумрудное...

Ласковое теплое сине-зеленое море легкой волной, почти не образующей пены, накатывалось на гальку и степенно отползло назад.

— Это тебе спасибо, что не обозвала голубым.

— Тебя? — Карие глаза, подчеркнутые длинными ресницами, искрились смехом. — Пока ты вроде бы не давал повода...

Ее сочные малиновые губы удивительно вкусны, если их запечатать долгим нежным поцелуем. Когда закончилась вечность, он медленно оторвался от сводящих с ума губ. Она открыла глаза.

— Синее.

Легкий беззаботный смех выдавал абсолютно счастливого человека. Он улыбнулся, вновь взглянул на море. И увидел, как долог был поцелуй.

— Золотисто-багровое.

Она высвободилась из объятий и тоже обратила взор к морю. Посмотрела на солнце, уже утонувшее нижним краем в воде.

— Золотисто-оранжевое.

— Багровое.

— Оранжевое.

— Ты знаешь, что про тебя Некрасов написал? — Его голос прозвучал вкрадчиво, губы с трудом сдерживали улыбку.

— Знаю — про коня и про горящую избу.

— Нет. Про тебя он написал — мужик, что бык — втемяшится в башку какая блажь, колом ее отдуова...

Ее серебристый, словно звон колокольчика, смех полетел над морем. Тонкие руки медленно обхватили шею. Он почувствовал, что ее полная высокая грудь прижимается все сильнее и сильнее...

* * *

* * *

Виктор устало опустил руки, крепко сжал узловатыми пальцами острые колени. Сегодняшний сеанс вымотал до предела. Хотелось лишь одного — уснуть.

— Еще одна пара. Десятая за месяц, — тихо пробормотал он.

Оставалось сообщить в статистическое агентство о свершившемся факте взаимной заинтересованности мужчины и женщины. И помолиться, чтобы они оказались способными к деторождению.

И все-таки здорово, что его перевели сюда, в специализированный центр. И помощника дали. Отличный парень, спокойный, молчаливый. Невысокий, широкоскулый, с густыми черными бровями, со странными разноцветными глазами. Никогда не спорит, со всем соглашается. Что попросишь — всегда старается сделать. Иногда, правда, может задать пару вопросов невпопад, от которых непонятно почему холодеет в груди, ну, да это мелочи.

Виктор вспомнил, как однажды, несколько месяцев назад, брел по темной улице. Где-то в заросших палисадниках слышались трели сверчков. Иногда над головой проносились неясные тени летучих мышей. В одном из переулков он заметил парочку перебежавших дорогу кошек. Мир жил. И ему было все равно, останется ли с ним человечество или тихо исчезнет и забудется, как прочитанная книга.

А ведь еще лет пятьдесят назад все было по-другому. Как случилось, что люди престаи интересоваться друг другом, перестали любить? Да что там! Даже замечать. Кто-то утверждал, что виной всему развитие виртуальности, другие говорили, что виной — обесценивание семейных ценностей, утрата традиций, третьи склонялись к мысли, что это естественный процесс: цивилизация изжила себя, и природные механизмы решили выключить Человека. Разбираться сейчас глупо. Все уже свершилось. И дело Виктора — бороться до конца, хотя, может, это уже агония. Но именно сейчас отступить нельзя, потому что в мире он один из немногих, кто может воздействовать на людей, пробуждать их интерес друг к другу. Его талант и есть тот крест, который он будет нести всю жизнь.

— Вы можете объяснить, что происходит? Без всяких научно-медицинских вывертов! Я двадцать минут беседовала с начальником отделения, но так ничего и не смогла понять. Он абсолютно не

Варкун Варвара родилась в 1980 году в Твери, где и проживает по сей день. Окончила Тверской государственный университет, факультет управления и социологии. Именно там проснулось желание проанализировать те или иные вопросы в отношениях социума и индивидуума, что в конечном счете вылилось в написание рассказов. В данное время работает менеджером по персоналу в крупной компании.

говорит на человеческом языке!

— Попробую, но сначала объясните мне, почему вы приехали только сейчас?

— Дела фирмы. Командировка затянулась, нужно было добить несколько контрактов.

— И второй вопрос: у вас есть дети?

— Нет, что вы! Когда? У меня открыты прекрасные перспективы для карьеры, только нужно работать...

— Ваша семья... Вы решили пожертвовать ею ради карьеры?

— Что вы такое говорите, доктор! Конечно, нет!

Высокая кареглазая брюнетка в деловом темно-синем костюме смотрелась очень эффектно. Крой подчеркивал точеные формы фигуры, а расстегнутая на одну лишнюю пуговицу голубая блузка говорила, что ничто человеческое женщине не чуждо. Если есть время. И силы.

— А вы можете сказать мне, госпожа Перова...

— Ирина.

— Что?

— Называйте меня Ириной. От «госпожи Перовой» я устаю на работе.

— Хорошо, Ирина! Итак, вы считаете, что семья для вас важна?

— Конечно, что за глупый вопрос! Очень!

— Вы чаще всего работаете семь дней в неделю, домой возвращаетесь иногда за полночь. Это семейная жизнь?

— У меня два отпуска в год по две недели.

— Да, но в предпоследнем вы пробыли два дня, а потом вышли на работу. В последнем — ни одного.

— Это так, доктор, но откуда вы все знаете? Виктор рассказал?

— Нет, не Виктор. Вас не было, фирма наотрез отказалась сообщать, где вы — коммерческая тайна. Нам пришлось собирать сведения своими силами. Иначе не смогли бы помочь вашему мужу.

— Ну, и зачем это нужно? Можно было просто расспросить Виктора. Вряд ли он бы стал от вас что-то скрывать.

— Наверное. Только... только он не помнит вас, Ирина!

* * *

До перевода сюда Виктор жил в небольшом умирающем городе. Единственный сосед на весь квартал — старик Андрей — ютился в доме напротив. Как-то вечером, после очень удачного сеанса воздействия на очередную пару, Виктор стоял у подъезда и размышлял: зайти к соседу или пройти по кварталу, уже давно ставшему его «крепостью». Так он и называл все двенадцать многоэтажек, похожих на кем-то забытые доминошные кости, поставленные на ребро. Однажды кто-то толкнет первую...

Сделав выбор, Виктор нырнул в темный подъезд. Старик когда-то жил на последнем — девятом этаже, но пару лет назад лифт сломался, а мастера так и не прислали. Наверняка решили, что трудности одного человека не стоят затрат. С

тех пор сосед перебрался на второй этаж, первый оказался слишком сырым. Старик даже мебель не стал брать, только попросил Виктора помочь перенести книги.

Дверь по обыкновению оказалась открытой, со стороны кухонки слышалось стариковское шарканье. Виктор разулся, аккуратно поставил старые кроссовки в один ряд с начищенной обувью хозяина.

— Витя, это ты? Как раз вовремя. Заходи! — голос старика дрожал от волнения, и Виктор заподозрил неладное.

Андрей выглядел взбудораженным, жидкая шевелюра взлохмачена, глаза горели, а руки беспрестанно теребили замызганное кухонное полотенце.

— Что случилось?

— Пока ничего. Но случится. Скорее всего, сегодня.

Встретив недоуменный взгляд, старик пододвинул ветхий блокнот.

— Открой последнюю страницу.

Старая бумага сопротивлялась, и Виктору потребовалось некоторое время, прежде чем он смог прочитать короткую запись. Сегодняшнее число. Судя по блокноту, написанное давным-давно.

— Что это?

— Это... Как тебе сказать? Однажды мы с женой договорились написать день смерти друг друга. Мы загадали: если сойдется, значит умрем в этот день вместе, даже если придется помочь старухе с косой.

— Странные игры.

— Мы были молоды и любили. Тогда это казалось чем-то очень важным.

— И теперь ты думаешь, что умрешь сегодня? — Уверен. Эту дату написала она. А на первой странице — написанная мной. Именно в тот день она и умерла. Как видишь, я не ошибся...

— Она покончила с собой?

— Нет, просто не проснулась... У меня просьба: ты бы не мог передать вот это...

Он достал из кармана жилетки золотой медальон на тонкой цепочке и раскрыл его.

— У меня есть дочь. Мы не разговаривали с тех пор, как умерла Анна. Здесь вся наша семья. Счастливые. Возьми. Не хочу, чтобы утилизаторы забрали.

— Я передам. Где ее найти?

— Она дежурит на Северном кордоне. Там, где лес наступает на город... Ее зовут Светлана. А сейчас иди. Мне надо побыть одному.

Виктор сжал в кулаке медальон, ладонь обожгло, и что-то острое кольнуло в груди. Не говоря больше ни слова, он вышел. А старик остался сидеть над раскрытой коробкой, перебирая бумаги и разглядывая фотографии.

* * *

— Что вы сказали?

Доктор оторвался от экрана. Ирина вдруг обратила внимание, какое у него некрасивое лицо — широкие скулы, слишком густые черные брови. И глаза странные: один — карий, а другой — голубой. Как только она не заметила этого раньше?

— Извините, Ирина, я смотрел последние данные..
 — Я мешаю?
 — Уже нет. Так что вы спрашивали?
 — Почему у него такая странная модель поведения? С чего бы это?

— Ну, здесь как раз все понятно. Он часто думал о том, что если все семьи будут, как ваша, то через пятьдесят лет человечество вымрет. А потом, когда психика не выдержала, он ушел в будущее. Придуманное им самим. Чтобы спасти человечество.

— Значит только я одна виновата?

В комнате повисла тишина.

— Доктор, не молчите! Скажите что-нибудь!

— Он вас очень сильно любил. Безумно! Наверное, часто ждал с работы с цветами и ужинать без вас не садился?

— Да. А меня зачастую хватало только на то, чтобы провести ладонью по его щеке, принять душ и рухнуть в кровать.

— А он ковырялся в тарелке с остывшей едой, потом прибирал стол и с надеждой, что завтра ему повезет больше, тихо ложился рядом, боясь потревожить ваш сон.

— На диван.

— Что, простите?

— На диван в гостиной ложился, чтобы не разбудить меня.

Они замолчали. На этот раз тишину нарушил доктор.

— Мы что-нибудь придумаем. Но нужно время. Наберитесь терпения, Ирина.

* * *

— Доктор, уже прошло два месяца, но ничего не меняется. Может, нужно еще подключить кого-нибудь? Может, еще нужны деньги? Не стесняйтесь, говорите!

— Нет, не нужны. А чем вам так хуже? Только разве что ужина дома нет. Но вам ведь не привыкать к кафе?

Ирина не обижалась. Все справедливо. Хотя мог бы быть помилосерднее, врач все-таки, хоть и психиатр.

— Знаете, доктор, мне всегда казалось, что такая жизнь с моей бесконечной работой — явление временное. Вот стану старшим менеджером филиала, и все изменится. Сейчас тоже думала: вот еще полгода, ну, год максимум, стану руководителем региона, и все будет по-другому. Пусть подчиненные работают, а я в шесть часов домой, уикенд за городом, отпуск в Австралии, чтобы никто не достал. А сейчас поняла, что все это несбыточные мечты. Химера, ловушка цивилизации. Так и буду всю жизнь гоняться за перспективой, должностью, новыми деньгами. А жизнь уйдет! И детей может не быть никогда.

— Ирина, но это ваша жизнь. Вы выбрали ее сами.

— Да, и теперь понимаю, что была полной душой. Чтобы понять, как мне дорог Виктор, ему нужно было попасть в психушку.

— Вы это серьезно?

— Да, и детей хочу! Не просто детей вообще, а конкретно от Виктора.

Доктор внимательно смотрел в глаза Ирине, словно пытаясь проникнуть взглядом в ее мозг.

— Тогда... — Он сделал продолжительную паузу, будто взвешивая все за и против. — Тогда я, наверное, смогу помочь вам.

— Он вспомнит меня?

— Нет, это невозможно. Он вспомнит все до момента встречи с вами. И забудет то, чем живет сейчас.

— И что?

— И все. Вы ведь на шесть лет младше мужа?

— Да.

— Вычеркнем четыре года вашей совместной жизни, которые привели его в нашу клинику, и будете моложе только на два!

— Вы думаете...

— Не напрягайтесь, это произойдет не завтра, а через две недели. Я успею все подробно объяснить. Просто вы опять случайно встретитесь, и он не будет ничего помнить о четырех последних годах своей жизни.

— А вдруг... — Ирина была явно смущена, — я не понравлюсь ему? За эти четыре года я так постарела...

Доктор опустил взгляд к одетой по случаю жары короткой юбке Ирины. Медленно поднимаясь вверх, он буквально пожирал ее глазами. И когда Ирина, наконец, поймала его плотоядный взгляд, то чувствовала себя уже полностью раздетой. Кровь ударила в лицо, но врач уже смеялся, так заразительно, что она поняла, зачем он это сделал, и тоже засмеялась, но несколько смущенно.

— А вы и правда гениальный психиатр. Думаю, у меня теперь много лет не появится мысли, что кто-то сможет устоять передо мной. Сколько я должна за сеанс?

— Спасибо, что по лицу не съездили. И так...

* * *

— Синее.

— Ты не права, зеленое!

— Синее.

— Ну, какое же синее? Абсолютно зеленое. Темно-зеленое.

— Синее. Спасибо, что не сказал изумрудное...

Ласковые волны накатывались на прибрежный песок и, негромко шурша, отползали назад.

— Это тебе спасибо.

Сочные малиновые губы Ирины удивительно вкусны, если их запечатать долгим нежным поцелуем.

Неожиданно она вскрикнула и отстранилась от Виктора.

— Что это у тебя такое жесткое? — спросила Ирина, ощупывая нагрудный карман рубашки.

— Не знаю, сейчас посмотрим!

Пальцы Виктора медленно разжались.

На ладони багровым огнем горел медальон на тонкой цепочке.

Подсвечник «Черепаша»

Брошь «Утро»

Брошь «Весна»

Рождают радость

С древнейших времен ювелирные изделия радовали глаз человека. Они не только служили украшением для женщин, но и возвышали духовность окружающих, рассказывали о времени и месте своего рождения. В наши дни привнести в ювелирное произведение что-то новое, свое под силу только очень талантливому человеку.

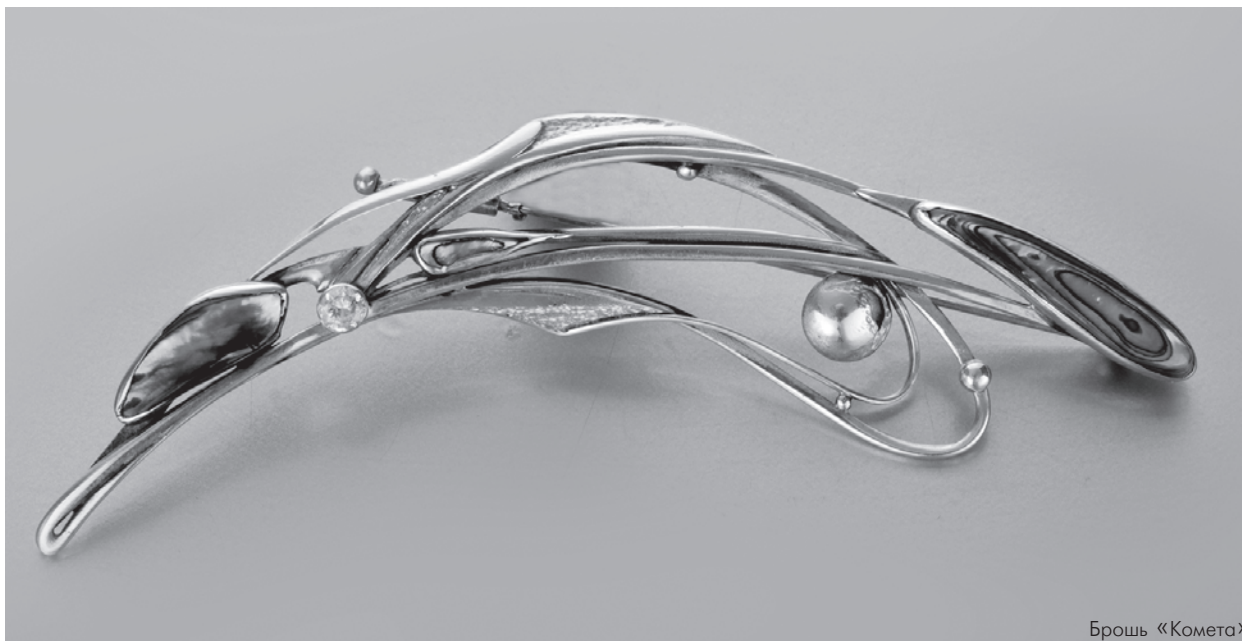
Любуясь изделиями молодого екатеринбургского ювелира Максима Казанцева (кольцо «Подсолнух», брошь «Ландыш» и др.), удивляешься его мастерству и умению разгадать тайны природы.

Целый букет чувств рождает его ювелирные работы «Скат», «Морской конек», «Ракушка», «Медуза»... Удивительно, как молодому человеку, живущему не на берегу Красного моря, а в «сухопутном» промышленном городе, удается в камне и металле передать красоту подводного мира. Наполнив форму своих ювелирных изделий магической пластикой и обогатив ее цветовой гармонией камней, Максим сумел создать эффект движения и легкости.

Не случайно мастерство ювелира, воплощенное в золотых кольцах с бриллиантами, сапфирами и рубинами на морскую тематику, было высоко оценено на Международной ювелирной и часовой выставке в Москве «Ювелир-2007»: изделия были удостоены Гран-при.

Говорят, что на детях природа отдыхает. А вот Максим доказал, что он достойный сын своего отца — известного уральского художника-монументалиста Виталия Казанцева.

Воспитанный в атмосфере творчества, он безо всяких колебаний выбрал в юности специ-

Брошь «Комета»

альность художника-ювелира, поступив в Художественно-промышленное училище № 2 в Екатеринбурге. Его дипломная работа — гарнитур «Ландыш» — вошла в коллекцию экспонатов музея училища. После окончания (с отличием) училища Максим продолжил учебу по специальности в Уральской государственной

архитектурно-художественной академии и принял активное участие в работе секции ювелиров при Союзе художников России (Свердловское отделение). Еще студентом Максим участвует в выставке IV всероссийского конкурса декоративно-прикладного искусства в Москве, в Высшем художественном училище (из-

вестной «Строгановке») и получает первое место за брошь «Голубая планета» (мельхиор, бирюза).

Выставки «Камнерезное искусство Урала» (Екатеринбург), выставки-ярмарки в Москве (Манеж) и С.-Петербурге, в Уфе и Златоусте — вот далеко не полный перечень больших презен-

Гарнитур «Ландыш»